

10

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИС

Каким видится будущее
России россиянам?

О русских истоках
китайской социологии

К 100-летию Ш.Н. Эйзенштадта

Типологический анализ
неустойчивой занятости:
метод нечетких классификаций

Кризис - предвестник
теоретического поворота

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ИГНАТЬЕВ В.И. Перспектива постсоциального транзита: метаморфоз действий и структур
- 14 КАТЕРНЫЙ И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 27 КУЧЕНКОВА А.В., ТАТАРОВА Г.Г. Нечеткие классификации в типологическом анализе работников по неустойчивости занятости

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 41 ЛИСИЦЫН П.П., СТЕПАНОВ А.М., ОРЛОВА Н.А. Выполненные и невыполненные обещания Эверетта Ли: к критике миграционных теорий
- 52 ЛОГИНОВА Л.В., ЩЕБЛАНОВА В.В. Миграция населения в приграничном регионе: состояние и тенденции (на примере Саратовской области)
- 65 БЮРАЕВА Ю.Г. Демографический потенциал Республики Бурятия: динамика и факторы снижения в условиях новых вызовов

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 78 БЕЛОПАШЕНЦЕВА П.В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг.
- 91 КОЛЕННИКОВА Н.Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан
- 104 ЛЯЛИКОВА С.В., НАЗАРОВА И.Б., КАРПОВА В.М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 116 БРАСЛАВСКИЙ Р.Г., КОЗЛОВСКИЙ В.В. Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта
- 126 ЛЕБЕДИНЦЕВА Л.А., ДЕРЮГИН П.П., ЛЮ Цзюань. Профессор С.М. Широкогоров: русские истоки китайской социологии
-

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 137 КЛИМЕНКО Л.В., ВЕРЕЩАГИНА А.В. Активность женщин в публичной сфере: динамика этногендерных установок на Юге России
- 146 БАЛАКИНА Г.Ф., ХАРУНОВА М.М.-Б. Тувинцы-тоджинцы в современных условиях
- 151 ТРУФАНОВ А.Ю., САМСОНОВ А.И., ЛУБЯНОЙ М.С. Российский регион в условиях кризиса (на примере Нижегородской области)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 157 БАДАРАЕВ Д.Д., БАДМАЦЫРЕНОВ Т.Б. Трансграничье Востока России в модернизационных процессах
- 160 ГРАБЕЛЬНЫХ Т.И., САБЛИНА Н.А., ЗЫРЯНОВ В.В. Развитие экспертных институтов в меняющемся мире

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 162 ТИТАРЕНКО Л.Г. На пути к суверенной российской цивилизации
- 168 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Vladimir Ze'ev Khanin. From Russia to Israel – and Back? Contemporary Transnational Russian Israeli Diaspora. Potsdam: De Gruyter Oldenbourg, 2022. Рец. Е.Э. Носенко-Штейн; Тукумцев Б.Г. Избранные статьи: сборник статей / Под ред. В.Ю. Бочарова. Самара: Самарский ун-т, 2023. Рец. И.Л. Сизова*)

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2023 г.

В.И. ИГНАТЬЕВ

ПЕРСПЕКТИВА ПОСТСОЦИАЛЬНОГО ТРАНЗИТА: МЕТАМОРФОЗ ДЕЙСТВИЙ И СТРУКТУР

ИГНАТЬЕВ Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (ighnatiev.v@inbox.ru).

Аннотация. Проверяется гипотеза о возможности трансформации общества в пост-социальное состояние. Проводится экспликация содержания понятия «социальность». Показано, что признаки интенций возможности постсоциальности присутствуют в теории символического интеракционизма и акторно-сетевой теории. Выявлен инвариант социальности. На основе трансдисциплинарного подхода социальность интерпретируется как родовое свойство агрегаций гомогенных и гетерогенных агентов естественного и гибридного происхождения воспроизводить согласованные взаимодействия. Высказано предположение, что потенциал преодоления социальности обусловлен трансформацией отношения «действие-структура», где агентом действия становится виртуальный актор, а функцию структуры принимает техносистема. В результате социальность элиминируется и стремится к сохранению в виде виртуальных эпифеноменов, а социальная жизнь протекает вне непосредственных контактов между агентами.

Ключевые слова: социальное • социальность • постсоциальность • альтерсоциум • постчеловеческий транзит

DOI: 10.31857/S013216250028300-3

Введение. Предмет настоящей статьи – проверка гипотезы о возможном движении сообщества людей к стадии постсоциального состояния. Об этом, в частности, свидетельствует усиление напряжения между агентом и структурой по мере возрастания степени автономности агента, усиленного включением в техносистему, что ведет к деструктурированию социальной реальности. Интерес к изучению этой тенденции представлен в отечественной социологии. Так, П.С. Сорокин отмечает, что «под воздействием трансформирующего социальную среду действия происходит важное изменение в социальной реальности – деструктуризация. Деструктуризация предполагает не только относительную онтологическую независимость индивидуального действия от структуры (то есть наличие определенной степени свободы воли), но и принципиальную зависимость структуры от действия» [Сорокин, 2023: 103–114]. Нельзя исключать сценарий, когда общество под воздействием процессов Четвертой и последующих технологических революций начнет терять базовые социальные характеристики и приобретать постсоциальные техномодифицированные формы как альтернативу человеческой агентности и структуре. Предположение о возникновении наряду с человеческими социальными отношениями особых тоже социальных отношений, участниками которых становятся материальные объекты, было высказано в акторно-сетевой теории [Латур, 2014]. Одним из направлений обсуждения возможных последствий трансформации социальной структуры в результате

взаимодействия человеческих агентов с агентами искусственного интеллекта (ИИ) стало появление концепции «комплементированного постчеловечества» – эссенциокогнитивизма, который трактует комплементацию как объединение человеческого разума и разума ИИ в единое целое с образованием конгломерата когнитивных единиц (ККЕ) [Иванченко, Архипов, 2021]. Их взаимодействие – это один из возможных векторов социальной трансформации – появление нового типа социума с гибридной морфологией. На появление подобного рода отношений как *особых* социальных (с обозначением их как «постсоциальных форм»), в которые включены неживые предметы, обращали внимание К. Кнорр-Цетина и У. Брюггер: «Наплыв объектных миров ведет к трансформации модели связей между людьми, которую можно обозначить понятием постсоциальных форм. Эти формы включают объектные отношения, в которых объектами выступают неживые предметы» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2004: 445–468]. Полагаю, что отсылка к факту появления особых предметов в качестве объектов, выполняющих некоторые функции социальных агентов, недостаточна для признания возникающих форм взаимодействия постсоциальными. Такого рода «постсоциальные» отношения остаются все же социальными, поскольку опираются на тот же принцип (код) нормативной регуляции взаимодействий. Хотя следует признать, что в этот код вмешивается ИИ и основанные на нем интеллектуальные машины: боты, промышленные, сервисные и социальные роботы. Как отмечает В.В. Радаев: «В этом компьютеризированном мире социальные отношения превращаются в код и возвращаются к людям уже после прохождения через фильтр машинных алгоритмов» [Радаев, 2022: 25]. Но вряд ли при этом исчезают признаки социального. «Превращение в код и прохождение через фильтр» – это процедуры, не отменяющие содержания механизма оценки ситуации и выбора способа реагирования на действия Другого. Меняются лишь некоторые аспекты этого механизма и аппаратная, а не биологическая «начинка». Тем самым социальное/социальность продолжает воспроизводиться, хотя и на ином гибридном основании. Поэтому присвоение социальным (тоже) отношениям в компьютеризированном мире обозначения *постсоциальных* представляется не релевантным. По крайней мере, для этого требуются дополнительные аргументы. Даже если появляются «трансформированные связи между людьми» (Кнорр-Цетина и Брюггер), то они не перестают быть тоже, хотя, стоит признать, уже и *другими* социальными связями.

Структура и действие образуют неразрывное целое с возможностью, на первый взгляд, единственной альтернативной пропозиции: поскольку связи агентов поддерживаются их *взаимной* ориентацией, постольку при ее исчезновении социальность как специфическое качество их коллективности становится невозможной. Но действительно ли взаимность не может быть заменена на что-то другое для продолжения или «реинкарнации» координации, но уже в новом качестве, и каким образом, чтобы согласованные действия не исчезали? Для поиска ответа на этот вопрос требуется предварительно уточнить содержание инварианта социальности, его родовые признаки. Понятия «социальность» и «социальное» иногда употребляются как эквивалентные (с взаимозаменяемыми терминами). Однако и семантически, и онтологически они нетождественны, что специально продемонстрирую далее. Поэтому *центральный вопрос настоящей статьи: что отличает «социальность» от «социального», и не только как понятия или семантические единицы, но как стороны социальной жизни? Это позволит приблизиться к ответу на вопрос: где граница и «красная линия», за которой социальная жизнь людей может приблизиться к точке сингулярности и переходу в постсоциальность? И насколько вообще корректно говорить о некоем возможном состоянии «после-социальности»?*

Социальность как родовое свойство социального. «Социальность» как особое качество любых форм коллективности воспроизводится (конструируется) через *непрерывающийся процесс интеракций* с постоянным активированным ожиданием реакций Другого и обращением к «зеркальному Я», что делает его родовым признаком этих форм. Этот процесс получил отражение в теории символического интеракционизма. В ней ожидания индивидов представлены не столько как продукты состоявшихся согласований,

и не продукты практик, и не состояния, а действующие, постоянно активированные процедуры. Именно в интеракциях постоянно находится в действии *механизм проверки ожиданий*, т.е. всякий раз заново строится модель ситуации и интерпретации. Механизм такой «структуриации» (Гидденс) нельзя остановить, не остановив саму социальную жизнь («реляционность» у П. Донати и М. Арчер) [Донати, 2019; Арчер, 1994]. Здесь социальное и *проявляется как социальность*, выступая тем самым как *механизм воспроизводства согласований взаимодействий*.

Для уточнения сути социального и в попытке обратить внимание на ее сущностную характеристику Н. Флигстин и Д. Макадам ввели понятие «экзистенциальная функция социального» (ЭФС), отражающее качество, которое порождает социальные навыки [Флигстин, Макадам, 2022: 95]. ЭФС – это обеспечение членов группы специфическими коллективными идентичностями и взаимно разделяемыми представлениями о мире [там же: 98–99]. Речь идет о совместном создании смыслов, невозможном без взаимопонимания [там же: 98]. Активная конструирующая деятельность агента, протекающая в формате и через символические интеракции с другими агентами, и есть воплощение качества социальности сообщества. Ускорение трансформации морфологии и социетальных оснований современной социальной жизни требует прояснения условий сохранения фундаментальных принципов ее воспроизводства и целостности. Соотношение агентности и структурности переформируется. Неизбежно и переформатирование места социальности в социальной жизни.

Необходимость различения социального и социальности – это не перебор семантических коннотаций (или символов) одного и того же понятия, а требование уточнения категориального аппарата общей социологической теории. За чертой предметных областей фундаментальных теорий остается поиск ответа на вопрос о наличии в механизме социальной системы и социального порядка не только *специфических для человеческого сообщества способов поддержания согласованности и целостности связей* (т.е. *человеческой социальности*), но и, самое главное, механизмов, *инвариантных* всем видам и формам коллективности. Сегодня актуальность этого вопроса обострилась в связи с вторжением в повседневную жизнь отдельных людей и их сообществ искусственных систем особого рода – устройств с ИИ. При этом этот вопрос пока остается за пределами социологии, будучи локализованным в сфере междисциплинарных исследований, прежде всего в социобиологии, и концентрируясь в философии, когнитологии, исследованиях STS и ИИ, в теории управления автоматизированными интеллектуальными системами и гуманоидными машинами.

Поиск инварианта социальности, или ответа на вопрос, какие родовые свойства представляют феномен социальности, требует обращения к результатам современных исследований на пересечении социологии и социобиологии. Собственно к тем областям, где специально отслеживается *социальность как способ существования совместно живущих агентов, именуемый социальной жизнью*. Обратимся к трансдисциплинарному ракурсу рассмотрения социального и социальности. Из наиболее примечательных публикаций последнего времени, в которых сделана успешная попытка совершить такой трансдисциплинарный переход к построению инвариантной модели социального, следует выделить исследование И.А. Шмерлиной – одной из немногочисленных представителей современного отечественного социологического сообщества, работающей в пограничной области социологии и социобиологии. Актуальным, хотя и несколько категоричным, звучит исходный посыл: «в социальной науке до сих пор не сформулирован внятный ответ на вопрос, что есть “социальное”. Понимание социального как не-природного, принятое социологией в качестве аксиоматического допущения, явилось барьером для развития целого ряда плодотворных интуиций полидисциплинарного характера» [Шмерлина, 2019: 7]. Хотя еще Э. Дюркгейм обращал внимание на определенные сходства условий социальной организации во всем животном мире: «Можно даже предположить, что любая организация должна иметь общие черты» [Дюркгейм, 1995: 208]. Тем самым вполне

обоснованно говорить о некоем общем основании (условии) коллективной жизни животных и людей – социальности животных и социальности человеческих сообществ. Однако стала доминировать одна из версий антропоцентрированного социального конструктивизма: «социальный порядок – это человеческий продукт... непрерывное человеческое производство... <он> не является частью “природы вещей” и не возникает по “законам природы”... Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности» [Бергер, Лукман, 1995: 31]. В свою очередь, в этологии было показано, что социальность является не «видоспецифически» человеческим, а универсальным феноменом жизни [Плюснин, 1990; Шмерлина, 2019: 8].

Социальность в широком смысле, в определении И.А. Шмерлиной, «это объективная принадлежность к групповому целому (популяции) и способность контактировать с представителями этого группового целого», «любые формы совместимости, тем или иным способом реализуемые в поведении» [Шмерлина, 2019: 95, 93]. По мнению представителей социобиологии и трансдисциплинарного подхода, у социальности людей и животных единое основание – структуры [Шмерлина, 2019: 93; Плюснин, 1990: 148]. Согласно Ю.М. Плюснину, социальность имманентна самой жизни: «Сообщество обладает свойствами системной целостности, что отражается в появлении специальных структур, обеспечивающих эту целостность...» [Плюснин, 1990: 148]. «Биосоциальность – это имманентное свойство организмов, заключающееся в способности устанавливать и поддерживать взаимодействия с конспецификами на разных уровнях интеграции» [Плюснин, 1990: 45]. Социальность – это изначальная форма жизни на Земле и «может рассматриваться как оптимальный способ организации живого вещества, существующего в дискретной форме и стремящегося к безграничному воспроизводству в ситуации ограниченности ресурсной среды... как способ упорядочения доступа к ресурсам» [Шмерлина, 2019: 127, 128].

Для выбора определения социальности как таковой И.А. Шмерлина предлагает привлечь во внимание представленную Н. Луманом специфику коммуникации как элементарной операции, воспроизводство которой конституирует общество [Луман, 2004: 161]. Тогда социальность предстает как «базирующиеся на общей смысловой перспективе взаимодействия живых существ, преимущественно конспецификов, совершаемые как цепь подсоединяющихся коммуникаций и образующие устойчивые структуры» [Шмерлина, 2019: 151, 152]. Полагаю, что принципиальным недостатком такого определения социальности является включение в него в качестве универсального признака «смысловой перспективы». Впрочем, аргументы в пользу наличия у нечеловеческих носителей социальности «смысловой перспективы» автор не приводит. Тем более неуместна и ссылка на позицию Н. Лумана, модель социальной системы которого формально универсальная, но по содержанию относится к системе коммуникаций людей.

Замечу, что довольно успешная интерпретация инвариантности социальности, проделанная И.А. Шмерлиной, не стала методологическим основанием для следующего этапа ее работы в области теоретической социологии при формулировании авторской концепции «социологии социальных форм» [Шмерлина, 2022]. Удивительно, но сколь пластичным порой бывает применение некоторых эпистимических процедур, позволяющих давать определение объекта («социальная форма»), не соотнося его видовые и родовые признаки! Оппозицией «социальной форме» выступает «не-социальная форма», но каково у этих форм общее содержание? Вопрос остался открытым. Именно в этом случае, несомненно, удачной авторской концепции социальных форм и не хватило усиления в явном виде конструктом «социальность» (к тому же собственной разработки). Могу предположить, что имплицитно автор совершила переход от понятия «социальность» к понятию «социальная форма», заменив «социальность» на «социальное» и представив социальное как коллективную (социальную) жизнь людей. И все же при этом «понятийном транзите» И.А. Шмерлина осталась на позиции интерпретации социальной формы как *способа существования социальности* как таковой! В ее трактовке социальная форма – это феномен, обладающий «особого рода субъектностью»: «Социальная форма укоренена

в “нетранзитивных структурах” бытия, иначе – объективном контексте взаимодействия [...] Социальная форма есть конструкт, созданный из тех семиотических средств, которыми располагает естественная или историческая популяция. Посредством социальной формы отношения между субъектами, складывающимися в той или иной сфере, эксплицируются, и, применительно к человеческому миру, реифицируются» [там же: 115]. Из этого суждения следует, что понятие «социальная форма» может быть применено для обозначения не только социальности людей. Через расширение смысловой нагрузки термина «социальность» и открывается возможность включения в область изучения социальности отнюдь и не только сообщества человеческих агентов. И тогда выводы монографии И.А. Шмерлиной выходят далеко за пределы теории общества людей, повышая статус концепции до трансдисциплинарного уровня со значительным эвристическим потенциалом – возможностью исследовать специфику социальности гетерогенных (гибридных) сообществ. Хотя вряд ли удачно присваивать социальной форме атрибут субъектности (это, скорее, авторская метафора), но за этой метафорой явно стоит попытка автора обозначить субстанциальный (*substantia*) статус социальной формы по отношению к действиям субъектов-акторов как модусам этой субстанции. Поскольку их деятельность различима «в реальном социальном процессе» [Шмерлина, 2022: 115], постольку она есть проявление социальной формы как сущности (*entity*), т.е. проявление социальности.

Социальность: сцепление «лицом-к-лицу». Проявление социального (в социологии применительно к человеческим сообществам) связывают в конструктивистской парадигме со смыслами. Социальность людей в этом случае следует понимать как единство структуры взаимодействия и смыслов, определяющих и конструирующих взаимодействия. Образование смысла происходит как включение некоего феномена, события или фрагмента в контекст активности агента действия. Так наделенный смыслом фрагмент приобретает для него значимость. Смысл детерминирован структурой (контекстом), но определяется (назначается, выбирается из структурных характеристик) действующим агентом, который тем самым становится субъектом. Природа смысла инструментальна, как ее постулировал Н. Луман: «Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется – не раньше и не позже. Поэтому смысл – это продукт операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира...» [Луман, 2004: 45]. Смыслы, облаченные в семантические конструкции, выступают как значения.

Наиболее проработанная теория протекания интеракций между людьми получила воплощение в символическом интеракционизме. В нем представлен механизм воспроизводства процедур координации и согласований как процесс и продукты производства символов, что составляет содержание человеческой социальности. Но что универсального содержится в обеспечении социальности посредством символических смысловых интеракций между людьми? Обратимся к механизму символической интеракции, представленному в описании Г. Блумера. В соответствии с теорией символического интеракционизма для людей характерны несимволические (жестовые) и символические взаимодействия [Блумер, 2017: 47]. Г. Блумер подчеркивает, что «человеческое общество или группа состоит из людей, ассоциированных между собой. Эта ассоциация неизбежно существует в форме людей, действующих в отношении друг друга и тем самым вступающих в социальное взаимодействие. Взаимодействие в человеческом обществе происходит специфически и преимущественно на символическом уровне [...] [индивиды] обязательно должны учитывать действия других при формировании своего действия. Они делают это с помощью двойного процесса указания другим на то, как им надо действовать, и интерпретации указаний, создаваемых другими. Человеческая групповая жизнь – это обширный процесс определения для других того, что им делать, и интерпретации их определений; с помощью этого процесса люди приспособливают свои действия друг к другу и формируют собственное индивидуальное поведение» [Блумер, 2017: 49] (выделено мною. – В.И.). Так, социальность как социальное взаимодействие возникает в результате непосредственных взаимодействий людей и существует

как процесс этих непосредственных взаимодействий. Но, подчеркну, продукты этого процесса есть не сама социальность, а объекты с воплощенными в них атрибутами собственно социальности как процесса межличностных интеракций.

Но могут ли такие объекты появляться вне пространства их взаимодействия? Если да, то что, в таком случае, замещает социальность, что передает объектам ее свойство? Блумер подчеркивает, что человек как организм «взаимодействует с собой посредством социального процесса создания указаний для себя» [Блумер, 2017: 54]. Уместен вопрос: если посредником выступают не интеракции и их продукты, т.е. отсутствует социальность, что же человек использует для «указаний для себя»? Что еще может выступать источником указаний, кроме биологических, психических и культурных факторов? Символический интеракционизм обратил внимание на еще одну, хотя и не вполне социальную, природу регуляторов поведения индивида (и все же не выйдя при этом за пределы интерпретации действия как социального): «человек считается [в символическом интеракционизме] “социальным” в гораздо более глубоком смысле – в смысле организма, вступающего в социальное взаимодействие с собой путем создания указаний для себя и реагирования на эти указания [...] Человек... организм, который должен иметь дело с тем, что он замечает» [там же: 55] (выделено мною. – В.И.). Его действие *вырастает из интерпретации*, поэтому есть *интенционально обусловленное действие*. Индивид может направлять свое действие путем создания *указания для себя*. И при этом в ситуации интерпретации характеристик среды индивиду *вовсе не обязательно* удостоверяться в значении действий *других* индивидов. Социальность же – это *сцепление действий*. «Совместное действие всегда должно проходить через процесс формирования... в каждом случае оно должно формироваться заново» [Блумер, 2017: 59]. Следует ли из этого, что отсутствие совместности действий означает и исчезновение социальности? И сохраняется ли в этом случае общество?

Если следовать логике Блумера, то для социальной жизни индивиду достаточно создавать указания для себя, ориентируясь на свои биологические, психические характеристики и на культурные факторы («социальную систему»). Совместные действия возможны, но не необходимы для социальной жизни в определенной раз и навсегда заданной форме. Социальное сохраняется, социальность преобразуется и замещается. Действительно, жить в обществе невозможно без зависимости от него. Но эта зависимость не предполагает неизбежные совместные действия только с непосредственными взаимными ориентациями. Или, добавим, с взаимными ориентациями только на людей. Ведь помимо людей в состав современного общества входит техносистема. Также совместные действия и непосредственные взаимные ориентации отсутствуют в социальных сетях – «протяженных связях действий»: «различные участники, находящиеся в различных точках сети, совершают свои действия в этих точках, пользуясь определенными наборами значений. Сеть, или институт, не функционирует автоматически в силу какой-то внутренней динамики или системных требований; она функционирует потому, что люди в разных точках что-то делают, а их действия являются результатом того, как они определяют ситуацию, в которой им приходится действовать». При этом наборы значений «погружены в локализованный процесс социального взаимодействия» [там же: 62]. В этой связи примечательно высказывание Я.Л. Морено: «Дистанция, которая не соотносится с близостью, приводит к символизму, номинализму, одним словом, к *социальной нереальности*» [Морено, 2001: 115]. Впрочем, почему же приводит к социальной нереальности, а не вообще к иному социальному или отсутствию социальности?

Перемещение социального: связи и взаимодействия. Расширенную версию толкования феномена социального привнес Б. Латур, представив «социальное» как прилагательное, которое «обозначает не вещь среди других вещей... а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [Латур, 2014: 17]. Тип связи он обозначил традиционно – «социальное», тем самым заложив и эпистемическое, и логическое противоречие в развернутую им конструкцию ANT, которая была бы более адекватно выражена (и более приемлема для дальнейшего более конструктивного обсуждения эвристического

потенциала концепта «пересборки социального») путем введения пары категорий социального и социальности. И все же особо отметим такой важный нюанс подхода Б. Латюра к переинтерпретации и понятия, и возможностей, и задач самой социологии как науки, как обращение внимания не на субъект (вещь, агент), а на предикат (связь).

В ANT производится «пересборка» подхода к интерпретации социальных феноменов (переключение на другую онтологию), приводящая к переходу исследования от уровня социального на уровень социальности. Ведь в дальнейшем Б. Латюр имеет в виду именно две стороны связанных множеств объектов, различая возникающие *формы* (множества вещей и агентов) и *процесс* образования их связанностей, поскольку устанавливать факт пересборки социального невозможно без признания изменений (тоже пересборки) в самих участниках. Тем самым процесс пересборки социального предстает в ANT как реформатирование (сборка на новом принципе) его форм с сохранением универсального качества – *социальности как некоего принципа воспроизводства связи*. Неудивительно, что с помощью подхода ANT свойство социальности можно обнаруживать у любых связанных между собой объектов (предметных и символических, живых и неживых). И продолжая при этом использовать термин «социальное». Так, в неочевидной форме процесс «пересборки социального» выступает в ANT как «пересборка *форм социальности*», а термин «социальное» Б. Латюр использует *для показа* (отслеживания, слежения) *способа, пути*, каким образуются связи *как таковые* (не все связано со всем, а по определенным направлениям, с охватом определенных объектов) и между объектами любых типов. Уместно вспомнить Г. Тарда: социальное – это не особая область реальности, а принцип соединения; социальное это циркулирующий поток [Тард, 2016]. Латюр признает *инвариантность и скрытый* характер существования социального, наличие некоей его основы, однако не видя необходимости для особого его обозначения («достаточно социального»). Почему? Вероятно, социальность существует, лишь когда активна, в движении. Для ANT «ни общества, ни социального с самого начала не существует... Социальное не общая мера всех вещей... а всего лишь движение, которое можно уловить только опосредованно» [Латюр, 2014: 54–55]. «На самом деле социальные силы не присутствуют в наличии на “заднем плане” и не принимают множества обличий, а сами ассоциации “создают все различия в мире”» [там же: 56]. В версии Латюра социальный мир предстает не только как связь, но и как «переплетение взаимодействий», рождающих *коллективные* действия. «Под коллективным действием мы понимаем не действие, выполняемое гомогенными социальными силами, а, наоборот, действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил, и именно потому, что они различны... Коллективом же мы будем называть проект сборки (*assembling*) новых сущностей, еще не объединенных и по этой причине явно выглядящих не состоящими из социальной субстанции» [Латюр, 2014: 106–107].

Вскрытый Латюром пласт *бытия социального* принимается мною как серьезный аргумент не только в пользу развития альтернативных версий концептуальной интерпретации социального, но и как свидетельство возможности перехода к алтер- или постсоциальности. Ведь одна из идей «пересборки социального» – предлагаемый пересмотр онтологии социального в направлении признания способа его существования не исключительно как непосредственных межчеловеческих интеракций, а как *процесс* перемещения («перевода») социальности как особого качества между гетерогенными объектами. В таком случае социальность предстает как перемещающееся (блуждающее) и меняющее свою форму качество, а связь отдельных объектов (агентов) с множеством может происходить различными способами, и возможно не всегда представленными непосредственными взаимодействиями.

Идея перемещения социальности перекликается со сформулированными Я. Морено тремя версиями возможной эволюции соотношения предпочтений людей и вещей. Предугадывая возможное доминирование в межчеловеческих взаимодействиях особых вещей в виде машин, Я. Морено фактически приходит к признанию возможности исчезновения социального/социальности в обществе, «в котором предпочтения вещей полностью

превалируют над предпочтениями людей, общество, в котором угасли все привязанности к людям» [Морено, 2001: 123]. Вот как, в его версии, предстает общество, лишенное социальности: «Существуют только привязанности к вещам независимо от людей и к людям лишь как к носителям определенных вещей, и вещи бесконечно могут “замещаться” другими вещами. Отдельный человек мог бы достичь счастья и уравновешенности в неведомой для себя прежде степени. Это стало бы техногенной панацеей. Эмоциональные потоки между людьми будут сведены к нулю [...] Возникнет общество, в котором индивиды станут символами, а вещи – единственной реальностью» [там же: 123].

Постсоциальность как возможность. *Непосредственное участие в процедурах поиска, выработки и принятия образцов – первое условие и качество социальности сообщества людей.* В этом случае утрата социальности означает исключение процедуры непосредственного присутствия Другого/Других и замену их присутствия не индивидами, а их символическими заместителями, как это происходит в случае «погружения» индивида в виртуальную реальность или в процессе свободного движения в пространстве Интернета. Возможно, что переходной версией движения к постсоциальности может выступить, например, «человек-виртуал». Концепт человека-виртуала был предложен Т.Г. Лешкевич как продолжение исследований феномена сращивания человека с цифровыми технологиями [Лешкевич, 2022; см. также: Чернавин, Барина, 2023]. В этих исследованиях интересен один аспект – факты преодоления человеком традиционных социальных связей и переход к другим формам сохранения им социальных качеств и, прежде всего, уход от межличностных интеракций, и переход к коммуникации с техносферой, вследствие чего формируется технологическая «антисоциальность». В этом случае отдельные индивиды самостоятельно конструируют смыслы, ценности и шаблоны взаимодействий, предоставляя их в онлайн всем и каждому в отдельности из участников сетевых коммуникаций (как это характерно для ролевого поведения блогеров). Однако использование виртуальных и онлайн-технологий это только первый шаг устранения социальности, поскольку сама процедура ориентации на Других как цель и потребность (и индивидуальная, и социальная) продолжает сохраняться. Только в случае перехода (переориентации) от учета мнения и реакций сообщества к учету и ориентации на объект другого характера и природы состоится «погашение» социальности. Что может выступить в качестве такого объекта?

Единственным вариантом могут быть не индивиды и их интеракции, а особые продукты их социальной деятельности, полностью погруженной в техносистему и ею формируемой. *Таковыми выступает социальная информация, включенная в социальное пространство и существующая как информационное пространство и информационные потоки.* Можно предположить, что в этом случае возникает особый механизм взаимодействия – механизм «волновой причинности», когда вместо сетевой логики вступает в действие «логика ризомы» [Белогов, 2023]. Поясню. Взаимодействие индивидов с Данными, «очичищенными» от включенности в межличностные интеракции, делает для каждого индивида открытым лишь одно поле – Данные в «чистом» виде. Поскольку в моменты использования Данные уже перестали быть включенными в акты производства, то они утратили корни происхождения и вышли из-под контроля создавших их индивидов. Они теперь продолжают существовать в «свободном пространстве» Больших Данных и принадлежат всем и никому в частности. Утратив контроль над произведенными ими Данными, индивиды вынуждены совершать действия не в условиях ориентации на Других, а в условиях вообще замещения этих Других на символические объекты, ставшие заместителями всего мира людей. Тем самым происходит реконфигурация социального взаимодействия, и оно перестает быть социальным по своему происхождению, поскольку в нем исчезает главный элемент – человек как «эмпирически противостоящий Другой». Особенность этой качественно иной ситуации в том, что индивиду теперь никакой Другой не нужен для поддержания жизнедеятельности тоже в обществе, но не для взаимодействия с Другими и не опосредованно взаимодействиями с Другими. Это не значит, что исчезает необходимость и возможность межличностных интеракций. Нет, дело заключается в том,

что приоритетом и императивом жизни в таком социуме становится ориентация на исключенность из непосредственных или опосредованных межличностных интеракций – своеобразные дауншифтинг и эскапизм, доведенные до возможного предела и ставшие социальной ценностью. В итоге происходит *переход* социального действия в агентность-индивидуальное действие, трансформирующее социальную среду [Сорокин, 2023]. Это особая агентность, *не связанная с созданием структуры взаимодействий агентов*, а с использованием и одновременно формированием и расширением виртуального социально-го пространства. Социальность замещается ее виртуальными эпифеноменами.

Заключение. Жизнедеятельность индивида постепенно становится изолированной *не от общества*, в виде его продуктов, а от безусловно *необходимых непосредственных взаимодействий с другими* индивидами. В этом и состоит феномен исчезновения социальности как *продукта межчеловеческих взаимодействий*. Ведь теперь шаблонами, схемами и инструкциями целедостижения становятся не репрезентации социальных норм эмпирически представленными индивидами как их агентами, а схемы оперирования с устройствами, содержащиеся в цифровых хранилищах.

В свою очередь, индивидуальные действия меняют социальную среду и генерируют трансформации в самой техносреде. *Полагаю, что это шаг к перестройке социальности и переходу к постсоциальности. В этом случае действия агентов открыто и эмпирически тотально создают структуры, а не структуры создают действия; и становится очевидным, что бытием (онтологией) обладают только агенты, а действия есть их атрибуты. Структура тоже обладает особой онтологией, но форма ее бытия – символические объекты как не-и вне-индивидуальные сущности (enteties). В то время как сами действия – это индивидуально укорененные практики, находящиеся в состоянии постоянной активности, создаваемые и контролируемые конкретными агентами.*

Именно устройства с ИИ и генерации Больших Данных становятся источниками норм взаимодействия и альтернативой структуры, но уже не людей между собой, а людей с машинами. Люди теперь все более вступают друг с другом в коммуникации исключительно для общения в собственном значении содержания этой интеракции – для получения информации и удовлетворения своих эмоциональных потребностей, а не для использования Других как средства целедостижения опосредованно социальной структурой. Теперь Другие обладают формально (технически) равными возможностями доступа к ресурсам (определяемыми техносистемой), и доступ к ресурсам не опирается на принципы разделения функций и кооперации, устанавливаемые только людьми. Разработку этих принципов берут на себя устройства, усиливая, дополняя, замещая и удаляя людей из сферы различных конфигураций сотрудничества, соперничества и конкуренции между собой по поводу производства. А механизмы и процедуры распределения и порядок, и содержание потребления переходят под полный контроль устройств с ИИ.

Перспективой такой трансформации социальности и содержания социальной жизни людей становится их абсолютная разобщенность и одновременно абсолютная интегрированность во взаимодействия с устройствами. Так, техносистема становится заменой сообществам людей, а люди объединяются между собой опосредованно техносистемой, но не интеракциями друг с другом. Сообщества устройств превращаются в разнообразные «сообщества» человекоподобных агентов техносоциальных отношений – в сообщества техносубъектов, формируя технологическую социальность [Игнатьев, 2019]. Вместе с людьми технологическая социальность образует систему гибридной социальности [Игнатьев, 2023]. Но образовав такую систему, эти элементы *утрачивают качество социальности*, поскольку состоявшаяся «пост» есть *замена процедуры согласования* между людьми, киборгами и устройствами с ИИ, на процедуру предписаний и функций, задаваемых единым «организмом» – техносистемой. В ней элементы не согласованы, а функционально взаимосвязаны принципом единства системы. Характер отношения «действие – структура» меняется под воздействием изменений ее морфологии с приходом «виртуального агента» и гибридной техносистемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
- Белоногов И.Н. Ризома: по ту сторону сетей и иерархий // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 91–94.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017.
- Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М.: ПСТГУ, 2019.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Игнатьев В.И. И грядет “другой” актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1. С. 64–78.
- Игнатьев В.И. Морфогенез гибридного социума: онтологизация цифры. Новосибирск: НГТУ, 2023.
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: Исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445–468.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
- Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Морено Я.А. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академ. проект, 2001.
- Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1990.
- Радаев В.В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28.
- Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114.
- Тард Г. Монадология и социология. Пермь: Гиле Пресс, 2016.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ВШЭ, 2022.
- Чернавин Ю.А., Барина Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39.
- Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: ЛИБРОКОМ, 2019.
- Шмерлина И.А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.

Статья поступила: 06.08.23. Финальная версия: 17.08.23. Принята к публикации: 19.09.23.

THE PERSPECTIVE OF POSTSOCIAL TRANSIT: METAMORPHOSIS OF ACTIONS AND STRUCTURES

IGNATYEV V.I.

Novosibirsk State Technical University, Russia

Vladimir I. IGNATYEV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (ignatiev.v@inbox.ru).

Abstract. The hypothesis about the possibility of society transformation into a postsocial state is tested. The explication of the content of the concept of “sociality” is carried out. It is shown that the signs of intentions of the possibility of postsociality are present in the theory of symbolic interactionism and actor-network theory. The invariant of sociality is revealed. On the basis of the transdisciplinary approach, sociality is interpreted as a generic property of aggregations of homogeneous and heterogeneous agents of natural and hybrid origin to reproduce coordinated interactions. It is suggested that the potential for overcoming sociality is due to the transformation of the “action-structure” relationship, where the virtual actor becomes the agent of action, and the technosystem takes on the function of the structure. As a result, sociality is eliminated and tends to be preserved in the form of virtual epiphenomena, and social life proceeds outside of direct contacts between agents.

Keywords: social, sociality, postsociality, altersocium, posthuman transit.

REFERENCES

- Archer M.S. (1994) Realism and morphogenesis. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 4: 50–68. (In Russ.)
- Belonogov I.N. (2023) Rhizome: On the Other Side of Networks and Hierarchies. *Voprosy Filosofii* [Russian studies in philosophy]. No. 6: 91–94. (In Russ.)
- Berger P., Luckman T. (1995) *Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Blumer G. (2017) *Symbolic interactionism: perspective and method*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)
- Chernavin Y.A., Barinova G.V. (2023) Man in the space of digital culture. *Voprosy Filosofii* [Russian studies in philosophy]. No. 4: 29–39. (In Russ.)
- Donati P. (2019) *Relational theory of society: social life from a perspective of critical realism*. Moscow: PSTGU. (In Russ.)
- Durkheim E. (1995) *Sociology. Its subject, method, purpose*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Field Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Ignatyev V.I. (2019) And the “other” actor is coming... Formation of a technosubject in the context of movement towards a technological singularity. *Sotsiologiya nauky i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 10. No. 1: 64–78. (In Russ.)
- Ignatyev V.I. (2022) Object of sociology in the metamorphosis of morphogenesis of hybrid society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 114–124. (In Russ.)
- Ignatyev V.I. (2023) *Morphogenesis of a hybrid society: ontologization of numbers*. Novosibirsk: NGTU. (In Russ.)
- Knorr-Cetina K., Brügger U. (2004) *The Market as an Object of Attachment: A Study of Postsocial Relations in Financial Markets*. Moscow: ROSSPEN: 445–468. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Leshkevich T.G. (2022) Man-virtual and the transfer of cultural values of the digital era. *Voprosy Filosofii* [Russian studies in philosophy]. No. 3: 53–63. (In Russ.)
- Luhmann N. (2004) *Society as a social system*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Moreno Y.A. (2001) *Sociometry: Experimental Method and Science of Society*. Moscow: Akadem. projekt. (In Russ.)
- Plyusnin Y.M. (1990) *The Problem of Biosocial Evolution: Theoretical and Methodological Analysis*. Novosibirsk: Nauka (Sib. otd-nie). (In Russ.)
- Radaev V.V. (2022) Expansion of platforms as a challenge to sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 15–28. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2019) *Biological Facets of Sociality: Essays on the Natural Prerequisites of Human Social Behavior*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory*. Moscow: FNIS RAN. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2023) The problem of “agency” through the prism of a new reality: state and directions of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3: 103–114. (In Russ.)
- Tarde G. (2016) *Monadology and sociology*. Perm: Gile Press. (In Russ.)

Received: 06.08.23. Final version: 17.08.23. Accepted: 19.09.23.

И.В. КАТЕРНЫЙ

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КРИЗИСА В СОЦИОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yarkus@mail.ru).

Аннотация. В статье поднимается вопрос о том, что такое кризис с точки зрения классической и современной социологии, разрабатываются элементы концепции кризисной социальности на основе теорий лиминальности и морфогенетического подхода. Выделяются три этапа эволюции в концептуализации социальной онтологии кризиса как дестабилизирующих явлений на макро- и мезоуровнях. Обосновывается формирование паттерна современного развития в виде интеркризисной структуры перманентно-лиминального типа. В рамках такой модели выделяются ядерные и периферийные кризисные явления, анализируются трансгрессивные признаки институциональной лиминальности и копинг-структура жизненных миров. Обсуждается переход к BANI-миру и распространение YOLO-экономики. Историческим фундаментом формирования кризисной социальности видится природа модернизации, в рамках которой неизбежный дисбаланс морфогенетических и морфостатических элементов развития ведет к системным кризисам и лиминализации общества.

Ключевые слова: кризис • копинг • BANI-мир • YOLO-экономика • модернизация • лиминальность • морфогенез • морфостазис

DOI: 10.31857/S013216250028301-4

Турбулентность структурных изменений последних лет, особенно начиная с пандемии COVID-19, порождает новый виток дискурса кризисных оценок и спекуляций политического, экономического и социологического характера [Global Discourse..., 2022; Fassin, Nonneth, 2022; Коленикова, 2023; Как россияне справляются..., 2023]. В России изучают проблемы социального кризиса более тридцати лет. Масштаб и глубина происходящих сегодня трансформаций сопоставимы с тем, что происходило в нашей стране в 1990-е гг. Особенностью текущего момента можно считать наложение конкретно-исторического и универсалистского содержания кризисных социальных тенденций.

Мы попробуем показать, что традиционное концептуальное понимание кризиса как социального антипорядка требует существенного переосмысления. Для этого сначала выделим три концептуальных этапа в развитии научных представлений о кризисе.

Эволюция концепции кризиса в социальных науках. Понятие «кризиса» (древнегреч. – поворотный пункт) пришло в общественные науки из медицины и драматургии. В обеих сферах это положение вещей, при котором неизбежна решительная перемена в течении болезни либо в театральном представлении. Основных элементов кризисов три: а) они имеют острый и непродолжительный характер (по сравнению с последствиями), б) сопровождаются ситуацией неопределенности в) и заканчиваются «развязкой», новой стабилизацией.

Утвердилось представление о циклическом (пульсирующем) характере социальной эволюции: упорядоченные явления и процессы сменяются периодами напряжения, разрушения и бифуркации, заканчивающиеся новым социальным порядком. Начиная с К. Маркса, такое представление легло в основу разработки теории экономических циклов, где кризисы трактуются как закономерный элемент развития капиталистического (модерного)

общества. Дюркгейм, развивая теорию аномии, также приходит к пониманию, что кризисы (особенно банкротства) становятся хроническим явлением именно в коммерческом и промышленном мире, где «кризис и состояние аномии суть явления не только постоянные, но, можно даже сказать, нормальные» [Дюркгейм, 2018: 273]. Н.Д. Кондратьев рассматривал войны и революции внутри больших циклов конъюнктуры не как antecedentes («исходные») силы хозяйственного развития, но как закономерные форму и функцию этого развития перед внедрением новых, более прогрессивных экономических факторов [Кондратьев, 2002: 383]. П. Сорокин указывает, что чередование «бурных кризисов и полного покоя» естественно для общества. Он приходит к выводу, что «социальные бури» в истории происходят гораздо чаще, чем мы привыкли думать, но в любом случае «система должна превратиться в устойчивую и кристаллизовавшуюся» [Сорокин, 2006: 723–762]. Кризисы, таким образом, трактуются классиками как отклонения от нормативных («стабильных») состояний социальных систем, но в то же время рассматриваются как норма – последствия естественного исторического процесса и модернизации общества.

В 1970-е гг. понятие кризиса стало приобретать новое эпистемологическое значение для анализа ситуаций больших технологических аварий и неопределенностей. Авария на химзаводе во Фликсборо (1974), химическая катастрофа в Севезо (1976), крушение нефтяного танкера «Амоко Кадис» и образование крупнейшего нефтяного разлива (1978), авария на АЭС Три-Майл-Айленд (1979) и др. способствовали разработке стратегий управления в «кризисных ситуациях», особенностью которых является возникновение неожиданных, неизвестных ранее и причиняющих большой ущерб проблем на «среднем» уровне общественной жизни [Dynes, Quarantelli, 1977]. Подобные кризисы разрушают привычные рамки принятия решений и создают качественную неопределенность.

В 1980-е гг. «кризисный дискурс» становится глобальным по охвату и содержанию. При этом подчеркивается *структурная несводимость*: аварии и катастрофы могут приводить к кризисам, но сами кризисы могут возникать без них. Отличительной чертой кризисных последствий является качественное разрастание институциональных акторов, разрушение конвенциональных институциональных границ [Dobry, 1985]. Британский социолог Р. Холтон описывал ситуацию в западном научном сообществе как одержимость кризисом [Holton, 1987: 502]. Голод в Африке, войны на Ближнем и Среднем Востоке, эпидемия СПИДа, рост преступности и массовая безработица в странах Запада – все это разрушало лелеемую с начала эпохи Просвещения идею прогресса и утопию исторического развития от худшего к лучшему миру. В эти же годы, когда социологи еще не заговорили о глобализации, Дж. Арриги, И. Валлерстайн и другие пишут о «динамике глобального кризиса» капитализма с позиций мир-системного анализа [Amin et al., 1982]. П. Штомпка делает вывод о «кризисе кризисного сознания», бессилии, фрустрации и моральной индифферентности (западного) общества к вопросам решения глобальных проблем [Sztompka, 1984: 45–58]. Эти тенденции становятся основанием признания *тотальности* кризисного состояния.

С тех пор ситуация с кризисами изменилась в худшую сторону, создав новые угрозы человечеству. Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш, выступая на Генассамблее в начале 2020 г., выделил четыре глобальных кризиса современности, сравнив их со всадниками апокалипсиса: геополитические конфликты, экзистенциальный климатический кризис, рост глобального недоверия и несправедливости, неконтролируемый прогресс цифровых технологий¹. Чуть позднее он добавил «чумного» всадника пандемии COVID-19. После начала вооруженного конфликта на Украине ООН успела выпустить несколько докладов Целевой группы по реагированию на глобальный кризис в области продовольствия, энергетики и финансов [Global Impact, 2022]. Если добавить сюда демографические,

¹ Guterres A. Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020 // UN Secretary-General's Speeches. 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 17.03. 2020).

миграционные, ресурсные, информационные проблемы, мы увидим, что сегодня нет глобальной структурной сферы, где нельзя было бы найти кризисные тенденции.

В 2000-х гг. становится ясно, что социетальные кризисы имеют тенденцию не только к количественному нарастанию т.н. транзитивных (краткосрочных) форм с возможностью (быстрого) восстановления, но и к укреплению *перманентных* кризисных процессов. Кризис теперь определяется как «событие, которое может вызвать серьезные пагубные изменения в социальной системе и в котором отсутствует пропорциональность между причиной и следствием» [Walby, 2015: 14]. Как указывают авторы доклада [Как россияне справляются..., 2023], начавшиеся в 1992 г. реформы породили перманентный кризис с долгосрочными и фундаментальными последствиями для всего социально-экономического устройства страны; нынешний кризис, начавшийся в 2014 г., можно считать его новой формой. В 2022 г. американский словарь английского языка Collins признал «*permacrisis*» (перманентный кризис) словом года, характеризуя это состояние как «длительный период нестабильности и небезопасности»².

Идея перманентности кризисного состояния общества нашла отражение и в области менеджмента и стратегического лидерства, где набирает популярность новый акроним описания формулы глобальной реальности. В 2020 г. американский футуролог Ж. Кашио в качестве замены существовавшему с конца 1980-х гг. акрониму VUCA³ предложил свой вариант – BANI, призванный более релевантно описывать мир во время и после пандемии: произошел «фазовый переход», и прошлая нестабильность (*volatility*) мира стала «хрупкостью» (*brittle*), неопределенность (*uncertainty*) тревожностью (*anxious*), сложность (*complexity*) нелинейностью (*non-linear*), двойственность (*ambiguity*) непостижимостью (*incomprehensible*)⁴. Несмотря на признаваемую автором интуитивность и даже вторичность используемых категорий, это не помешало сделать концепцию «BANI-мира» эмблемой постковидного менеджмента и управления по всему миру. Формула BANI усугубляет кризисный нарратив эпохи VUCA, предлагая дерационализированный и постгуманизированный образ мира, неподвластный человеческим разуму и воле.

С теоретической точки зрения это говорит о том, что противопоставление кризиса и порядка как дизъюнкции онтологических возможностей («то или другое») становится не валидным. «Новый катастрофизм» в изучении сложных социальных систем, выраженный в доминировании дискурса о «рисках» (У. Бек и др.), «травмах» (Дж. Александер и др.), «нормальных авариях» (Ч. Перроу), «нормальной аномии» (С.А. Кравченко), использует идею кризиса как структурной формы самого порядка, делая теорию *кризисной социальности* наиболее релевантным и эффективным типом генерализации. Однако парадигматизация концептов *нормальности*, *тотальности* и *перманентности* современных кризисных явлений, выделенных нами в рамках трех этапов эволюции теории кризиса, уже недостаточна для понимания структурных свойств протекающих в мире процессов. Социологический анализ требует прояснения паттернов функционирования институциональных систем и поведенческих стратегий выживания как факторов формирования кризисного порядка.

Структурный анализ кризисной социальности. Новое понимание структурной конфликации кризиса и порядка требует, на наш взгляд, задействования концептуального арсенала теории лиминальности (В. Тернер) и морфогенетического подхода (М. Арчер).

² The Collins Word of the Year 2022. URL: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Акроним VUCA (от англ. *volatile, uncertain, complex, ambiguous* – нестабильный, неопределенный, сложный, двойственный) появился в учебных документах Американского военного колледжа в 1987 г. для характеристики военной и геополитической реальности конца эпохи холодной войны.

⁴ Cascio J. Facing the Age of Chaos. 2020 // Medium. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 01.08.2023).

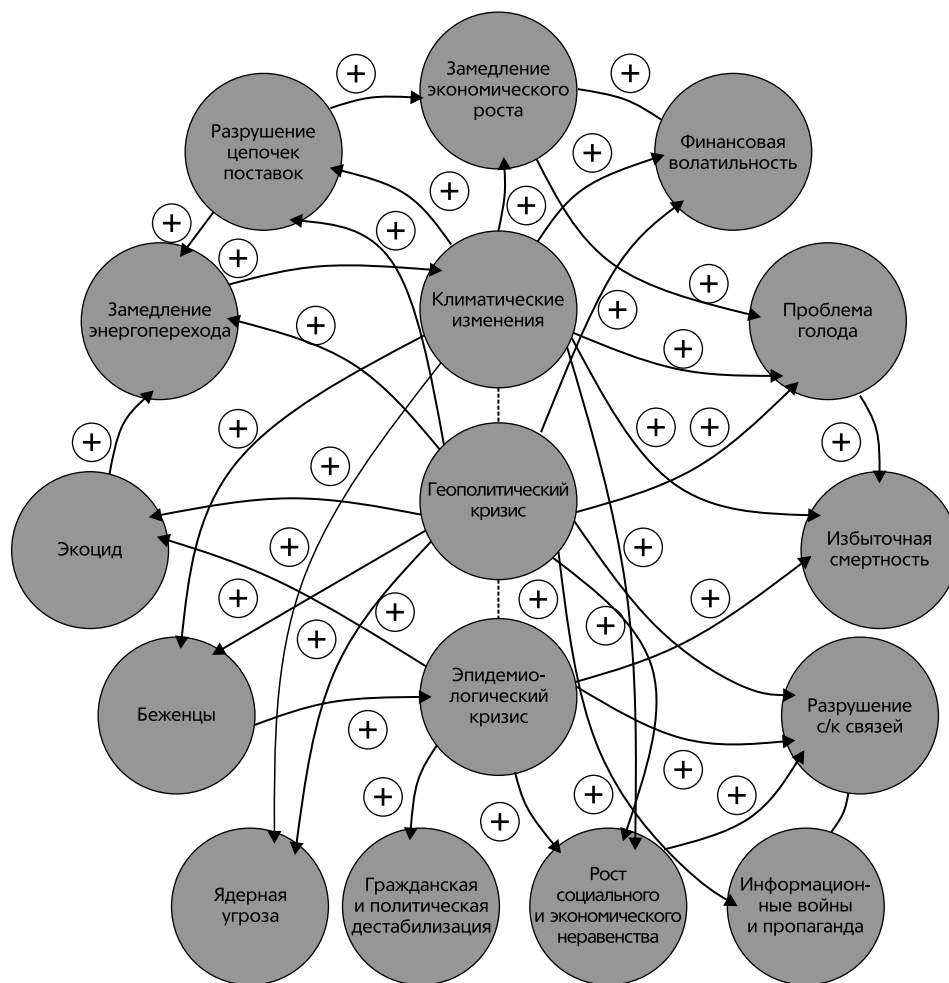

Рис. Когнитивная карта интеркризисной структуры современного глобального общества с графами усиления причинно-следственных связей между его ядром и сопутствующими кризисными явлениями

В этом смысле современное общество можно описать как *интеркризисную структуру перманентно-лиминального типа*⁵.

Диагностика этого паттерна показывает, что аналитически он представляет собой типичную слабоструктурированную когнитивную систему, которая отличается сложностью, информационной недостаточностью и неопределенностью целей развития. Его моделирование возможно только в форме эксперт-фундированной когнитивной карты, представленной на рис.

Карта эксплицирует наиболее влиятельные каузальные связи *тройного ядра* сложившейся интеркризисной структуры конца 2022 – начала 2023 г. и сопутствующих кризисных

⁵ Понимание «перманентной лиминальности» отсылает к социально-антропологическим исследованиям В. Тернером социальных групп американского общества 1950–1960-х гг. («дети цветов», «битники»), которые амбивалентно сочетали внутреннюю устойчивость общины и статусную «неопределенность», «переходность», т.е. лиминальность в буквальном смысле образа жизни [Тернер, 1983: 196–256].

тенденций, выявленных на основе анализа экспертных публикаций⁶. Ядро интеркризисной структуры сформировано вокруг глобальных кризисных явлений, вызывающих риски экзистенциальной безопасности для человечества, ставя под угрозу благополучие, здоровье и жизнь людей: 1) ускоряющиеся климатические изменения формируют паттерн *эскалирующего кризиса*, меняющего среду обитания человека с рисками вымирания всего живого на планете [IPCC, 2021]; 2) *импульсивный* геополитический кризис, вызванный прежде всего острым вооруженным конфликтом России и Украины и несущий угрозу мировой стратегической стабильности; 3) эпидемиологический кризис, начавшийся с пандемии COVID-19 и к 2022 г. унесший как минимум 15 млн жизней (без учета Африки)⁷, а для перенесших заражения имеющий хвост соматических и когнитивных расстройств [Dennis, 2021], а также побочные эффекты «долгого ковида», неизбежные будущие вспышки эпидемий и пандемий неизученных зоонозов с не менее тяжелыми последствиями для мира⁸ [Блохин, 2020]. Характер пандемии COVID-19 позволяет квалифицировать ее проявление как пример слабоуправляемой природы рекуррентного «зомби-кризиса»⁹.

Несмотря на специфику интеркризисного ядра, одной из основных особенностей выявленных связей становится общий для них эффект *Гулливера*, т.е. рост неуправляемых кумулятивных последствий, вызывающих избыточное ресурсное напряжение институциональных систем, травматическую колонизацию жизненных миров и разрастание общества кризисных акторов (институциональных, организационных и индивидуальных), задействованных в дальнейшей дестабилизации или разрешении ситуации. Происходит укрепление кризисной социальности как особого порядка лиминального типа.

В предыдущих работах мы указывали, что лиминальность может обретать разные агентные и структурные формы в обществе, всегда обладая кардинальным и экстраординарным характером [Катерный, 2020]. Описание некоторых социетальных явлений общественной жизни как лиминальных сложилось в социологии благодаря сотрудничеству В. Тернера и Ш. Эйзенштадта в начале 1980-х гг. в рамках т.н. Иерусалимского семинара, что дало толчок последующему изучению революций и динамики цивилизационного развития как лиминальных процессов [Eisenstadt, 1985]. А. Сакольцаи концептуализировал «перманентную лиминальность» как фундаментальную характеристику проявлений современности – от большевизма в России до развития Америки как отдельного цивилизационного проекта [Szakolczai, 1998: 207–217]. На социетальном уровне перманентная лиминальность – длительное состояние незавершенной или принципиально незавершаемой переходности, нестабильности общества, в рамках которой формируется собственная система *лиминальных институтов* с характерными трансгрессивными признаками, выходящими за рамки конвенциональной нормативности и проявляющимися в гибридизации правовой легальности и нелегальности, моральной легитимности и нелегитимности, где

⁶ См.: Георгиева К., Гопинат Г., Пазарбашолу Ч. Почему мы обязаны противостоять геоэкономической фрагментации, и как это делать // IMF Blog, 22 мая 2022. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2022/05/22/blog-why-we-must-resist-geo-economic-fragmentation> (дата обращения: 07.08.2022). А также: [Campbell, Hribernik, 2020; Арбатов, 2022; и др.].

⁷ В 2020 и 2021 гг. с пандемией COVID-19 были связаны 14,9 миллиона избыточных летальных исходов // Всемирная организация здравоохранения. Пресс-релиз 05 мая 2022 г. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2022-14.9-million-excess-deaths-were-associated-with-the-covid-19-pandemic-in-2020-and-2021> (дата обращения: 15.09.2022).

⁸ Предотвращение следующей пандемии: зоонозные заболевания – как разомкнуть эпидемиологическую цепь. Найроби: Программа ООН по окружающей среде и Международный научно-исследовательский институт животноводства, 2020.

⁹ По аналогии с природными «зомби-пожарами» зомби-кризисы полностью не заканчиваются, но имеют циклическую динамику – от обострения к затуханию и опять к обострению. Разрешения кризиса не происходит, т.е. его причины до конца не определены и неподвластны управлению. Примерами являются глобальные экономические, финансовые кризисы, а также климатические изменения.

одновременно складывается гетерогенная повседневная *копинг-структура*¹⁰, т.е. неформальные жизненные миры как формы культурно-символической, экономической и психологической адаптации к ситуации кризисной жизнедеятельности. В глобальном масштабе неформальные практики кризисной аккомодации могут включать в себя: (а) медиаобсессию (думскроллинг¹¹ и синдром FOMO¹²); (б) саботаж (антиваксеры); (в) гражданский активизм (протесты против ковидных ограничений); (г) эскапизм внешний и внутренний (эмиграция; аддикции и самоубийства); (д) контракт (поддержка экокций в обмен на сохранение прежнего образа жизни); (е) антикризисную трайбализацию (социальные сети взаимной поддержки, распространение «юмора висельников»¹³ в условиях угрозы жизни); (ж) адиафоризацию (от греч. «adiaforos» – безразличие, равнодушие, т.е. игнорирование травматических событий, утрата эмпатии к «жертвам» и моральной чувствительности к вопросам жизни и смерти). Для миллионов жителей Земли кризис является формой жизни: беженцы, жители районов боевых действий, массового голода, эпидемий и целые страны (например, Гаити) могут неопределенно долгое время находиться в условиях поддержания «голой жизни» (Дж. Агамбен), что делает физическое и психическое выживание центром инструментального внимания людей и источником их солидарности. Жизнь в условиях кризиса в более благополучных космополитических ареалах рождает противоположный феномен т.н. YOLO-экономики¹⁴, эксплуатирующей тягу (прежде всего, молодежи) к разным формам нового рискованного поведения. Ощущения тревожности и уязвимости, исходящие от непредсказуемого и постоянно угрожающего будущего, заставляет людей бросать надоевшую работу с длительным карьерным ростом ради более увлекательной жизни, инвестировать в высокорисковые активы фондового рынка (феномен «мем-акций»), тратить заработанные деньги на удовольствия здесь и сейчас, не откладывая ничего на потом. Компании, чтобы справиться с массовым оттоком сотрудников и их профессиональным выгоранием¹⁵, вызванным в том числе последствиями «долгого ковида», вынуждены прибегать к экстраординарным мерам, вводя практику длительных творческих отпусков, тем самым легально лиминализируя статус работников.

В этом смысле каскадная интерференция эскалирующих, импульсивных и зомби-кризисов, сложное сочетание хронических и острых проблем XXI в. конституируют темпоральную и пространственную структуру кризисной социальности, которая приобретает самореферентный и самовоспроизводящийся характер. Парадокс в том, что энтропийность этой системы ведет не к ее разрушению, а к непредвиденным и нелинейным метаморфозам самого социального порядка. Деградация или хаотизация одних элементов

¹⁰ Копинг-поведение (от англ. «coping» – преодоление, совладание) – термин психологии для обозначения сознательных стратегий мобилизации действий, направленных на преодоление внешних и внутренних стрессовых ситуаций.

¹¹ Думскроллинг или думсерфинг (от англ. «doom» – злой рок) – практика болезненной заикленности на поиске плохих новостей с целью быть готовым к неблагоприятному развитию событий.

¹² FOMO (от англ. «fear of missing out» – страх упустить) – боязнь пропустить событие, страх остаться в стороне от происходящего, потерять что-то, остаться одиноким, сильный дискомфорт из-за невозможности выйти в Интернет или отсутствия смартфона. Считается защитным состоянием психики, вызванным долгосрочным чувством неудовлетворенности социальной жизнью.

¹³ Юмор висельников (*gallows humor*) представляет собой культурную практику (само)высмеивания людьми ситуаций экзистенциальных угроз в обществе с помощью шуток и анекдотов ради привлечения внимания к ненормальности происходящего.

¹⁴ Акроним «YOLO» (от англ. «you only live once» – ты живешь только раз) приобрел популярность к концу пандемии COVID-19, которая вызвала тенденцию массовых добровольных увольнений среди миллениалов и поколения Z, переоценку ими системы ценностей в связи с потерей ощущения стабильности и нормальности существования (подробнее см.: Bizouati-Kennedy Y. The 'YOLO Economy' – How Millennials are Reimagining Life Post-Pandemic // GOBankingRates. URL: <https://www.gobankingrates.com/money/business/the-yolo-economy-how-millennials-are-reimagining-life-post-pandemic> (дата обращения: 22.05.2023)).

¹⁵ См.: Microsoft 2021 Work Trend Index: Annual Report: The Next Great Disruption Is Hybrid Work – Are We Ready? Microsoft, 2021.

системы усиливает или вызывает к жизни другие, более приспособленные к новым условиям жизнедеятельности. Кризисы происходят столь часто, масштабно и непредсказуемо, что некризисные состояния социальных макроструктур невозможно определить в исторически сравнительной перспективе. Достижение «докризисных показателей» оказывается невозможным, т.к., во-первых, неясно, что считать докризисным периодом, и, во-вторых, следующий новый кризис или очередное обострение зомби-кризиса создает новую реальность. Образуется эффект *Шалтая-Болтая*, разрушающий институциональные каналы обратимости, не давая возможности восстановления первоначальной нормативности.

В результате глобальная кризисная социальность разрушает три предпосылки традиционного понимания кризиса, а именно, что: (а) его всегда можно понять и преодолеть рациональными средствами; (б) кризис всегда заканчивается стабилизацией и новой равновесностью; (в) и при этом всегда побеждают социальные силы, агенты социальных изменений, способные вести человеческое общество к более здоровому и разумному будущему. Возникающая рефлексивная слабость в области антикризисного менеджмента, паралич международных механизмов разрешения кризисов, отсутствие ресурсов и/или легитимности у мировых элит порождает в экспертном и обыденном сознании установку «мы ничего не можем с этим поделать», которую вслед за П. Штомпкой можно назвать «синдромом лилипута» [Sztompka, 1984: 55].

Пандемия COVID-19, террор, революции и войны XXI в. показали, как быстро могут формироваться кризисно-лиминальная политическая и биополитическая реальности. Лиминальность, склонная к статусной и системной экстремальности, вызывает к жизни практики институциональной *чрезвычайности* – введение чрезвычайных ситуаций и положений, – что ведет к организации государства *дискреционного* типа, где преобладают не конвенциональные институты, а лиминальные по характеру *меры*, принимаемые здесь и сейчас и нередко противоречащие конституционным правам. Сфера политического тотализируется, присваивая власть на распоряжение телами и жизнями, и радикализуется волюнтаристским образом, делая возможным и легитимным любое насилие и произвол (*принцип «Безумного Шляпника»*). Гибридные войны ведутся в зоне «нелегитимной легальности» или «нелегальной легитимности» (У. Бек) – либо без объявления войны, либо маскируются действиями, направленными якобы на защиту международного права, демократии, безопасности – и при этом носят перманентный характер (подробнее см.: [Пантин и др., 2018]). Более сотни революций XXI в. насчитывают три волны, чья интенсивность нарастает, охватывая страны как мир-системной периферии, так и мир-системного ядра [Голдстоун и др., 2022]. Позитивный эффект таких революций всегда минимален в сравнении с масштабом разрушительных социальных последствий. В международной борьбе с пандемией Дж. Агамбен увидел схожие кризисно-лиминальные тенденции, подчеркивая, что санитарная чрезвычайщина с массовой вакцинацией и ограничением прав во имя всеобщей безопасности ведет к «великой трансформации» политической сферы, т.к. обретает черты новой формы государственности [Агамбен, 2022: 131]. В итоге концепция прав человека как фундаментальный идеал модернизации оборачивается не обещанием кантианской утопии вечного мира, а источником новых форм принуждения и произвола, сплетающихся в «спираль усложнения насилия» [Кравченко, 2019]. Конструирование социальных явлений в терминах кризисов в информационной сфере может сопровождаться созданием образов народных дьяволов, козлов отпущения и инсценируемых рисков («пугалок») как средства политической мобилизации государства, других правых движений и теорий заговора типа QAnon¹⁶.

¹⁶ QAnon («кью-анон») – теория заговора и социальное движение, родившиеся в США в 2017 г. на волне поддержки Д. Трампа в борьбе с Демократической партией, ставшей для его сторонников олицетворением порочного «глубинного государства» как части тайного всемирного сообщества сатанистов, каннибалов и педофилов.

Истоки кризисной социальности: модерн. Б. Латур прямо указывает, что «когда появляются слова “нововременной”, “модернизация”, “модерн”, то мы определяем прошлое, архаичное и устойчивое по контрасту с ними» [Латур, 2006: 70]. Другими словами, модерн – это эволюция кризисной социальности, вызываемой несущейся в будущее колесницей неуправляемых социальных изменений. Характерный для позднего модерна темпоральный режим, ориентированный на ускорение, обновление и экспансию, неминуемо производит эскалирующую кризисность социального бытия.

Р. Инглхарт и К. Вельцель на основе данных лонгитюда «Всемирный обзор ценностей» выдвинули тезис (закон) о линейной зависимости культурной и политической модернизации от экономического роста и укрепления степени жизненной защищенности населения (индикатором которой является увеличение средней продолжительности жизни) [Инглхарт, Вельцель, 2011: 199–200]. Однако история показывает, что Первая и Вторая мировые войны разгорелись на фоне бурного экономического роста европейских стран и увеличения там продолжительности жизни. В Германии с 1920 по 1940 г. последний показатель вырос более чем на 30% – с 42,77 до 61,58 лет¹⁷. Другими словами, войны и революции могут становиться побочными эффектами модернизации, сдерживая и останавливая ее дальнейший прогресс. Более того, социально-экономическая модернизация, вопреки выводам Инглхарта и Вельцеля, включает в себе опасность формирования режимов, использующих идеи национального единства и превосходства, ксенофобии и агрессии, в том числе военной, для укрепления собственной власти. Как известно, Франция после Великой революции прошла через двухвековой политический кризис, включивший две империи, полуфашистскую диктатуру и четыре республики. Войны и институциональное насилие в целом имплицированы в нее. Вооруженный конфликт на Украине следует рассматривать в этой перспективе как очередное обострение перманентно-лиминального кризиса модернизации России с глобальными последствиями. В прошлом такие исторические моменты включали в себя революцию 1917 г., крах СССР в 1991 г., дефолт 1998 г. По мнению экспертов, нас ждет похожий кризис модернизации в Китае, когда капиталистическое развитие экономического базиса и рост уровня жизни населения войдут в противоречие с политической надстройкой, а вооруженные конфликты по периметру Китая могут стать глобальным вызовом [Закария, 2009: 107–146].

В рамках теории морфогенеза-морфостаза вторичная модернизация крупных держав в эпоху глобализации несет риски политического и геополитического насилия как эмерджентного механизма морфостатической гиперкомпенсации неукорененных тенденций в сфере экономики, культуры и политики. Как мы указывали, морфостази́с проявляет себя как структура и одновременно принцип институционального и нормативного сдерживания сильных морфогенетических изменений в области социально значимых и традиционно сложившихся порядков. Основой такой структурной ригидности является воспроизводство нормативных и ценностных бинарных распределений. В частности, морфогенез полинормативности в рамках гендерной трансмобильности сталкивается с фреймированием реальности на более низком структурном уровне в виде регенерации (морфостази́са) бинарных сексуальных норм «доминирующий мужчина – подчиненная женщина» [Катерный, 2019]. Морфостази́с призван воспроизводить распределение реальной и символической власти по традиционному типу в сфере и политики, и биополитики именно с помощью институционального насилия. В период пандемии многие государства проявили себя как биополитические суверены, показав свою власть над народом. Угроза Третьей мировой во время украинского кризиса также показывает, как насилие может быть инструментом геополитического морфостази́са, стремящегося к глобальному бинарно-фундированному балансу сил («Запад – не-Запад»). То же самое касается агрессивной экспансии глобального религиозного фундаментализма, пытающегося противопоставить

¹⁷ O'Neill A. Life Expectancy in Germany, 1875–2020 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1041098/life-expectancy-germany-all-time/> (дата обращения: 12.09.2022).

себя неолиберальному колониализму. Как выразился по этому поводу Ф. Фукуяма, «джи-хадизм – это побочный продукт модернизации и глобализации, а не традиционализма, и потому он останется проблемой для современных обществ, вовлеченных в процесс глобализации» [Фукуяма, 2007: 103].

Кризисные явления, независимо от формы и сферы протекания, в терминах системного анализа представляют собой кардинальные нарушения баланса морфогенетических и морфостатических тенденций. Подчеркну, что преобладание морфостазиса структурных показателей так же неблагоприятно для системы, как неконтролируемое ускорение морфогенеза. В контексте модернизационных изменений первый вариант характерен для сдерживающих модернизацию обществ, второй – для спонтанной модернизации. Оба типа социетального развития имели место в российской истории.

Н.И. Лапин, характеризуя модернизационную историю новейшей России, приходит к выводу, что она прошла несколько этапов, но не достигла цели социетальной трансформации. Проблема в том, что российский реверсивно-гибридный транзит, начавшийся в 1990-е гг., не обрел форму эндогенной модернизации, которая создала бы условия для становления институтов рефлексивного саморазвития и искоренила бы неравенство, деградацию культуры и человека [Лапин, 2021: 210–213]. Начиная с модернизационных шагов Александра II, Россия пытается найти баланс между универсально-модернизационной и цивилизационной моделями развития. Но устойчивого успеха нет до сих пор, что говорит о лиминальности российского общества в последние сто шестьдесят лет. Коммунистическая модернизация, как ответ на катастрофическое крушение западного проекта модерна (Первая мировая война), в итоге обрела кризисные черты за счет отчуждающего эффекта морфостатического гиперусиления (тотальных) структур господства в сферах экономики, политики и идеологии. Й. Арнасон соглашается, что советский период был «режимом кризисного управления на протяжении 74 лет», который не перерос в действительно стабильный порядок [Арнасон, 2011: 24]. Либерально-модернизационный транзит 1990-х гг. с разрушением прежних морфостатических структур ознаменовался кризисным обострением морфогенеза 1998 г. и отставкой президента в 1999 г. В последующие годы мы видим укрепление нового этакического проекта модернизации на основе эмуляции советского опыта структурного и геополитического господства, что ведет к разрастанию системных кризисных явлений с середины 2000-х гг. С точки зрения институционального развития это говорит о гораздо более длительном и во многом незавершенном выходе из модернизационного проекта коммунизма. Становление в России т.н. «гарнизонного государства» (Г. Лассуэлл), где самой могущественной группой выступают специалисты по (разного рода) насилию, показывает, что силовой подход явно ослабляет потенциал культурно-фундированной модернизации. Значит, Россию ждет новый переход к постконфликтному переустройству через столкновение интересов социальных групп и реализации обновленной стратегии саморазвития, успех которой не гарантирован, если не будет найден баланс морфогенетических и морфостатических факторов в рамках культурно аутентичного проекта российской современности.

Заключение. «Длинный» XIX в. начинался с кризиса в виде Великой французской революции и закончился кризисом Первой мировой войны. Между этими кризисами мир испытал несколько политических, социальных и индустриальных революций. Социология, родившаяся в это время, стала интеллектуальным проектом, который был призван взлелеять надежду на то, что кризисы – отклонение, и социальный порядок всегда торжествует. Неизбежный дисбаланс морфостатических и морфогенетических элементов модернизации, ориентированной на структурную трансформацию всех подсистем общества, делал все больше исключений из оппозиции «кризис-порядок». В XXI в. мы приходим к пониманию, что общество – не устойчивое и стабильное образование с островками или периодами кризисности, а перманентно переходная (лиминальная) структура, которая никогда не выходит из переходности, образуя режим кризисной социальности. Особенностью этого режима является воспроизводство культурного и структурного лага между инновациями

и нормами, прошлым и будущим, о чем догадался К. Маркс в теории революции. Кризисная социальность модерна характеризуется четырьмя признаками: (а) масштабированием и интерференцией рисков, травм, катастроф, скандалов на макро- и микроуровнях социальной системы; (б) темпоральным и пространственным наложением кризисов друг на друга, устраняющим каналы восстановления докризисной нормативности; (в) ограниченностью институциональных усилий или принципиальной невозможностью справляться с кризисами ввиду их масштабности и сложности; (г) лиминальной природой современных кризисов как трансгрессивных состояний, где порядок и хаос неразличимы, конвенциональные нормы (например, права человека) не соблюдаются, а информационное, финансовое, экономическое, политическое и биополитическое насилие нормализуется.

Можно спорить с американским исследователем Дж. Штайнметцем [2018], что социология всегда была кризисной наукой, но дискурс порядка в социологии действительно смещается в сторону «кризисного анализа». В современном мире, чем сильнее иллюзия стабильности, тем масштабнее предстоящая катастрофа. Кризисная социальность, образующаяся на стыке порядка и катастрофы, провоцирует формирование лиминальных институтов и практик трансгрессивного и чрезвычайного характера, с одной стороны, и лиминальных копинг-миров на уровне повседневности – с другой. Происходит разрастание числа кризисных акторов и десекторизация общества за счет разрушения институциональных границ. Формирование кризисной социальности характеризуется фундаментальным *антропологическим смещением*: в эпоху антропоцена латентные последствия человеческих действий качественно снижают возможности управления и понимания происходящего, поэтому переход к BANI-миру эвристически может быть концептуализирован и как *эпистемологический кризис*. Именно это делает современную социологию востребованной наукой о кризисе. Но такая дискурсивная стратегия заряжает социологическую теорию сильным критическим потенциалом. Слова «кризис» и «критика» происходят от древнегреческого глагола «krino» – «разделять», но также «судить» и «решать». В политическом смысле «кризис» у древних греков это не только «спор» и «раздор». Это и «суд», и «вердикт». Именно в этом смысле кризис для социологии призван стать источником новой критической теории, апологией морали и права в поиске и обосновании новых типов солидарностей в противовес разделению и гнету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022.
- Арнольд И. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Блохин А.А. Новые и возвращающиеся трансграничные инфекции в жизни человека // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 9–26. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-9-26.
- Голдстоун Д.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия // ПОЛИС. Политические исследования. 2022. № 4. С. 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: АСТ, 2018.
- Захария Ф. Постамериканский мир / Пер. с англ. М.: Европа, 2009.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения: Аналитический доклад. М.: ВШЭ, 2023.
- Катерный И.В. Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 226–238. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238.
- Катерный И.В. Гендерно-сексуальная трансмобильность как проблема нормативного порядка в постгуманизированном мире // Вестник Томского госуниверситета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 112–127. DOI: 10.17223/1998863X/48/11.
- Коленникова Н.Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 154–156. DOI: 10.31857/S013216250022957-5.
- Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. М.: Экономика, 2002.
- Кравченко С.А. Спираль усложнения насилия: востребованность гуманистической политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. № 5. С. 43–55. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04.

- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУ в СПб., 2006.
- Пантин В.И., Малков С.Ю., Гринин Л.Е. Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ. М.: Учитель, 2018.
- Ротбард М. Экономическая депрессия: причины и методы лечения // Бум, крах и будущее: Анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2002. С. 150–171.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
- Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, Хранитель, 2007.
- Штайнметц Д. Кризис истории и история кризиса: историческая социология как «кризисная наука» // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 140–143. DOI: 10.31857/S013216250002166-5.
- Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. Dynamics of Global Crisis. N. Y.: Monthly Review Press, 1982.
- Campbell T., Hribernik M. A Dangerous New Era of Civil Unrest is Dawning in the United States and Around the World // Verisk Perspectives. An ISO emerging issues report, 2020. URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/a-dangerous-new-era-of-civil-unrest-is-dawning-in-the-united-states-and-around-the-world/> (дата обращения: 29.08.2022).
- Dennis B. COVID-19's Long Tail: Why We May be Living With the Effects of the Disease for Years to Come // Verisk. 2021. URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/covid-19s-long-tail-why-we-may-be-living-with-the-effects-of-the-disease-for-years-to-come/> (дата обращения: 07.08.2022).
- Dobry M. Sociologie des crises politiques. La dynamique des mobilisations multisectorielles. Paris: FNSP, 1985.
- Dynes R., Quarantelli E. L. Organizational Communications and Decision-Making in Crises. Report series No.17. Newark: University of Delaware Disaster Research Center, 1977.
- Eisenstadt S.N. Comparative Liminality: Liminality and Dynamics of Civilization // Religion. 1985. Vol. 15(3). P. 315–338.
- Fassin D., Honneth A. (eds) Crisis under Critique. How People Assess, Transform and Respond to Critical Situations. N. Y.: Columbia University Press, 2022.
- Global Discourse: Special Issue: Critical Explorations of Crisis: Politics, Precariousness, and Potentialities / Guest ed. by H. Rydstrom, M. Hamza, T. Gammeltoft-Hansen, V. Berggren. 2022. Vol. 12 (3–4).
- Global Impact of War in Ukraine: Energy Crisis. Brief No.3. UN: UN Global crisis response group on food, energy and finance, 2022.
- Holton R. The Idea of Crisis in Modern Society // British Journal of Sociology. 1987. Vol. 38. No. 4: 502–520.
- IPCC, 2021: Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Szakolczai A. Reflexive Historical Sociology. N. Y.: Routledge, 1998.
- Sztompka P. The Global Crisis and the Reflexiveness of the Social System // International Journal of Comparative Sociology. 1984. Vol. XXV. No. 1–2: 45–58.
- Walby S. Crisis. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2015.

Статья поступила: 08.06.23. Финальная версия: 01.09.23. Принята к публикации: 20.09.23.

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF CRISIS IN SOCIOLOGY: EVOLVING IDEAS AND MODERNITY

KATERNYI I.V.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Ilya V. KATERNYI, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology, MGIMO-University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yarkus@mail.ru).

Absrtact. The paper explores the question of what crisis is from the perspective of classical and modern sociology laying out a framework for developing the concept of crisis sociality based on the theories of liminality and the morphogenetic approach. Three stages of evolution are identified in theorizing the social ontology of crisis as disruptive events and processes on macro and meso-scale. Based on expert opinions, the paper argues for a specific pattern of current global development in the form of an intercrisis structure of a permanent-liminal type. According to the model, core and peripheral crisis phenomena are singled out as well as transgressive characteristics of institutional liminality and types of coping-behavior strategies are analyzed. Crisis traits of a BANI-world and the YOLO-economy are discussed among other things. The historical foundation for current crisis sociality is seen to be the very nature of modernization process, as the intrinsic imbalance of morphogenetic and morphostatic elements of such development inevitably brings on crisis dynamics and the following liminalization of society.

Keywords: crisis, coping, BANI world, YOLO economy, modernization, liminality, morphogenesis, morphostasis.

REFERENCES

- Agamben G. *A che punto siamo? L'epidemia come politica*. (2020) Moscow: Nookratiya. (In Russ.)
- Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein I. (1982) *Dynamics of Global Crisis*. New York: Monthly Review Press.
- Arnason J. (2011) Communism and modernity. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No.1: 10–35. (In Russ.)
- Blokhin A.A. (2020) Emergent and recurrent transboundary infection diseases in human life. *Puti k miru i bezopasnosti* [Path to Peace and Security]. No. 2 (59): 9–26. (In Russ.)
- Campbell T., Hribernik M. (2020) A dangerous new era of civil unrest is dawning in the United States and around the world. *Verisk Perspectives. An ISO emerging issues report*. URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/a-dangerous-new-era-of-civil-unrest-is-dawning-in-the-united-states-and-around-the-world/> (accessed 29.08.2022).
- Dennis B. (2021) COVID-19's long tail: Why we may be living with the effects of the disease for years to come. *Verisk*. URL: <https://www.verisk.com/insurance/products/emerging-issues/perspectives/covid-19s-long-tail-why-we-may-be-living-with-the-effects-of-the-disease-for-years-to-come/> (accessed 07.08.2022).
- Dobry M. (1985) *Sociologie des crises politiques. La dynamique des mobilisations multisectorielles*. Paris: Presses de la FNSP.
- Durkheim E. (2018 (1897)) *Le Suicide: Étude de sociologie*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Dynes R., Quarantelli E.L. (1977) *Organizational Communications and Decision-Making in Crises*. Report series No.17. Newark: University of Delaware Disaster Research Center.
- Eisenstadt S.N. (1985) Comparative liminality: liminality and dynamics of civilization. *Religion*. Vol. 15 (3): 315–338.
- Fassin D., Honneth A. (eds) (2022) *Crisis under Critique. How People Assess, Transform and Respond to Critical Situations*. New York: Columbia University Press.
- Fukuyama F. (2007) *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy*. Moscow: AST, Xranitel. (In Russ.)
- Global Discourse: Special Issue: Critical Explorations of Crisis: Politics, Precariousness, and Potentialities*. (2022) Guest ed. by H. Rydstrom, M. Hamza, T. Gammeltoft-Hansen, V. Berggren. Vol. 12 (3–4).
- Global Impact of War in Ukraine: Energy Crisis*. Brief No. 3. (2022) UN: UN Global crisis response group on food, energy and finance.

- Goldstone J.A., Grinin L.E., Korotayev A.V. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09. (In Russ.)
- Guterres A. (2020) Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020. *UN Secretary-General's Speeches*. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (accessed 17.03. 2020).
- Holton R. (1987) The idea of crisis in modern society. *British Journal of Sociology*. Vol. 38. No. 4: 502–520.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- IPCC, 2021: *Climate Change 2021: The Physical Science Basis*. (2021) Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Katernyi I.V. (2019) Gender-sexual transmobility as a normative challenge in a posthuman world. *Vestnik Tomskogo gosun-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 48: 112–127. DOI: 10.17223/1998863X/48/11. (In Russ.)
- Katernyi I.V. Reconceptualization of status liminality in the sociological theory (2020). *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 20. No. 2: 226–238. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2023) Russian society in the period of global turbulence: key challenges and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 154–156. DOI: 10.31857/S013216250022957-5. (In Russ.)
- Kondratieff N.D. (2002) *Large Cycles of Conjuncture and the Theory of Foreseeing*. Selected Works. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2019) Spiral of the complication of violence: a demand for a humanistic policy. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 43–55. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The Complexity of a New Russia Formation. Anthroposociocultural Approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Latour B. (2006) *Nous n'avons jamais ete modernes. Essai d'anthropologie symetrique*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Pantin V.I., Malkov S.Yu., Grinin L.E. (2018) *The Main Threats and Risks to Russia Under the Transition to a New world Order and How to Diminish Them: Strategic analysis*. Moscow: Uchitel. (In Russ.)
- Radaev V.V. (ed) (2023) *How Russians Cope with a New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population: Analytical Report*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Rothbard M.N. (2002 (1969)) Economic depressions: their cause and cure. *Boom, Crash and the Future: An Analysis of the Austrian School*. Chelyabinsk: Socium: 150–171. (In Russ.)
- Sorokin P. (2006 (1937–1941)) *Social and Cultural Dynamics*. Moscow: Astrel. (In Russ.)
- Steinmetz G. (2018) The crisis of history and the history of crisis: sociology as a 'crisis science'. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.10: 140–143. DOI: 10.31857/S013216250002166-5. (In Russ.)
- Szakolczai A. (1998) *Reflexive Historical Sociology*. New York: Routledge.
- Sztompka P. (1984). The global crisis and the reflexivity of the social system. *International Journal of Comparative sociology*. Vol. XXV. No. 1–2: 45–58.
- Turner V. (1983) Symbol and the Ritual. Collection of works. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- United Nations Environment Programme and International Livestock Research Institute. (2020) *Preventing the Next Pandemic – Zoonotic Diseases and How to Break the Chain of Transmission*. Nairobi, Kenya.
- Walby S. (2015) *Crisis*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Zakaria F. (2009) *The Post-American World*. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Received: 08.06.23. Final version: 01.09.23. Accepted: 20.09.23.

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

А.В. КУЧЕНКОВА, Г.Г. ТАТАРОВА

НЕЧЕТКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ РАБОТНИКОВ ПО НЕУСТОЙЧИВОСТИ ЗАНЯТОСТИ

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (a.v.kuchenkova@gmail.com); ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник (tatarova-gg@rambler.ru). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методическим проблемам выявления типологической структуры наемных работников по характеру устойчивости / неустойчивости занятости. Актуализируются вопросы разработки технологии проведения типологического анализа в тех исследовательских ситуациях, когда возникает необходимость обращения к особым средствам разбиения исходных для анализа объектов (респондентов) на группы – к методам нечетких классификаций. Это ситуации, в которых типологический анализ проводится по данным массовых опросов; существует возможность сформировать интегральные индексы для измерения показателей неустойчивости занятости на основе ее признаков как «объективного», так и «субъективного» характера; наблюдается размытость структуры расположения объектов в пространстве классификационных признаков и возникают проблемы оценки степени такой размытости. Представлены результаты поискового исследования, позволяющие сделать вывод о том, что типологические модели, опирающиеся на идеи реконструкции социальных типов среди работников, можно интерпретировать как инструментальное средство для сравнения типологических структур разных социальных общностей, выявленных по характеру неустойчивости занятости. Одна группа результатов относится к рефлексии о составе типобразующих признаков, базовую часть которых составляют два показателя неустойчивости занятости, при этом один соотносится с «объективными», другой – с «субъективными» ее признаками. Другая группа результатов связана с обоснованиями адекватности исследовательской ситуации именно методов нечеткой классификации по сравнению с методами четкой (случай, когда объект однозначно относится к определенному классу).

Ключевые слова: типологический анализ • типологические признаки • источники неустойчивости занятости • субъективные показатели неустойчивой занятости • объективные показатели неустойчивой занятости • алгоритм классификации • четкая классификация • нечеткая классификация

DOI: 10.31857/S013216250028302-5

Проблематика измерения и анализа неустойчивости занятости (явления, обозначаемого в научной литературе также термином «прекаризация занятости») актуализирована в социологии (о соотношении этих понятий см., напр.: [Попов, Соловьева, 2020]). Среди подходов к изучению неустойчивости занятости особого внимания заслуживает методология типологического анализа, которая опирается на идеи реконструкции социальных типов

среди работников с целью сравнения типологических структур разных социальных общностей по характеру неустойчивости занятости. В процессе выстраивания концептуальной модели такого анализа целесообразно исходить из существования различных методологических ловушек [Типологический анализ..., 2023: 128–142]), избежать которые позволяет максимальный учет особенностей исследовательской ситуации.

Существующие практики типологического анализа, связанные с неустойчивостью занятости как некой технологии, различаются особенностями исходных для анализа данных; структурой типобразующих признаков, логикой формирования классификационных признаков (это, как правило, производные от эмпирических индикаторов показатели, по которым проводятся разбиения объектов на классы); алгоритмами классификации объектов [Гасюкова и др., 2016; Шкаратан и др., 2015; Неустойчивая занятость..., 2018; Кученкова, Колосова, 2018; It's more than poverty..., 2013; Vives et al., 2015]. Классы формируются либо «вручную», опираясь на концептуальные представления и используя в качестве классификационных признаков индикаторы на основе единичных переменных, либо на основе поиска «естественного» расположения объектов в многомерном пространстве классификационных признаков. Уделяется особое внимание и формированию интегрального индекса (как правило, суммарного) прекаризации занятости, по значениям которого работники разбиваются на группы исходя не только из содержательных представлений, но и с учетом характера распределения работников как по значениям индекса, так и переменным, входящим в индекс [It's more than poverty..., 2013; Vives et al., 2015; Дёмин, 2022].

На этапе разбиения объектов на группы исследователь может столкнуться с ситуацией «размытости» структуры данных, учесть которую позволяют алгоритмы нечеткой классификации. Толчком к их созданию послужили разработки в области теории нечетких множеств, ведущиеся с 1960-х гг. [Zadeh, 1965; Заде, 1980]. В современных реалиях представлены разные направления развития методов нечеткой классификации [Вятчинин, 2004; Kvist, 2007; Hudson, Kühner, 2013].

Статья посвящена постановке и решению нескольких методических задач, возникших в рамках разработки технологии типологического анализа работников по характеру неустойчивости их занятости. *Первая* из них относится к обоснованию возможности введения двух основных типобразующих признаков (степень объективной неустойчивости занятости, степень субъективной неустойчивости) и формирования на их основе классификационных признаков в виде двух индексов, описывающих эти виды неустойчивости занятости. *Вторая* связана с обоснованием неадекватности в нашей исследовательской ситуации четкой классификации (однозначного отнесения объекта к определенному классу), вне зависимости от того, реализуется ли она с помощью популярных алгоритмов кластерного анализа или путем разбиения объектов на группы «вручную» без применения математических методов многомерных классификаций. *Третья* задача посвящена обоснованию перехода от «четких» классов к «нечетким» с помощью привлечения дополнительных переменных – кандидатов в типобразующие признаки, а также осуществлению этого перехода.

Ключевыми понятиями в нашем исследовании являются *типобразующий признак* и *алгоритм классификации*. Что касается первого, то следует подчеркнуть, что типологические признаки функционально состоят из трех частей [Татарова, 2007: 88–97]. Одна из них играет важную роль в процессе предварительной типизации (априорной типологии) объектов классификации (например, разделении на трудящихся в организации и работающих «на себя»). Другая – в процессе формирования классификационных признаков (с помощью которых производится разбиение объектов на группы). Но есть еще одна часть, крайне важная для описания классов, перехода от формальной классификации к содержательной типологии. Это кандидаты в типобразующие признаки, они не участвуют в процедурах разбиения, но детерминируют существование изучаемого явления. Понятием *алгоритм классификации* обозначаем любой способ разбиения объектов на группы, включая поиск «естественных» скоплений объектов или обоснование существования теоретически сконструированных

типов («эвристических» в терминологии К. Бейли [Типологический анализ..., 2023: 58], «концептуальных» в терминологии Д. Коллиера [Collier, 2008]).

В качестве эмпирической базы используются первичные данные исследования, проведенного в мае 2022 г. под рук. Ж.Т. Тощенко: всероссийский опрос занятого населения, объем выборки 1200 чел., выборка квотная по федеральным округам, типам поселений, 14 укрупненным социально-профессиональным группам. Полевые работы реализованы Центром социального прогнозирования и маркетинга под рук. Ф.Э. Шереги.

Типообразующие признаки. Источники неустойчивости занятости. Несмотря на многообразие форм и условий занятости на рынке труда, на отсутствие согласованной позиции исследователей относительно перечня показателей неустойчивости занятости, представления о *типобразующих признаках* как теоретических концептах в достаточной мере разработаны. Основными показателями выступают такие условия трудовой деятельности, при которых работник лишен гарантий занятости, правовой защищенности, базовых социальных льгот. Одни исследователи акцентируют внимание на угрозах и рисках неустойчивости занятости, включая такие негативные последствия, как неопределенность социального и профессионального статуса, неустойчивость благосостояния, отсутствие внятного сформулированного образа будущего и ограниченность в возможностях планирования жизни [Тощенко, 2021]; ухудшение состояния здоровья, ограничение возможностей повышения квалификации и получения профессионального опыта [Попов, 2019]; снижение уровня и качества жизни в целом [Неустойчивая занятость..., 2018]. Другие отмечают, что прекарные работники, находясь в заведомо менее выгодных условиях, чем стандартно занятые, обладают существенным ресурсным потенциалом, позволяющим реализовывать им свои потребности в сфере трудовой деятельности не менее (а в некоторых случаях и более) эффективно, чем устойчиво занятым [Темницкий, 2022]; отдельным категориям работников при неустойчивой по формальным критериям занятости удается достигать заработков, сопоставимых с трудовыми доходами стандартно занятых и в некоторых случаях превышающих их (например, фрилансерам, работающим удаленно [Стребков, Шевчук, 2022]); нестабильная занятость у работников с высшим образованием не снижает их субъективного благополучия [Гасюкова, Петрова, 2021].

Расхождения в оценках масштабов и последствий неустойчивости занятости во многом сопряжены с дифференциацией работников по *источникам неустойчивости*. Прежде всего неустойчивая занятость может носить *вынужденный* или *добровольный* характер, что является существенной характеристикой при поиске типологической структуры работников. «Деление прекарной занятости на вынужденную и добровольную – то первое ограничение, которое следует учитывать при разработке как инструментария исследования, так и рекомендаций по регулированию процессов прекаризации» [Темницкий, 2022: 88]. Не случайно для осмысления особенностей субъективного восприятия работниками, социальной незащищенности, нестабильности на рынке труда вводятся понятия *психологическая прекарность* [Хорошилов, 2021], *субъективная незащищенность* в сфере труда [Смирнова, 2015].

В состав типообразующих признаков представляется целесообразным включать не только характеристики условий занятости, но и субъективные оценки работников собственной (не)стабильности. *Основание типологии* можно описать исходя из предпосылки, что к одному и тому же социальному типу относятся работники, схожие одновременно по субъективным и объективным показателям неустойчивости занятости. Соответственно, правомерно предположить существование как минимум четырех типов работников: 1) «объективно и субъективно устойчивых», 2) «объективно устойчивых, субъективно неустойчивых», 3) «объективно неустойчивых, субъективно устойчивых», 4) «объективно и субъективно неустойчивых». Тогда прежде всего возникает вопрос о классификационных признаках и исходных для их формирования переменных – *признаках неустойчивости занятости*.

Формирование классификационных признаков. Благоприятным условием считается ситуация, когда классификационные признаки независимы (в статистическом смысле), их число незначительно, они формируются как *индексы*, имеют один и тот же уровень измерения

и одинаковый диапазон изменения (как правило, в социологических исследованиях это порядковые шкалы с одним и тем же числом градаций). К числу таких условий можно добавить и степень дифференцирующей силы классификационных признаков.

Одновременное включение в число классификационных признаков объективных и субъективных показателей неустойчивости занятости возможно при условии введения хотя бы двух индексов, характеризующих «объективную» и «субъективную» составляющие. При конструировании таковых исходим из того, что индекс объективной неустойчивости занятости (ОНЗ) – это количество имеющихся у работника признаков из совокупности: отсутствие бессрочного трудового договора (1); частая смена места работы за последний год (2); «серая» зарплата (3); вынужденные постоянные подработки (4); отсутствие оплаты больничного (5); отсутствие оплаты отпуска (6). Индекс субъективной неустойчивости занятости (СНЗ) – это количество ожидаемых работником негативных событий, связанных с прекращением трудовой деятельности или ухудшением условий занятости: приостановка деятельности организации (1); перевод на сокращенный рабочий день/неделю (2); отправление в неоплачиваемый отпуск (3); уменьшение зарплаты (4); увольнение /сокращение (5); угроза закрытия организации (6).

Количество признаков может быть различным (в нашем случае они предопределены ситуацией вторичной концептуализации). Каждый из предложенных индексов формируется на основе шести признаков (шести переменных), принимая значения в диапазоне от 0 до 6. Операция суммирования правомерна, с индексами можно работать как с порядковыми шкалами при соблюдении одного из двух условий:

1. Если можно предположить, что переменные равноценны, вносят относительно одинаковый вклад в оценку неустойчивости.

2. Если можно предположить, что совокупность переменных иерархически организована (по аналогии со шкалами типа Л. Гуттмана, Э. Богардуса).

На практике эти идеальные условия соблюсти в полной мере затруднительно. В нашем случае эмпирические закономерности (судя по частоте встречаемости признаков неустойчивости занятости) позволяют выдвинуть предположение о перспективности скорее кумулятивных шкал (иерархически организованных), хотя говорить об их наличии пока не приходится (табл. 1, 2). Вместе с тем каждому значению индекса в большинстве случаев соответствует определенное сочетание исходных признаков. Из табл. 1 видно, что работники с ОНЗ=2 в большинстве случаев получают «серую» зарплату (71,4%) в сочетании с отсутствием бессрочного договора (49,2%) или вынужденными постоянными подработками (42,1%); с ОНЗ=4 наиболее распространено отсутствие оплаты больничных (93,8%) и отпуска (90%), бессрочного трудового договора (87,5%), «серые» выплаты (82,5%). Значения попарных коэффициентов связи V Крамера для признаков, входящих в состав индекса ОНЗ, находятся в интервале 0,2–0,42 ($p < 0,001$).

Аналогичным образом для индекса субъективной неустойчивости (табл. 2) при СНЗ=2 наиболее часто встречаемые признаки – ожидание уменьшения зарплаты (70,2%) и увольнения (61,2%); при СНЗ=3 к двум упомянутым добавляется либо ожидание отправки в неоплачиваемый отпуск (46,8%), либо перевода на сокращенный рабочий день (41,8%). Значения

Таблица 1

Доля респондентов с признаками ОНЗ в группах по значению индекса ОНЗ, в %

Признаки ОНЗ	Доля в выборке	Группы по значению индекса ОНЗ					
		1	2	3	4	5	6
Отсутствие бессрочного договора	34,1	45,1	49,2	73,3	87,5	95	100
«Серая» зарплата	32,9	36,7	71,4	61,9	82,5	97,5	100
Вынужденные подработки	17,3	15,4	42,1	33,3	31,3	70	100
Отсутствие больничных листов	18,4	1,2	12,8	66,3	93,8	100	100
Отсутствие оплаты отпуска	17,1	0,6	12	57,7	90	100	100
Частая смена места работы	5,9	0,9	12,7	8,6	15	37,5	100

Таблица 2

Доля респондентов с признаками СНЗ в группах по значению индекса СНЗ (в %)

Признаки СНЗ (ожидаемые негативные события)	Доля в выборке	Группы по значению индекса СНЗ					
		1	2	3	4	5	6
Уменьшение зарплаты	36	45,6	70,2	82,3	89,7	92,2	100
Увольнения / сокращения	33,4	39,2	61,2	73,4	79,4	96,1	100
Отправление в неоплачиваемый отпуск	24,3	2,4	24,8	46,8	82,4	94,1	100
Переход на сокращенный рабочий день / неделю	22,6	7,2	22,3	41,8	67,6	76,5	100
Угроза закрытия организации, предприятия	18,7	2,4	13,2	32,9	42,6	64,7	100
Приостановка деятельности организации	17,8	3,2	8,3	22,8	38,2	76,5	100

попарных коэффициентов связи V Крамера для признаков, входящих в состав индекса СНЗ, колеблются от 0,38 до 0,54 ($p < 0,001$).

Выявленные закономерности кумулятивного характера позволяют в определенной мере считать, что эвристический потенциал предложенных индексов не так уж безнадежен. Во-первых, при совершенствовании состава переменных возможно повышение степени их кумулятивной организованности. Во-вторых, при невозможности провести априорную типологию (предварительную типизацию) объектов классификации они косвенно учитывают специфику характера занятости (вынужденный или добровольный). В-третьих, они организуют двумерное пространство, демонстрируя невысокую тесноту связи (коэффициент корреляции Спирмена равен 0,29, $p < 0,001$).

Проблемы выбора алгоритма классификации. В процессе типологического анализа в роли алгоритма классификации могут выступать самые разнообразные методы многомерного анализа данных [Типология и классификация..., 1982; Толстова, 1998; Галицкая, Галицкий, 2013; Типологический анализ..., 2023: 74–84; 223–310]. Выбор инструмента разбиения объектов на группы зависит среди прочего от структуры данных – характера расположения объектов в пространстве классификационных признаков. Так, среди иерархических агломеративных алгоритмов метод «ближнего соседа» хорошо выделяет кластеры вытянутой формы («цепочечные»), а метод Уорда – шарообразной (гиперсферы).

В случае отсутствия явно выраженной структурированности данных «искомая классификация оказывается размытой», так что при выборе математического аппарата для решения задачи кластер-анализа предпочтение *следует отдать нечетким кластер-процедурам* [Вятчинин, 2004: 26]. Кроме того, переход с языка «четких» разбиений на язык «нечетких» позволяет получить дополнительную информацию (не только факт принадлежности объекта к классу, но и степень принадлежности), тем самым «более адекватно представить точки, находящиеся вне типичной части каждого кластера» [Вятчинин, 2004: 34].

В нашем случае используется всего два классификационных признака, каждый из которых имеет небольшое число градаций, что позволяет предварительно визуально оценить структуру данных. Представленная ниже таблица сопряженности предложенных индексов отражает достаточно распространенную в эмпирических исследованиях картину (табл. 3). По двумерному распределению значений классификационных признаков наблюдается отсутствие «естественных скоплений», объекты *распределены по всему признаковому пространству* (в таблице сопряженности практически все ячейки, за исключением двух, заполнены). При этом наибольшее количество респондентов (339 чел.) находится в левой верхней ячейке, это те, кто не имеет признаков неустойчивости занятости.

Означает ли такая ситуация отказ от поиска типологической структуры в изучаемых социальных общностях, от попыток проведения типологического анализа? По-видимому – нет. Отсутствие ярко выраженных «естественных сгущений/скоплений» (четких классов) в признаковом пространстве не исключает постановку проблемы оценки степени размытости

Таблица 3

Таблица сопряженности двух классификационных признаков, чел.

Значения индекса СНЗ	Значения индекса ОНЗ							Итого
	0	1	2	3	4	5	6	
0	339	169	57	34	25	11	4	639
1	42	39	17	15	10	2	0	125
2	47	29	18	8	11	6	2	121
3	27	19	10	16	6	1	0	79
4	21	16	8	11	6	4	2	68
5	10	14	5	8	4	8	2	51
6	23	38	11	13	18	8	6	117
Итого	509	324	126	105	80	40	16	1200

структуры. Она может решаться по-разному, но вполне корректно говорить о размытых границах между классами и нечетких классификациях. Проведение «границ» между классами может носить и условный характер, но возникает вопрос о том, что понимать под классом? Как оценить внутреннюю дифференциацию изучаемых социальных общностей?

Ответы на эти вопросы лежат в русле поиска представленности в таких общностях как минимум *четырёх типологических групп*: «объективно и субъективно устойчивых», «объективно устойчивых и субъективно неустойчивых», «объективно неустойчивых и субъективно устойчивых», «объективно и субъективно неустойчивых». Тогда возникает задача распределения объектов по этим типологическим группам. Но для этого необходимо определить экспериментально, *начиная с какого количества признаков неустойчивости* работника можно считать уже скорее «неустойчивым», чем «устойчивым».

Серия экспериментальных расчетов с использованием разных алгоритмов кластерного анализа не дала интересных результатов. Иерархические агломеративные алгоритмы давали крайне разнообразные и несовпадающие друг с другом результаты. Метод к-средних продемонстрировал, что наиболее воспроизводимый и устойчивый вариант разбиения приводил к выделению групп работников со значениями признаков ОНЗ и СНЗ 0–2 и 3+, т.е. к «неустойчивым» относятся работники, имеющие от трех признаков прекарности и более (объем статьи не позволяет привести результаты расчетов). При такой классификации градации классификационных признаков делятся на практически равные интервалы: по 3 и 4 значения в каждом. Подчеркнем, что ни один из алгоритмов не позволил предложить в качестве варианта разбиения на группы такой, что к «неустойчивым» можно отнести работников, имеющих хотя бы один признак прекарности, а к «устойчивым» – не имеющих ни одного, хотя содержательно такое предположение вполне оправданно.

В нашем случае возможны различные варианты проведения границ между четырьмя обозначенными выше группами. С содержательной точки зрения к «устойчивым» можно относить работников без признаков прекаризации занятости или с небольшим их количеством, соответственно, к «неустойчивым» – обладателей хотя бы одного (двух, трех) и более таких признаков. В этой связи рассмотрим в качестве примера три варианта разбиений (осуществленных «вручную») из возможных и логику выбора лучшего из них. В содержательном смысле эти варианты вполне правдоподобны, представлены в табл. 4: в первом случае при разбиении индивидов на классы индексы ОНЗ и СНЗ принимают значения 0 либо 1+, во втором – 0–1 либо 2+, в третьем – 0–2 либо 3+ соответственно. Последний вариант совпадает с тем, что был получен по результатам экспериментальных расчетов с использованием алгоритмов кластерного анализа.

Критерием качества классификации, если она производилась «вручную», являются возможные *качественные отличия* классов, возможность интерпретации объектов класса как представителей *разных социальных типов*. В этой ситуации важно оценить, насколько объекты разных классов отличаются по *дополнительным* переменным (не использовавшимся при классификации). По сути, они описывают кандидатов, претендующих на роль

Таблица 4

**Численность классов при разных вариантах разбиения,
(кол-во чел., % по строке)**

Варианты классификации	Классы			
	объективно и субъективно устойчивые	объективно устойчивые и субъективно неустойчивые	объективно неустойчивые и субъективно устойчивые	объективно и субъективно неустойчивые
Вариант 1 (0 и 1+)	339 (28,2)	170 (14,2)	300 (25)	391 (32,6)
Вариант 2 (0–1 и 2+)	589 (49,1)	244 (20,3)	175 (14,6)	192 (16)
Вариант 3 (0–2 и 3+)	757 (63,1)	202 (16,8)	113 (9,4)	128 (10,7)

третьей части типобразующих признаков. В нашем случае дополнительно привлекаемые переменные измерены на номинальном или, за редким исключением, порядковом уровне, поэтому сравнивать три варианта классификации имеет смысл на основе коэффициента связи для номинальных шкал (табл. 5), оценивая тесноту взаимосвязи между принадлежностью к классу и соответствующими переменными.

Таблица 5

Коэффициент связи V Крамера между принадлежностью к классу и переменными – кандидатами в типобразующие признаки

Кандидаты в типобразующие признаки	Вариант классификации		
	вариант 1 (0 и 1+)	вариант 2 (0–1 и 2+)	вариант 3 (0–2 и 3+)
<i>Общая удовлетворенность работой</i>			
Удовлетворенность работой	0,23***	0,26***	0,26***
Намерение найти новую работу	0,26***	0,29***	0,28***
<i>Какие проблемы по месту работы волнуют</i>			
Неясность в оплате труда	0,16***	0,18***	0,15***
Низкая оплата труда	0,23***	0,22***	0,22***
Отсутствие социальных льгот	0,26***	0,27***	0,33***
Плохие условия труда	0,08*	0,14***	0,12***
Отсутствие перспектив в работе, возможностей профессионального роста	0,1**	0,09*	0,09*
Опасения потерять работу	0,13***	0,14***	0,12**
<i>Что наиболее важно в работе</i>			
Оплата труда	0,13***	0,13***	0,12**
Содержание работы	0,08*	0,16***	0,16***
Условия труда	0,05	0,06	0,07
Возможность работы в коллективе	0,14**	0,11**	0,12**
<i>Доверие</i>			
Руководителю	0,22***	0,26***	0,26***
Коллегам по работе	0,17***	0,21***	0,2***
В трудной ситуации обращение к руководителю	0,13***	0,14***	0,13***
<i>Планы, связанные с работой</i>			
В ближайших планах найти новую работу	0,26***	0,28***	0,27***
В ближайших планах добиться повышения в должности	0,08*	0,13***	0,1**

Примечание. *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

Сравнение трех вариантов разбиений по тесноте взаимосвязи с переменными, относящимися к кандидатам в типобразующие признаки, демонстрирует, что по многим характеристикам именно при *втором варианте* значения коэффициента V Крамера выше, т.е. классы в большей степени отличаются друг от друга. Вместе с тем отличия между тремя вариантами классификаций небольшие, что наглядно демонстрирует не столько условность выбора границ между классами, сколько *размытость* этих границ между классами и необходимость перехода к рефлексии о *степени принадлежности* объектов к классам. Безусловно, это не снимает вопроса о том, как провести границы между классами, но позволяет корректнее представить структуру данных с учетом их естественной природы.

О переходе к нечеткой классификации. Как отмечалось, существуют различные направления развития методов нечетких классификаций. В нашей исследовательской ситуации адекватным представляется алгоритм «fuzzy set ideal type analysis» [Kvist, 2007; Hudson, Kühner, 2013], поскольку он предполагает введение так называемых «идеальных типов» – «прототипов» классов, описываемых сочетанием экстремальных (максимальных и минимальных) значений классификационных признаков (мы будем называть эти типы *маргинальными*), придание им статуса абстрактных эталонов, соотнесение с которыми позволяет определять близость каждого объекта к ним и относить объект к ближайшему из них.

На первом шаге алгоритма происходит своего рода перекодировка исходных данных для перехода на другой язык анализа данных, язык нечетких множеств. Принадлежность к нечеткому множеству равна 1, если наблюдается полная принадлежность объекта к множеству, 0 – полная непринадлежность, 0,5 – означает максимальную неопределенность. В нашем случае исходные значения (от 0 до 6) индекса ОНЗ – «объективная неустойчивость занятости» – перекодируются в степени принадлежности к множеству работников с высокой степенью неустойчивости занятости (от 0 до 1) по следующей схеме: значение 0 сохраняется; 1 перекодируется в 0,3; 2 – 0,6; 3 – 0,7; 4 – 0,8; 5 – 0,9; 6 – 1. Для индекса СНЗ – «субъективная неустойчивость занятости» перекодировка осуществляется аналогичным образом. Важно подчеркнуть, что значения степеней принадлежности приписываются исходя из содержательных представлений и результатов апробации «четких» алгоритмов. Выше было показано, что в большей степени отличаются работники с 0–1 признаками неустойчивости и 2+ (это вариант 2 в табл. 5). Опираясь на эти данные, работники с одним признаком неустойчивости отнесены к тем, у кого наблюдается устойчивая занятость (0,3), а начиная с двух признаков – как в той или иной степени неустойчивым (со степенями принадлежности к множеству неустойчивых работников от 0,6 до 1).

В результате перекодировки каждому объекту были приписаны степени принадлежности к множествам «объективно» и «субъективно» устойчивых, а также к множествам «объективно» и «субъективно» неустойчивых. Если степень принадлежности объекта к классу с высоким уровнем объективной неустойчивости равна 0,3, то к классу с высоким уровнем объективной устойчивости составит $1 - 0,3 = 0,7$.

На следующем шаге алгоритма вычисляется степень принадлежности объектов к четырём *маргинальным классам*, описываемым фразами из нулей и единиц: 00 – «объективно и субъективно устойчивые» (ОНЗ=min, СНЗ=min), 01 – «объективно устойчивые и субъективно неустойчивые» (ОНЗ=min, СНЗ=max), 10 – «объективно неустойчивые, субъективно устойчивые» (ОНЗ=max, СНЗ=min), 11 – «объективно и субъективно неустойчивые» (ОНЗ=max, СНЗ=max). Определяется «близость» объектов к этим классам как минимальное значение степени принадлежности по каждому из классификационных признаков.

Например, если у респондента степень принадлежности к группе работников с высоким уровнем объективной неустойчивости составляет 0,3, а к группе с высоким уровнем субъективной неустойчивости – 0,6, то его степень принадлежности / близости к классу «11» («высокий уровень объективной и субъективной неустойчивости») будет 0,3 (минимальное значение из 0,3 и 0,6), к классу «10» – 0,3 (минимальное из 0,3 и 0,4); «01» – 0,6 (минимальное из 0,7 и 0,6), «00» – 0,4 (минимум из 0,7 и 0,4). Объект «ближе» к «01», к нему он и будет отнесен.

Таблица 6

Степени принадлежности респондентов к маргинальным классам (00, 10, 01, 11)

Значения индекса СНЗ	Значения индекса ОНЗ						
	0	1	2	3	4	5	6
0	1 0 0 0	0,7 0,3 0 0	0,4 0,6 0 0	0,3 0,7 0 0	0,2 0,8 0 0	0,1 0,9 0 0	0 1 0 0
1	0,7 0 0,3 0	0,7 0,3 0,3 0,3	0,4 0,6 0,3 0,3	0,3 0,7 0,3 0,3	0,2 0,7 0,2 0,3	0,1 0,7 0,1 0,3	0 0,7 0 0,3
2	0,4 0 0,6 0	0,4 0,3 0,6 0,3	0,4 0,4 0,4 0,6	0,3 0,4 0,3 0,6	0,2 0,4 0,2 0,6	0,1 0,4 0,1 0,6	0 0,4 0 0,6
3	0,3 0 0,7 0	0,3 0,3 0,7 0,3	0,3 0,3 0,4 0,6	0,3 0,3 0,3 0,7	0,2 0,3 0,2 0,7	0,1 0,3 0,1 0,7	0 0,3 0 0,7
4	0,2 0 0,8 0	0,2 0,2 0,7 0,3	0,2 0,2 0,4 0,6	0,2 0,2 0,3 0,7	0,2 0,2 0,2 0,7	0,1 0,2 0,1 0,8	0 0 0,2 0,8
5	0,1 0 0,9 0	0,1 0,1 0,7 0,3	0,1 0,1 0,4 0,6	0,1 0,1 0,3 0,7	0,1 0,1 0,2 0,8	0,1 0,1 0,1 0,9	0 0,1 0 0,9
6	0 0 1 0	0 0 0,7 0,3	0 0 0,4 0,6	0 0 0,3 0,7	0 0 0,2 0,8	0 0 0,1 0,9	0 0 0 1

Были сконструированы *четыре новые переменные* – степени принадлежности объектов к четырем маргинальным классам (00, 01, 10, 11). Их значения для объектов с разным сочетанием исходных значений классификационных признаков представлены в табл. 6. Угловые ячейки соответствуют маргинальным классам. Так, в верхнем левом углу респонденты со значениями индексов ОНЗ и СНЗ, равными нулю, полностью «принадлежат» к классу «00» (объективно и субъективно устойчивые), а к остальным степень их принадлежности – ноль. В то же время обладающие двумя признаками объективной неустойчивости (ОНЗ=2) и ни одним из субъективных (СНЗ=0) отнесены к классу «10» (объективно неустойчивые и субъективно устойчивые) со степенью принадлежности 0,6, но одновременно они близки и к классу «00» (степень принадлежности 0,4).

По численному составу разбиение респондентов на четыре класса, реализованное с помощью алгоритма «fuzzy set ideal type analysis» (по близости к «00» – 589 чел., к «01» – 244 чел., к «10» – 175 чел., к «11» – 192 чел.) совпадает со вторым вариантом классификации, осуществленным в предыдущем разделе (табл. 4), когда к «неустойчивым» относим работников, имеющих два и более признаков неустойчивости занятости. Тем самым цель и практическая польза перехода от четкой классификации к нечеткой заключается не столько в получении «новой» классификации, сколько в *уточнении* имеющейся. Поясним это подробнее.

Переход от четких к нечетким классам позволяет иметь дополнительную информацию о каждом объекте, которая является особенно полезной в случае, если объект находится на «периферии» класса, поскольку позволяет выяснить, к каким из других классов он «тяготеет». Например, если значения признаков ОНЗ и СНЗ равны двум, то респондент находится на «периферии» класса 11 (объективно и субъективно неустойчивые) со степенью принадлежности 0,6, одновременно располагаясь близко к границам остальных трех классов, степень принадлежности к которым составляет 0,4 (табл. 6).

Предпочтительность нечетких классификаций проиллюстрируем на основе сравнения разбиений объектов на «четкие» классы (полученный в предыдущем разделе вариант 2) и на «нечеткие» по «кандидатам» в типобразующие признаки. Для этого обратимся к значениям коэффициента V Крамера. В каждой клетке табл. 7 приведены два значения. Первое из них соответствует ситуации, когда принадлежность определяется «жестко» (четко 0 или 1), второе значение соответствует ситуации, когда она определяется «мягко» (нечетко и меняется от 0 до 1). Разница в значениях коэффициента связи может быть совсем небольшой, но, как правило, в пользу нечеткой принадлежности. Например, для переменной

Таблица 7

**Коэффициенты V Крамера между кандидатами в типобразующие признаки
и принадлежностью к классу**

Кандидаты в типобразующие признаки	Классы			
	объективно и субъективно устойчивые (00)	объективно устойчивые и субъективно неустойчивые (01)	объективно неустойчивые и субъективно устойчивые (10)	объективно и субъективно неустойчивые (11)
<i>Общая удовлетворенность работой</i>				
Удовлетворенность работой	0,39*** / 0,26***	0,12*** / 0,22***	0,13*** / 0,22***	0,36*** / 0,23***
Намерение найти новую работу	0,35*** / 0,3***	0,13*** / 0,26***	0,1** / 0,26***	0,32*** / 0,27***
<i>Проблемы по месту работы</i>				
Неясность в оплате труда	0,15*** / 0,2***	0,01 / 0,14**	0,04 / 0,11**	0,16*** / 0,18***
Низкая оплата труда	0,2*** / 0,23***	0,05 / 0,22***	0,03 / 0,17***	0,18*** / 0,23***
Отсутствие социальных льгот	0,25*** / 0,31***	0,04 / 0,33***	0,11*** / 0,26***	0,19*** / 0,3*
Отсутствие перспектив в ра- боте, возможностей про- фессионального роста	0,09** / 0,11*	0,04 / 0,13*	0,02 / 0,13	0,06* / 0,13**
Опасения потерять работу	0,13*** / 0,16***	0,11*** / 0,16**	0,02 / 0,11	0,05 / 0,12**
Плохие условия труда	0,13*** / 0,14***	0,02 / 0,15**	0,09** / 0,14**	0,08** / 0,14**
<i>Что наиболее важно в работе</i>				
Оплата труда	0,12*** / 0,13**	0,05 / 0,15**	0,02 / 0,11	0,09** / 0,13**
Чтобы работа была ин- тересной, содержание труда	0,14*** / 0,15***	0,01 / 0,13*	0,1** / 0,17***	0,11*** / 0,12**
Условия труда	0,06* / 0,1	0,02 / 0,09	0,04 / 0,12	0,03 / 0,07
Быть в коллективе	0,1** / 0,11*	0,01 / 0,12	0,04 / 0,11	0,09** / 0,12*
<i>Доверие</i>				
Доверие руководителю	0,3*** / 0,28***	0,08* / 0,22***	0,12*** / 0,23***	0,29*** / 0,23***
Доверие коллегам по работе	0,26*** / 0,22***	0,05 / 0,2***	0,09* / 0,18***	0,24*** / 0,2***
В трудной ситуации обра- тятся к руководителю	0,11*** / 0,16***	0,02 / 0,14*	0,02 / 0,12	0,12*** / 0,14**
<i>Планы, связанные с работой</i>				
В ближайших планах найти новую работу	0,21*** / 0,29***	0,02 / 0,27***	0,01 / 0,22***	0,26*** / 0,3***
В ближайших планах до- биться повышения в должности	0,09** / 0,1	0,04 / 0,11	0,08** / 0,1	0,08** / 0,09

Примечание. *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

«отсутствие социальных льгот» и при принадлежности к группе «объективно устойчивые и субъективно неустойчивые» значение коэффициента повышается с 0,04 до 0,33 (при переходе от жесткой степени принадлежности к мягкой), а для группы «объективно и субъективно неустойчивые» – с 0,19 до 0,3.

Вместе с тем в некоторых случаях (для вопросов об общей удовлетворенности работой и доверии) значения коэффициентов V Крамера для второй и третьей типологических групп (10 и 01) повышаются, а для первой и четвертой (00, 11) – понижаются. Тем самым обнаруживая, что искомые *типологические группы* могут отличаться не только по значениям классификационных признаков, но и по специфике «поведения кандидатов» в типологизирующие признаки.

Данные табл. 7 свидетельствуют, что обращение к языку «нечетких» разбиений приводит к фиксации более существенных отличий между классами по дополнительным характеристикам (чем это было бы при «четкой» классификации). Тем самым в ситуации размытости структуры эмпирических данных и невозможности предложить единственно верное, «жесткое» разделение объектов на группы, которые можно было бы интерпретировать как представителей различных социальных типов, нечеткие классификации позволяют получить более углубленное описание классов, адекватнее представить объекты, находящиеся на «периферии», получить более детализированное представление о степени «типичности» объекта как представителя группы, к которой он был отнесен.

Переход от общего массива данных к типологическим группам позволяет повышать *информативность* дополнительно используемых признаков, управляемых факторов (к примеру, это было продемонстрировано в типологическом анализе работников по характеру идентификации с предприятием [Татарова, Бессокирная, 2019]). Схожим образом переход от классов с жесткими / четкими границами к классам с мягкими / нечеткими также способствует повышению информативности, позволяя учитывать внутреннюю дифференциацию класса (разную степень принадлежность объектов к нему).

Выводы. Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов, важных с позиции развития методологии типологического анализа работников по характеру неустойчивости занятости.

Во-первых, эвристический потенциал предложенных индексов достаточно высок, что не исключает необходимости совершенствования способов их измерения. Индексы объективной и субъективной неустойчивости занятости слабо коррелируют друг с другом, конструировать на их основе суммарный индекс неправомерно.

Во-вторых, для случая размытости структуры расположения объектов в пространстве классификационных признаков, небольшой размерности такого пространства продуктивным представляется обращение к алгоритмам нечеткой классификации. Информация о степени принадлежности объектов к классам позволяет углубить уровень анализа, повысить информативность результатов классификации.

В-третьих, предложенные в статье результаты пополняют знание об инструментах типологического анализа в социологии как диагностического средства и соответственно основания для принятия управленческих решений по изменению ситуации с неустойчивостью занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вятчин Д.А. Нечеткие методы автоматической классификации. Мн.: Технопринт, 2004.
- Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б. Деревья классификаций // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 84–87.
- Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 48–63.
- Гасюкова Е.Н., Петрова А.А. Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным? // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 3. С. 39–70.

- Дёмин А.Н. Индекс прекарности для психологического изучения российского рынка труда // Организационная психология. 2022. Т. 12. № 4. С. 103–122. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-103-122.
- Заде Л.А. Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе // Классификация и кластер / Под ред. Дж. Вэн Райзина; пер с англ.; под ред. Ю.И. Журавлева. М.: Мир, 1980. С. 208–247.
- Кученкова А.В., Колосова Е.А. Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 288–305. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.15.
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: научная монография / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: КНОРУС, 2018.
- Попов А.В. Влияние прекаризации занятости на положение наемных работников: социологический аспект // Вопросы территориального развития. 2019. № 5(50). С. 1–13. DOI: 10.15838/tdi.2019.5.50.8.
- Попов А.В., Соловьева Т.С. Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 103–113. DOI: 10.31857/S013216250009618-2.
- Смирнова А.Ю. Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. № 4. С. 99–106.
- Стребков, Д.О., Шевчук, А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022.
- Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Уч. пос. М.: Высшее образование и наука, 2007.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Идентификация рабочих с предприятием в диагностике производственной ситуации // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 43–56. DOI: 10.31857/S013216250004585-6.
- Темницкий А.Л. Ресурсный потенциал прекарных работников в России // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 86–99. DOI: 10.31857/S013216250021065-4.
- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Типология и классификация в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1982.
- Толстова Ю.Н. Математические методы в социологии // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998. С. 83–89.
- Тощенко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 24–36. DOI: 10.31857/S013216250016200-3.
- Хорошилов Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
- Collier D. Typologies: forming concepts and creating categorical variables / D. Collier, J. La Porte, J. Seawright // J.M. Box-Steffensmeier, H.E. Brady, D. Collier, eds., Oxford Handbook of Political Methodology. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 152–173. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199286546.003.0007.
- Hudson J., Kühner S. Beyond indices: The potential of fuzzy set ideal type analysis for cross-national analysis of policy outcomes // Policy and Society. 2013. Vol. 32. Iss. 4. P. 303–317. DOI: 10.1016/j.polsoc.2013.10.003.
- It's More than Poverty: Employment Precarity and Household Well-being / Poverty and Employment Precarity in Southern Ontario (PEPSO), McMaster University and United Way Toronto; ed. S. McBeth. 2013. URL: https://labourstudies.mcmaster.ca/pepso/documents/2013_itsmorethanpoverty_report.pdf (дата обращения: 03.09.2023).
- Kvist J. Fuzzy set ideal type analysis // Journal of Business Research. 2007. Vol. 60. Iss. 5. P. 474–481.
- Vives A., González F., Moncada S., Llorense C., Benach J. Measuring precarious employment in times of crisis: the revised Employment Precariousness Scale (EPRES) in Spain // Gaceta Sanitaria. 2015. No. 29(5). P. 379–382.
- Zadeh L. Fuzzy sets // Information control. 1965. Vol. 8. P. 338–353. DOI: 10.1016/S0019-9958(65)90241-X.

Статья поступила: 08.06.23. Финальная версия: 06.09.23. Принята к публикации: 21.09.23.

FUZZY CLASSIFICATIONS IN THE TYPOLOGICAL ANALYSIS OF WORKERS BY EMPLOYMENT INSTABILITY

KUCHENKOVA A.V.*, TATAROVA G.G.*

**Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Anna V. KUCHENKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher (a.v.kuchenkova@gmail.com); Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher (tatarova-gg@rambler.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The article is devoted to the theoretical and methodological problems of identifying the typological structure of employees by the nature of employment stability / instability. It actualizes the issues of developing a technology for conducting typological analysis in those research situations when there is a need to apply special means of dividing the objects (respondents) into groups – methods of fuzzy classifications. These are situations when typological analysis is carried out based on mass surveys; it is possible to construct integral indices for measuring indicators of employment instability based on its features of both “objective” and “subjective” nature; there is a blurring of the structure of objects location in the space of classification variables and problems arise in assessing the degree of such fuzziness. The article presents the results of a search study that allows us to conclude that typological models based on the ideas of reconstruction of social types among workers can be interpreted as an instrumental tool for comparing typological structures of different social communities identified by the nature of employment instability. One group of results relates to reflection on the composition of type-forming features, the basic part of which consists of two indicators of employment instability, one of which represents “objective”, the other “subjective” features. Another group of results relates to the justification of the adequacy of fuzzy classification methods in our research situation, rather than clear classification methods (the case when an object unambiguously belongs to a certain class).

Keywords: typological analysis, typological characteristics, sources of employment instability, subjective indicators of unstable employment, objective indicators of unstable employment, classification algorithm, clear classification, fuzzy classification.

REFERENCES

- Andreenkov V.G., Tolstova Yu.N., eds. (1982) *Typology and classification in sociological research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Bobkov V.N., ed. (2018) *Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methods of Identification, Evaluation and the Vector of Decreasing*. Moscow: KNORUS. (In Russ.)
- Collier D., LaPorte J., Seawright J. (2008) Typologies: forming concepts and creating categorical variables. In: Box-Steffensmeier J.M., Brady H.E., Collier D. (eds.) *Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press: 152–173. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199286546.003.0007.
- Diomin A. (2022) Precarity index for psychological studies of the Russian labour market. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. Vol. 12. No. 4: 103–122. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-103-122. (In Russ.)
- Galitskaya E.G., Galitsky E.B. (2013) Classification trees. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 84–87. (In Russ.)
- Gasiukova E., Karacharovskiy V., Yastrebov G. (2016) Unequal precariousness: on the origin and forms of social status instability of individuals and groups. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3: 48–63. (In Russ.)
- Gasiukova E.N., Petrova A.A. (2021) The subjective perception of employment instability: is it bad to be unstable? *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 22. No. 3: 39–70. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-39-70. (In Russ.)
- Hudson J., Kühner S. (2013) Beyond indices: The potential of fuzzy set ideal type analysis for cross-national analysis of policy outcomes. *Policy and Society*. Vol. 32. Iss. 4: 303–317. DOI: 10.1016/j.polsoc.2013.10.003.
- Khoroshilov D.A. (2021) Ontological, social and psychological precarity: ways of interaction in transitive society. *Novyye psikhologicheskiye issledovaniya* [New Psychological Research]. No. 2: 64–83. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V., Kolosova E.A. (2018) Differentiation of workers by features of precarious employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public

- Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 3: 228–305. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.15. (In Russ.)
- Kvist J. (2007) Fuzzy set ideal type analysis. *Journal of Business Research*. Vol. 60. Iss. 5: 474–481. DOI: 10.1016/j.jbusres.2007.01.005.
- McBeth S., ed. (2013) *It's More than Poverty: Employment Precarity and Household Well-being / Poverty and Employment Precarity in Southern Ontario (PEPSO)*, McMaster University and United Way Toronto. URL: https://labourstudies.mcmaster.ca/pepso/documents/2013_itsmorethanpoverty_report.pdf (accessed 03.09.2023).
- Popov A.V. (2019) Influence of employment precarization on the employees' position: sociological aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues]. No. 5: 1–13. DOI: 10.15838/tdi.2019.5.50.8. (In Russ.)
- Popov A.V., Soloveva T.S. (2020) Employment Precarization: an Analysis of Academic Discourse on the Essence and Ways of Measuring. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 103–113. DOI: 10.31857/S013216250009618-2. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasiukova E.N. (2015) Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 99–110. (In Russ.)
- Smirnova A.Yu. (2015) The Two-dimensional Approach to Job Insecurity in Foreign Literature: Psychological Content and Measurement. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. No. 4: 99–106. DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-99-105. (In Russ.)
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2022) *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2007) *Fundamentals of typological analysis in sociological research*. Moscow: Vysshee obrazovanie i nauka. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2019) Identification of Workers with an Enterprise in the Diagnostics of Production Situation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 43–56. DOI: 10.31857/S013216250004585-6. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V., eds. (2023) *Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2022) Resource Potential of Precarious Employees in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 86–99. DOI: 10.31857/S013216250021065-4. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (1998) Mathematical methods in sociology. In: Yadov V.A. (ed.) *Sociology in Russia*. Moscow: IS RAN: 83–89. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2021) The Public and Private Life World of the Precariat: Main Features and Landmarks. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 24–36. DOI: 10.31857/S013216250016200-3. (In Russ.)
- Vives A., González F., Moncada S., Llorens C., Benach J. (2015) Measuring precarious employment in times of crisis: the revised Employment Precariousness Scale (EPRES) in Spain. *Gaceta Sanitaria*. No. 29(5): 379–382. DOI: 10.1016/j.gaceta.2015.06.008.
- Vyatchenin D.A. (2004) *Fuzzy methods of automatic classification*. Minsk: Technoprint. (In Russ.)
- Zadeh L. (1965) Fuzzy sets. *Information control*. Vol. 8: 338–353. DOI: 10.1016/S0019-9958(65)90241-X.
- Zadeh L.A. (1980) Fuzzy sets and their application in pattern recognition and cluster analysis. In: Wen Raizin J. (ed.) *Classification and Cluster*. Moscow: Mir: 208–247. (In Russ.)

Received: 08.06.23. Final version: 06.09.23. Accepted: 21.09.23.

© 2023 г.

П.П. ЛИСИЦЫН, А.М. СТЕПАНОВ, Н.А. ОРЛОВА

ВЫПОЛНЕННЫЕ И НЕВЫПОЛНЕННЫЕ ОБЕЩАНИЯ ЭВЕРЕТТА ЛИ: К КРИТИКЕ МИГРАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ

ЛИСИЦЫН Павел Петрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии (fox_sociology@mail.ru); СТЕПАНОВ Александр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии (916001@inbox.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет; ОРЛОВА Наталья Андреевна – старший преподаватель кафедры управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета (nat.and.orlova@gmail.com). Все – Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Статья посвящена обсуждению миграционной теории Э. Ли. Публикация Э. Ли по теории миграции (Lee, 1966) – одна из наиболее цитируемых среди исследований миграций. При анализе содержания этой знаковой работы в фокус исследовательского внимания ставятся не столько тезисы авторской теории, сколько их взаимосвязь с идеями предшественников, с веяньями времени, когда она была написана. Осуществлен краткий аналитический разбор трудов предшественников Э. Ли, определена степень их влияния на основные положения его теории, а также выделена роль его работы в развитии миграционных исследований.

Ключевые слова: миграция • миграционная теория • критика • факторы притяжения и выталкивания • Э. Ли • миграционные исследования

DOI: 10.31857/5013216250028303-6

Постановка проблемы. Миграционные исследования не составляют самостоятельную научную дисциплину, это междисциплинарная область. В нее входят и экономико-демографические исследования миграционных потоков, работы по социологии миграции, исследования политических факторов миграции, историко-этнографические исследования перемещений, постколониальные исследования иммиграции и интеграции мигрантов из бывших колониальных территорий в бывших метрополиях, и др.

Систематизируя теории миграции, Р. Прайор выделял пять основных исследовательских вопросов, на которые они стремятся ответить: кто такие мигранты? Почему и куда они переезжают? Каковы последствия миграции? И наконец, какие политические вопросы она ставит? [Pryor, 1981]. До сегодняшнего дня однозначные ответы на них не найдены. Обзоры миграционных исследований, начиная с работы Д. Томас¹ [Thomas, 1938] и заканчивая трудами современных авторов [Massey et al., 1993;

¹ Дороти Суэйн Томас (1899–1977) – социолог и экономист, первая женщина – президент Американской социологической ассоциации (1952), супруга (с 1935 г.) Уильяма Айзека Томаса – соавтора (с Ф. Знанецким) отнесенного к социологической классике исследования «Польский крестьянин в Европе и Америке», в котором с социологических позиций изучалась массовая миграция начала XX в. поляков в США.

Banerjee, Duflo, 2019], сходятся в одном: «Миграционные теории ... обещают гораздо больше, чем дают на самом деле... и склонны предъявлять грандиозные претензии, несоразмерные их применимости и объяснительному потенциалу» [Arango, 2010: 294].

Наиболее часто эта критика касается работ классического этапа исследований, конец которому положили труды неоклассических экономистов [Harris, Todaro, 1970; Stark, Bloom, 1985]. Основанные преимущественно на анализе демографических данных выводы исследований этого периода стремительно теряли актуальность, не успевая за динамикой развития мира. Действительно, кто сейчас всерьез полагает, что семь миграционных законов, сформулированных Э. Равенштайном для Великобритании и Северной Америки [Ravenstein, 1876], остаются в силе в начале XXI в., или что продолжает безотказно работать формула С. Стауффера [Stouffer, 1940], описывающая взаимозависимость между миграционным расстоянием и промежуточными возможностями, или что предложенный Дж. Зипфом принцип наименьших усилий [Zipf, 1949] точно определяет миграционное поведение? Несколько в стороне от общей исследовательской практики того времени стоят работы представителей чикагской школы, в которых использовались отличные от аналитики демографических данных методологические подходы. Таково исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920) [Thomas, Znaniecki, 1996] – во многом этнографическое, основанное на автобиографиях и личной переписке членов крестьянских семей; таковы работы Р. Парка, Е. Берджесса и Р. МакКензи [Park et al., 1925] о миграции в контексте городского пространства, а также магистерская работа в будущем известного социолога Л. Вирта [Wirth, 1925] о конфликтах в семьях мигрантов. Однако эти исследования не сказались на общей тенденции изучения миграции. Разные методологии, начало которым было положено на рубеже веков, начнут сближаться во второй половине XX в. с появлением новой экономической теории [Stark, Bloom, 1985]. До этого в миграционных исследованиях основную роль с точки зрения их массовости и влияния на политические и экономические программы национальных государств будут играть ученые, ссылающиеся на Э. Равенштайна. В этой массе миграционных исследований классического периода выделяется работа Э. Ли [Lee, 1966]. Его труд является самым цитируемым среди миграционных исследований конца XIX – середины XX в.², а многие критики рассматривают предложенные им тезисы в качестве «доминирующей парадигмы в исследованиях миграции» [Harvir, Shirley, 2005: 97]. Учитывая многочисленные претензии, предъявляемые к миграционным теориям классического этапа в отношении их малого объяснительного потенциала, и сохранение вплоть до настоящего времени популярности теории Э. Ли, *настоящая статья ставит целью выявление принципиальных отличий его теории от подходов его предшественников*. Для этого авторами проведен краткий разбор трудов предшественников Э. Ли с выяснением степени их влияния на основные положения его теории, а также сформулированы предположения о жизнеспособности тезисов Э. Ли для сегодняшнего дня.

Что обещают теории миграции? История миграционных исследований классического периода начинается с вопроса У. Фарра³: существуют ли закономерности в миграционном поведении? Для ответа на него Э. Равенштайн систематизирует доступные на тот момент статистические данные, основными выводами которых становятся семь законов миграции [Ravenstein, 1889], подтверждающих наличие этих закономерностей. Обосновывая такие законы, Э. Равенштайн описывает методологию исследования, сложности сбора данных, а также формулирует вопросы, возникшие в ходе

² На основе анализа цитируемости научных публикаций базы данных SCOPUS от 09. 2022 г. С 1966 г. (времени публикации исследования) ссылки на него встречаются в 1937 публикациях по миграционной проблематике, что превышает популярность работ Э. Равенштайна, процитированных с 1885 г. 1701 раз, или работ С. Стауффера, Дж. Зипфа и А. Льюса (не более 200 ссылок на каждую).

³ Уильям Фарр (1807–1883) – британский эпидемиолог, один из основателей медицинской статистики.

анализа. Предложенные выводы и выделенные на их основе социальные законы в целом не выдержали проверки исследованиями более позднего периода, а описанные им проблемы и сформулированные новые вопросы дали существенный импульс развитию миграционных исследований [Лисицын, Степанов, 2022]. Это вопросы о том, как отличить мигранта от не-мигранта, отличаются ли мигранты друг от друга, каково мерило этого различия, какие причины способствуют миграции и какова роль женщин в миграционных процессах.

При поиске ответов на них исследователи формулируют новые, уточненные вопросы, погружаясь в детали миграционного поведения и вводя новые значимые для его анализа переменные. «Влияет ли фактор расстояния на перемещение населения?» [Stouffer, 1940: 846], можно ли измерять это расстояние не только в «единицах пространства, но также в единицах времени или стоимости?» [там же: 846]. Обладают ли мигранты субъектностью и существуют ли стратегии миграционного поведения? [там же: 848]. В свою очередь, попытки Дж. Зипфа ответить на вопрос С. Стауффера о субъектности мигранта порождают уточняющий вопрос о возможном сочетании индивидуальной и групповой субъектности и позволяют сформулировать ключевой для будущих поколений исследователей вопрос: являются ли мигранты социальной группой, то есть преследуют ли они «одинаковые цели, следуя одинаковым правилам поведения?» [Zipf, 1949: 348]. Кроме того, в размышлениях Дж. Зипфа о миграции можно встретить вопросы об измерении эффективности миграции, взаимозависимости движения людей и капиталов, о влиянии разделения труда и закона спроса и предложения на миграцию [ibid.].

Далее следуют попытки определения влияния движения капиталов на миграцию, которые позволяют А. Льюису сформулировать вопрос о роли кросс-границных денежных переводов мигрантов [Lewis, 1956: 360], о специфике высококвалифицированной миграции [ibid.: 349]. В процессе поиска критериев для измерения эффективности миграционного процесса он задается вопросом об использовании мигрантами социального капитала [ibid.: 359], о возможностях прогнозирования миграционных рисков [ibid.: 11] о роли социальных сетей в миграционном движении [там же: 364].

Основные результаты этих исследований, если считать таковыми постулаты законов миграции Э. Равенштайна, уравнения С. Стауффера, принцип наименьшего усилия Дж. Зипфа или экономику роста А. Льюиса, не выдержали проверки новыми данными. Между тем сформулированные в процессе исследования вопросы, на которые они сами не предлагали ответов и которые не имеют однозначных ответов и сегодня, обозначили канву и послужили (по определению А. Льюиса) дорожной картой исследований миграционных процессов и связанных с миграцией политических и экономических программ в последующие годы. Сформулированные ими вопросы о влиянии социальных показателей на миграционный процесс станут краеугольным камнем современной теории миграционных рисков [Williams, Balaz, 2012]. Вопросы о субъектности мигрантов лягут в основу разделения их на группы [IOM Glossary on Migration, 2019; Ткаченко, 2020] и окажут влияние на выбор стратегий реализации политики мультикультурализма в сфере оценки притязаний (claim-making) [Kivisto, 2012] мигрантских меньшинств. Вопрос о критериях эффективности миграционного процесса станет ключевым для теорий миграционного поведения [Рыбаковский, 2017], социальной адаптации [van Hear, 1994] и интеграции мигрантов [Lee, 2009]. Вопрос зависимости движения капитала от миграционного поведения будет подробно рассмотрен в работах по новой экономике [Stark, Bloom, 1985], представлен в теориях неокOLONиализма [Smith, 1974] и глобализации [Sassen, 2007]. Вопрос о роли женщин в миграционных процессах и в формировании рабочей силы с середины XX в. до сегодняшнего дня красной линией пройдет через исследования миграции.

Описанная тенденция конкретизации ключевых исследовательских вопросов позволила современным исследователям определить миграцию как самоподдерживающийся

процесс [Portes, Böröcz 1989], подвергнуть критике определение мигрантов как людей, «покидающих свои дома навсегда» [Massey, Akresh, 2006: 954], а миграционные прогнозы основывать не только на данных краткосрочных периодов, но и на многофакторной методологии «эффекта зависимости от предыдущих событий» (path dependence) [Wassink, Massey, 2022] и на методике расчета коэффициента распространенности миграции (the migration prevalence ratio) [Massey et al., 1994].

Как видим, вопросы, возникающие в процессе решения исследовательских задач, представляют подчас большую ценность для последующих поколений ученых, чем результаты этих исследований. В связи с этим интересно посмотреть, какие результаты предлагает работа Э. Ли, и какие новые вопросы она поднимает, выяснить, что из этого более ценно для современных исследователей.

Вопросы и обещания Э. Ли. «Есть ли в демографии место смелым и дерзким?» [Vance, 1952] – обращается в октябре 1952 г. с вопросом к членам ASA Руперт Вэнс, подразумевая, что именно такие люди должны решить назревшую проблему отсутствия теории в демографии. «Такие люди найдутся!» – отвечает ему спустя 12 лет Э. Ли, считавший основной задачей своего исследования именно построение теории. Восхищаясь масштабностью исследований Э. Равенштайна и С. Стауффера, отмечая собранный значительный объем данных о половозрастных, расовых, образовательных характеристиках мигрантов [Lee, 1966], он заявляет: «Я хочу попытаться разработать общую схему, в которую можно поместить различные пространственные перемещения <...> и вывести ряд умозаключений относительно объема миграции, направлений миграционных потоков, а также определенных характеристик мигрантов» [Lee, 1966: 49].

Предложенная Э. Ли схема по большей части состоит из набора предположений предшественников о различных аспектах миграционного поведения. Однако, будучи перенесенными в его теорию, они не подверглись ни переосмыслению, ни развитию, ни эмпирическим проверкам (скорее исключением выглядит обращение Э. Ли в качестве доказательной базы к данным о миграции, собранным О. Дунканом [Duncan, 1940], Д. Богом и М. Хагуд [Bogue, Hagood, 1953] или Г. Джеромом [Jerome, 1926]).

Теория Э. Ли состоит из утверждений, с разной частотой используемых его последователями вплоть до сегодняшнего дня. Если рассматривать эти тезисы с позиции их инновационного потенциала для последующих исследований, то удобно разделить их на четыре группы: 1. Концептуальные тезисы о миграции; 2. Популярные тезисы; 3. Не востребуемые тезисы; 4. Прогностические тезисы.

Определение миграции и мигрантов. К концептуальным тезисам Э. Ли относятся определение миграции и утверждение, что мигранты в своем составе неоднородны. Понимая под миграцией «постоянную или временную смену места жительства» [Lee, 1966: 49], он сознательно не ограничивает ее добровольным или недобровольным характером перемещения, кросс-границным или внутристрановым перемещением. «Переход через холл из одной комнаты в другую, – пишет он, – должен считаться таким же актом миграции, как и переезд из Индии в США... хотя, конечно, и причины и последствия этих перемещений сильно разнятся» [ibid.].

Выведенное Э. Ли определение миграционного процесса в общем виде характерно для всех исследователей миграции того периода. Например, Дж. Зипф определяет его как «в большинстве случаев преднамеренное перемещение человека» [Zipf, 1949: 387], Э. Равенштайн определяет его как переезд человека из региона своего рождения [Ravenstein, 1885]. При этом, как и Э. Ли, многие исследователи предполагали неоднородность самих мигрантов. Основываясь на личном опыте, Э. Равенштайн полагал, что существуют местные (local), поэтапные (by stages), временные (temporary) и прочие группы мигрантов [Ravenstein, 1885: 181, 183]. Дж. Зипф, не предлагая конкретных групп, определял целеполагание как основание этого разделения. С. Стауффер, как и Э. Ли, отмечал значение классовых характеристик [Stouffer, 1940], А. Льюис

рассуждал о квалифицированных и неквалифицированных, добровольных и вынужденных иммигрантах и эмигрантах [Lewis, 1956].

Необходимость столь широкого определения миграции для концептуальной схемы Э. Ли объясняется, во-первых, тем, что подобно предшественникам, разделявшим идеи социальной физики, он верил в существование закономерностей в миграционном процессе, во-вторых, за счет понимания того, что сами мигранты неоднородны, он наделял эти закономерности определенной долей вариативности.

Push and pull. К популярным тезисам Э. Ли (с точки зрения их использования последователями) следует отнести постулаты его теории, описывающие факторы, способствующие или препятствующие миграции, разделенные на четыре вида: «факторы, связанные с районом происхождения и назначения, промежуточные препятствия и личные факторы» [там же: 50]. Исследовательский анализ первых двух видов факторов предполагает сравнение. Например, «колебания в экономике могут влиять на объем миграции разными способами, но решающее значение будет иметь их влияние на сравнение положительных и отрицательных факторов в странах происхождения и назначения» [там же: 53]. Помимо сравнения характеристик мест происхождения и назначения на миграцию влияют промежуточные препятствия между двумя географическими точками. «В одних случаях эти препятствия могут быть незначительными, в других – непреодолимыми. Наиболее изученным из них является расстояние..., однако к ним также относятся как реальные физические барьеры, такие как Берлинская стена, так и не физические, такие как, например, иммиграционные законы» [там же: 51]. Наконец, на процесс принятия решений влияют характеристики людей как индивидуального, так и группового свойства.

Эти утверждения Э. Ли, известные под названием «Push and Pull факторов», не вносят ничего нового в научный дискурс, являясь лишь систематизацией размышлений предшественников. В частности, Э. Равенштайн среди причин, вызывающих миграцию, рассматривал разницу характеристик регионов-доноров и регионов-реципиентов. Для него эта разница основывалась на экономико-демографических, социальных и природных факторах. Например, рассуждая о характеристиках региона назначения, он пишет, что «дополнительные стимулы к миграции предлагаются образовательными учреждениями..., благоприятным климатом..., доступностью необходимых товаров» [Ravenstein, 1885: 168]. В свою очередь, регион отъезда может характеризоваться «плохими или репрессивными законами, тяжелым налогообложением, непривлекательным климатом, неблагоприятным социальным окружением» [там же: 286]. Вслед за Э. Равенштайном С. Стауффер предлагает конкретную методологию сравнительного анализа характеристик регионов исхода и прибытия, основанную на измерениях «возможностей», разделяя их на предполагаемые (apparent opportunities) и реальные (actual opportunities) возможности, где реальные – объективная (статистическая) разница между регионами, а предполагаемые возможности – их мнимая (субъективная) разница [Stouffer, 1940: 848]. Развивая мысль С. Стауффера, Дж. Зипф выдвигает предположение, что на субъективное восприятие различий влияют личностные и групповые характеристики и особенности человека [Zipf, 1949].

Интенсивность и селективность миграции. Помимо этих популярных тезисов в миграционной теории Э. Ли можно найти ряд утверждений, не получивших широкого распространения: о влиянии социальных сетей на интенсивность миграции; о миграционных контрпотоках (как следствия основных потоков); о селективности миграции. Существенно уступая по числу упоминаний тезисам о миграционных факторах, они, тем не менее, являются неотъемлемой частью его теории. Подчиненные логике причинно-следственных связей, эти тезисы в сочетании друг с другом образуют простые и сложные силлогизмы, позволяющие воспринимать целостно его представления о миграции.

Наряду с экономическими одним из важных факторов, характеризующих различия регионов и объясняющих интенсивность миграции, Э. Ли считает разнообразие «рас и этничностей, образования и традиций, доходов и профессий» [Lee, 1966: 52]. Более того, он утверждает, что часть этого разнообразия может являться не только причиной миграции, но и ее следствием.

Перечисляя миграционные факторы, Э. Ли замечает, что «миграция обусловлена не столько фактическими различиями регионов происхождения и назначения, сколько восприятием этих различий» [ibid.: 51], и что на это восприятие влияют «личная чувствительность, интеллект и информированность...; уровень которых во многом определяется доступом к источникам информации» [ibid.: 51], зависящим от масштаба социальных сетей человека или группы, в которую он включен; что развитые социальные сети позволяют преодолеть сложности перемещения.

Осознавая многофакторность миграционных процессов, исследователи, по мнению Э. Ли, при должном анализе смогут понять причины существования общих для значительного числа людей направлений миграции, которые он определяет как миграционные потоки (currents of migration) [ibid.: 48]. При этом «для каждого основного миграционного потока создается встречный поток» [ibid.: 55], причины появления которого вариативны: возможное исчезновение положительных факторов нового места, переоценка баланса положительных и отрицательных сторон регионов, создание выгодных условий возвращения с учетом качеств, приобретенных на новом месте [ibid.: 55].

Менее востребованные тезисы теории Э. Ли и описанные ранее популярные тезисы по большей части заимствованы из суждений о миграции его предшественников. В частности, акцент на ключевой роли субъективного восприятия реальности при принятии решения о переезде и его зависимость от информированности сделан всеми описываемыми здесь классиками. С. Стауффер использует в методологии [Stouffer, 1940: 848] закон Вебера–Фехнера (Weber–Fechner Law [Fechner, 1860]), демонстрирующий логарифмическую зависимость между интенсивностью раздражителя и величиной субъективного ощущения, а Дж. Зипф применяет контент-анализ газетных статей [Zipf, 1949: 389] и проводит количественный анализ телефонных и телеграфных сообщений [Zipf, 1949: 397] для доказательства влияния информированности на мобильность населения.

В работах предшественников Э. Ли выражено и понимание того, что информированность влияет не только на принятие решений о переезде, но и на возможное устранение препятствий для переезда. «Информация об условиях места переезда, – пишет Дж. Зипф, – является не только предпосылкой для преднамеренного движения, ... но и жизненно необходима для устранения многих проблем, связанных с перемещениями» [ibid.: 387]. Льюис добавляет, что расширение социальных контактов мигрантов повышает информированность последних и помогает защититься от опасностей миграционного процесса: «члены общин мигрантов стараются изо всех сил помогать друг другу, находить работу или одалживать деньги» [Lewis, 1956: 364].

Разнообразие как фактор, способствующий миграции, подробно рассмотрено Дж. Зипфом через анализ возможностей равновесного состояния. «Миграционное движение должно изучаться не только через анализ равновесия между спросом и предложением, ... но шире, ... через разнообразие общего числа профессий, товаров, учреждений социальной системы в конкретное время» [Zipf, 1949: 383]. Идея, что элементы разнообразия и способствуют миграции, и являются ее следствием, прямо сформулирована в работе «Принцип наименьшего усилия». Замечание Э. Ли о потоках и противотоках миграции подробно раскрыто в работах Э. Равенштайна, фиксирующих как направленные миграционные потоки, так и обратные им контрпотоки сильного, слабого и компенсирующего типов [Ravenstein, 1885: 187].

Еще один из невостребованных тезисов теории Э. Ли относится к селективной особенности миграции: «Миграция носит избирательный характер, а значит мигранты не являются случайной выборкой населения по месту происхождения» [Lee, 1966: 56]. Рассуждения

о селективности в явном виде не встречаются в работах, рассматриваемых в настоящем тексте, но обсуждение этой проблемы в целом характерно для исследователей середины XX в. [Hofstee, 1952; Steinmetz, 1930; van Hinte, 1928]. Свойственные им рассуждения о селективности в общем виде повторяет Э. Ли, в частности, утверждая: «качество миграционных потоков будет высоким, если возникающие препятствия будут велики», оно «варьируется в зависимости от экономических условий, будучи высоким в благополучные времена и низким во времена депрессии» [Lee, 1966: 55]. Нужно добавить, что ни тогда, ни сегодня исследователями не собрано достаточно данных, чтобы с уверенностью утверждать, что селективность миграции существует. Например, Э. Хофсти в обзоре 1952 г. по исследованиям селективности писал, что «сравнительные измерения качеств мигрантов и не-мигрантов редко проводились в массовом масштабе. Единственными важными данными являются результаты тестов на интеллект, проводимых с новобранцами американской армии во время Первой мировой войны... однако интеллект не является основополагающим признаком селекции» [Hofstee, 1952: 3]. Дискуссии о селективных свойствах миграции во времена Э. Ли простирались от полного ее отрицания до абсолютной уверенности в ее существовании. Между полюсами находились исследователи умеренных взглядов, предполагавшие, что «если между миграцией и отбором нет прямой связи, то, по крайней мере, нельзя отрицать, что она может быть косвенно селективной... и об этой косвенной связи мы все еще знаем слишком мало» [ibid.: 24]. Э. Ли примкнул к радикальному крылу, воспринимавшему селективные свойства как факт, и, поддерживая тренд обсуждений этой направленности, предлагал обычные для того времени обобщения верхнего порядка.

Прогнозирование. Помимо тезисов, описывающих миграционные закономерности, в работе Э. Ли можно найти тезис прогностического характера: «Если не будут введены строгие правила, то со временем объемы и темпы миграции будут иметь тенденцию к увеличению», причины которой заключаются в интенсивном развитии «технологий, направленных на устранение возникающих препятствий» [Lee, 1966: 53, 54]. Не подвергая критике суть данного тезиса, стоит отметить, что и он уже был предложен предшественником Э. Ли Э. Равенштайном: «Новые возможности взаимодействия часто могут компенсировать минусы дальнего расстояния»; «Комфорт, предоставляемый железнодорожными компаниями..., растущая осведомленность граждан о регионах страны... способствует перемещению людей...», что в результате приведет к увеличивающимся объемам миграции [Ravenstein, 1889: 199].

Идеи Э. Ли в работах современных авторов. За 150-летний период исследований миграции международной научной базой SCOPUS (аккумулирующей наиболее авторитетные научные издания) насчитано 185633 работы, посвященные миграции как процессу перемещения людей в пространстве. Лидерами по количеству публикаций в данной области являются ученые из США (26% общего числа), Китая (12%) и Великобритании (11%). На долю российских ученых приходится 3% от числа всех публикаций. Содержательный качественный анализ этих публикаций позволяет выделить современную тенденцию использования теорий Э. Ли и его предшественников (с вариативностью, зависящей, например, от национальной специфики).

Общей тенденцией является то, что современные исследователи используют теории предшественников Э. Ли в качестве маркеров, выделяющих определенные миграционные проблемы, не принимая их основные выводы за основу своих исследований. Проиллюстрируем эту закономерность наиболее цитируемыми работами современных авторов (не позднее 2000 г.), ссылающихся на классические труды. Дж. Андерсен [Anderson, 2011] обращается к теории Э. Равенштайна, Ю. Чан [Chun, 2008] обращается к теории С. Стауффера, М. Ван Алстин и Э. Бринджолфсон [van Alstyne, Brynjolfsson, 2005] – к идеям Дж. Зипфа, к модели А. Льюиса мы видим обращение в работе [Chang, Dong, MacPhail, 2011].

Современные тенденции использования работы Э. Ли несколько отличаются от использования работ его предшественников. Его сугубо теоретическая работа [Lee, 1966], опубликованная в 1966 г., превышает по популярности каждую из описанных

выше работ. Ссылки на нее – не просто дань уважения к его труду (что характерно при упоминании его предшественников), а отсылка к его идеям как к метадискурсу, к основе доказательства, находящемуся за пределами самого доказательства [Yurchak, 2006]. Проиллюстрируем эту закономерность наиболее цитируемыми работами современных авторов (не позднее 2000 г.). В 2012 г. в журнале *Lancet* было опубликовано исследование о влиянии урбанизации на здоровье жителей Китая [Gong et al., 2012], метадискурсом которого служили компоненты теории Э. Ли. В 2011 гг. при использовании его трактовки «притяжения и выталкивания» проанализировано влияние изменения климата на направленность миграционных потоков [Black et al., 2011].

Ссылки на его работы встречаются в различных дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях: археологических (Anthony, 1990) и геронтологических [Litwak, Longino, 1987], географических [King, 2002] и демографических [Speare, 1974], маркетинговых [Harvir, Shirley, 2005] и, конечно, собственно миграционных исследованиях. Количественная оценка данных показывает, что ежегодно ссылки на теорию Э. Ли появляются более чем в 150 проиндексированных в базе SCOPUS публикациях.

Русскоязычная традиция использования работ классиков миграционных исследований имеет особенности. Комбинация социально-исторических и внешнеполитических причин привела к отсутствию в работах современных российских авторов ссылок на труды С. Стауффера [Stouffer, 1940] и Дж. Зипфа [Zipf, 1946, 1949], а также на тексты А. Льюиса, посвященные миграции [Lewis, 1956]. Таким образом, 80 лет миграционных исследований воспринимаются российскими авторами как наследие двух ученых (один из которых положил начало, а другой завершил первый исторический этап исследования миграции), что приводит к объединению идей ряда ученых в одну теорию – «теорию Равенштайна – Ли» [Kashnitsky, Gunko, 2016], где первый автор впервые поднимает вопросы, связанные с миграцией, а второй пытается на них ответить.

Заключение. Э. Ли, решая задачу построения теории миграции, приблизился к идеальному типу теории, описанному позже Ж. Аранго, как «набору логически взаимосвязанных утверждений, из которых могут быть выведены эмпирически проверяемые факты» [Arango, 2010]. К утверждениям Э. Ли относятся: определение миграционного процесса и его участников; выявление групп факторов, способствующих и препятствующих миграции; обоснование направленности миграционных потоков и пр. Постулаты его теории при условии эмпирической достоверности должны были бы обеспечить революционный прорыв в объяснительных моделях, позволяющий прогнозировать, а при должном инструментарии и провоцировать миграцию. Однако выводы Э. Ли, как и основные результаты исследований его предшественников, с позиции сегодняшнего дня выглядят неубедительно. Опровержением теории Э. Ли выступают и современные эмпирические данные о миграции, и их обобщения. Например, утверждение Э. Ли о растущем объеме миграции опровергает статистика ООН, согласно которой доля международных мигрантов в мировом населении одинакова и в 2017 г., и в 1990-е, и в 1960-е гг., составляя 3% [International migration report, 2017]. А его наиболее популярное утверждение о влиянии на миграцию факторов притяжения и выталкивания сегодня предлагается дополнять еще «как минимум, влиянием удерживающих и отталкивающих факторов» [Arango, 2010].

Э. Ли предпринял попытку дать интуитивно понятные ответы на большинство ключевых вопросов о миграции, сформулированных к середине XX в. С одной стороны, эти ответы позволяют его исследованию оставаться популярным у современных авторов в качестве работы, подводящей черту под размышлениями предшественников, а с другой стороны, они же дают повод для оправданной критики его исследования за «грандиозные претензии, несоразмерные применимости и объяснительному потенциалу» [Arango, 2010].

Используя размышления о миграции Э. Равенштайна и С. Стауффера, Дж. Зипфа и А. Льюиса в процессе их исследований, Э. Ли пытается систематизировать их,

доказывая состоятельность этой систематизации не столько данными, сколько правилами формальной логики, обеспечивающими стройность теории. Между тем современные авторы избирательно используют элементы этой теории, разрушая ее целостность и логические связи как основу доказательности, что, в свою очередь, заставляет сомневаться в незыблемости ее тезисов.

Принимая во внимание идею, что развитию миграционных исследований в большей степени способствуют не окончательные ответы на вопросы миграции, представленные в виде социальных законов [Лисицын и др., 2022; Лисицын, Степанов, 2022], а новые вопросы, появляющиеся как их побочный продукт, утверждение о том, что миграционные теории дают не то, что обещают, но гораздо больше, на основе анализа результатов миграционных исследований, проведенных до 1966 г., выглядит оправданным. Попытка Э. Ли представить ответы на вопросы предшественников вместо их уточнения является скорее стагнацией, чем обещанным развитием.

Труд Э. Ли поднимает ряд новых проблем, ранее не представленных в исследованиях миграции. Во-первых, в размышлениях о причинах сдерживания миграции он интересуется существованием естественной инертности (*natural inertia*): «Баланс в пользу движения должен быть достаточным, – пишет он, – чтобы преодолеть естественную инертность, которая всегда существует» [Lee, 1966: 51]. Не уточняя суть этой инертности, но выделяя ее важность в принятии решения о миграции как для отдельных людей, так и для групп, Э. Ли указывает на новое направление исследований, благодаря которому сама его теория впоследствии будет подвергнута критике [Banerjee, Duflo, 2019]. Во-вторых, размышляя о причинах миграции, он задается вопросом о возможных стадиях миграционного процесса. Эти два направления, получившие существенное развитие в работах его последователей, не будут ассоциироваться с именем Э. Ли, затерявшись среди менее ценных тезисов, предложенных его миграционной теорией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Лисицын П.П., Орлова Н.А., Степанов А.М. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа // Социологический журнал. № 28 (3). 2022. С. 72–90. [Lisitsyn P.P., Orlova N.A., Stepanov A.M. (2022) Migration behavior: the principle of reducing labor costs by J. Zipf. *Sociologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 28 (3): 72–90. (In Russ.)]
- Лисицын П.П., Степанов А.М. Новые законы миграции Э. Равенштайна // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 16–26. [Lisitsyn P.P., Stepanov A.M. (2022) E. Ravenstein's New Migration Laws. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 16–26. (In Russ.)]
- Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М.: ЭконИнформ, 2017. [Rybakovsky L.L. (2017) *History and theory of population migration. Book 2: Population migration: phenomenon, concept, determinants*. Moscow: EkonInform. (In Russ.)]
- Ткаченко А.А. Терминология в области миграции: проблемы международной сопоставимости // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4 (41). С. 68–79. [Tkachenko A.A. (2020) Terminology in the field of migration: problems of international comparability. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor research]. No. 4 (41): 68–79. (In Russ.)]
- van Alstyne M., Brynjolfsson E. (2005) Global village or cyber-balkans? Modeling and measuring the integration of electronic communities. *Management Science*. Vol. 51 (6): 851–868.
- Anderson J.E. (2011) The gravity model. *Annual Review of Economics*. Vol. 3: 133–160.
- Anthony D.W. (1990) Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater. *American Anthropologist*. Vol. 92 (4): 895–914.
- Arango J. (2010) Explaining migration: a critical view. *International Social Science Journal*. Vol. 52 (165): 283–296.
- Banerjee A., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times*. New York: PublicAffairs.
- Black R., Adger W.N., Geddes A., Thomas D. (2011) The effect of environmental change on human migration. *Global Environmental Change*. Vol. 21(1): 3–11.
- Bogue D.J., Hagood M. (1953) Subregional Migration in the United States 1955–1940. *Scripps Foundation Studies in Population Distribution*. Vol. 6: 124–127.

- Chang H., Dong X.Y., MacPhail F. (2011) Labor migration and time use patterns of the left-behind children and elderly in rural China. *World Development*. Vol. 39 (12): 2199–2210.
- Chun Y. (2008) Modeling network autocorrelation within migration flows by eigenvector spatial filtering. *Journal of Geographical Systems*. Vol. 10 (4): 317–344.
- Faist T. (2013) Transnationalism. In: *Routledge International Handbook of Migration Studies*. Eds S.J. Gold, S.J. Nawin. New York: Routledge: 449–459.
- Fechner G.T. (1860) *Elemente der Psychophysik*. Leipzig: Breitkopf und Härtel.
- Glick Schiller N., Basch L., Szanton B.Ch. (1992) Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration. In: Glick Schiller N., Basch L., Szanton B.Ch. (ed.) *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences: 1–2.
- Glossary on Migration*. (2019) Geneva: International Organization for Migration.
- Gong P., Liang S., Carlton E. et al. (2012) Urbanisation and health in China. *Lancet*. Vol. 379: 843–852.
- Harris J.R., Todaro M.P. (1970). Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *The American Economic Review*. 60 (1): 126–142.
- Harvir S., Shirley B., Taylor F. (2005) Migrating to new service providers: Toward a unifying framework of consumers switching behaviors. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 33. P. 96–115.
- van Hear N. (1994) Migration, displacement, and social integration. In: *Occasional Paper: World Summit for Social Development*. Geneva: UNRISD.
- van Hinte J. (1928) *Nederlanders in Amerika*. Groningen.
- Hofstee E.W. (1952) Some remarks on selective migration. In: *Publications of the research group for European migration problems*. VII. Netherlands: The Hague Martinus Nijhoff.
- International migration report (2017). New York: United Nations.
- Jerome H. (1926) *Migration and Business Cycles*. New York: National Bureau of Economic Research Inc.
- Kashnitsky I., Gunko M. (2016) Spatial variation of in-migration to Moscow: Testing the effect of housing market. *Cities*. Vol. 59. P. 30–39.
- King R. (2002) Towards a New Map of European Migration. *International journal of population Geography*. Vol. 8: 89–106.
- Kivisto P. (2002) *Multiculturalism in the global society*. John Wiley & Sons, Ltd.
- Kivisto P. (2012) We really are all multiculturalists now. *The sociological Quarterly*. Vol. 53: 1–24.
- Lee E.A. (1966) Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3 (1): 47–57.
- Lee C. (2009) Sociological Theories of Immigration: Pathways to Integration for U.S. Immigrants. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. Vol. 19 (6): 730–744.
- Lewis A. (1954) *Economic Development with Unlimited Supplies of Labour*. Manchester: The Manchester School.
- Lewis A. (1954) Thoughts on land settlement. *Journal of Agricultural Economics*. Vol. 11 (1): 3–11.
- Lewis A. (1956) *The Theory of Economic Growth* (edit. 2003). London: Routledge.
- Litwak E., Longino C.F. (1987) Migration patterns among the elderly: A developmental perspective. *Gerontologist*. Vol. 27 (3): 266–272.
- Lively C.E. (1940) Research Memorandum on Migration Differentials: A Report of the Committee on Migration Differentials. Thomas D.S., Heberle R., Hutchinson E.P., Isbell E.C., Meyer F., Riemer S. *Journal of Political Economy*. Vol. 48: 300.
- Massey D., Akresh I. (2006) Immigrant intentions and mobility in a Global Economy: the attitudes and behavior of recently arrived U.S. immigrants. *Social science quarterly*. Vol. 87: 954–971.
- Massey D., Goldring L., Durand J. (1994) Continuities in transnational migration: an analysis of nineteen Mexican Communities. *American journal of sociology*. Vol. 99 (6): 1492–1533.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G. et al. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19 (3): 431–466.
- Park R., Burgess E., McKenzie R. (1925) *The city: suggestions for the investigation of human nature in the urban environment*. Chicago.
- Portes A., Böröcz J. (1989) Contemporary immigration: theoretical perspectives on its determinants and modes of incorporation. *International migration review*. Vol. 3 (23): 606–630.
- Pryor R.J. (1981) Integrating international and internal migration theories. In: Kritz M.M., Keely C.B., Tomasi S.M. (ed.) *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*. New York: Center for Migration Studies.
- Ravenstein E.G. (1876) The Birthplaces of the People and the Laws of Migration with seven maps. *Geographical Magazine*.
- Ravenstein E.G. (1889) The Laws of Migration. In: *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 52 (2): 241–305.

- Ravenstein E.G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 48 (2): 167–235.
- Sassen S. (2007) *Sociology of globalization*. Colombia University.
- Smith S. (1974) *US neocolonialism in Africa*. New York: International publisher.
- Speare A. (1974) Residential satisfaction as an intervening variable in residential mobility. *Demography*. Vol. 11 (2): 173–184.
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*. Vol. 75 (2): 173–178.
- Steinmetz S.R. (1930) Der erbliche Rassen und Volkscharakter. *Gesammelte kleinere Schriften*. Vol. 2: 284–285.
- Stouffer S.A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. Vol. 5 (6): 845–867.
- Thomas D.S. (1938) Research Memorandum on Migration Differentials. *Social Science Research Council Bulletin*. 43. New York.
- Thomas W.I., Znaniecki F.W. (1996) *The Polish peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group*. University of Illinois Press.
- Vance R.B. (1952) Is Theory for Demographers? *Social Forces*. XSLI: 9–13.
- Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. University of California Press.
- Wassink J., Massey D. (2022) The New System of Mexican Migration: The Role of Entry Mode – Specific Human and Social Capital. *Demography*. Vol. 59 (3): 1071–1092.
- Williams A.M., Balaz V. (2012) Migration, risk and uncertainty: theoretical perspectives. *Population, Space and Place*. Vol. 18 (2): 167–180.
- Wirth L. (1925) Cultural conflicts in the immigrant family, unpublished master's thesis, University of Chicago.
- Yurchak A. (2006) Everything was forever until it was no more. The last Soviet Generation. Princeton university press.
- Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. Vol. 61 (2): 219–249.
- Zipf G.K. (1949) Human behavior and the principle of last effort. An introduction to human ecology. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley Press.
- Zipf K.G. (1946) Some determinants of the circulation of information. In: *Am J Psychol*. Vol. 59: 401–421.

Статья поступила: 19.05.23. Принята к публикации: 15.08.23.

FULFILLED AND UNFULFILLED PROMISES OF EVERETT LEE: TOWARD A CRITIQUE OF MIGRATION THEORIES

LISITSYN P.P.*, STEPANOV A.M.*, ORLOVA N.A.**

*St. Petersburg State University, Russia; **St. Petersburg State University of Economics, Russia

Pavel P. LISITSYN, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of Comparative Sociology Chair (fox_sociology@mail.ru); Alexander M. STEPANOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology Chair (916001@inbox.ru). Both – St. Petersburg State University; Natalia A. ORLOVA, Senior Lecturer, St. Petersburg State University of Economics (nat.and.orlova@gmail.com). All – St. Petersburg, Russia.

Abstract. This article is devoted to the analysis of E. Lee's migration theory (Lee, 1966). E. Lee's publication characterizing his theory of migration is one of the most cited works in the history of migration studies. Having been subjected to critical analysis more than once, its key theses are known not only to experts in the field of migration and economics, but also to a wide range of readers, who associate it with the terms "attraction and push" (push and pull). The analysis carried out in this article differs in that the focus of research attention is not so much on the main theses of his theory, as on their relationship with the ideas that preceded, as well as with the trends of the time when this work was written. The authors carried out a brief analysis of the works of E. Lee's predecessors, determining the degree of their influence on the main provisions of his theory, and also highlighted novelty of his work for the development of subsequent migration studies.

Keywords: migration, migration theory, critic, push and pull, factors of attraction and expulsion, E. Lee, migration studies.

Received: 19.05.23. Accepted: 15.08.23.

Л.В. ЛОГИНОВА, В.В. ЩЕБЛАНОВА

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЛОГИНОВА Лариса Викторовна – доктор социологических наук, профессор (lvloginova66@mail.ru);
ЩЕБЛАНОВА Вероника Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор (vsheblanova@mail.ru).
Обе – кафедра философии Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия.

Аннотация. Приграничное положение – один из потенциальных факторов, стимулирующих миграцию, однако в Саратовской области наблюдается миграционный отток. В миграционном обмене область выступает донором, проигрывая в конкуренции с другими регионами за человеческий капитал. Ранее людские потери из-за межрегиональной миграции частично восполнялись притоком за счет международной миграции. Дефицит местных работников низкой квалификации частично компенсировался иностранными мигрантами. К настоящему времени сформировалась тенденция использования региона как «перевалочной базы» для продвижения в глубь страны мигрантами из стран Центральной (Средней) Азии. На перемещения мигрантов влияют социально-демографические факторы – пол, возраст, уровень образования и экономические мотивы лучших условий занятости, ожидаемого более высокого дохода. Негативные последствия миграционных процессов – расширение малонаселённых пространств, сокращение человеческого капитала, рост нелегальной миграции и преступности – требуют принятия комплекса мер по удержанию населения, прежде всего, в приграничных сельских районах области.

Ключевые слова: • миграция • приграничная территория • внутрирегиональная миграция • межрегиональная миграция • международная миграция • нелегальная миграция • миграционная политика

DOI: 10.31857/S013216250028304-7

Постановка проблемы. В миграционном поведении населения российских регионов сохраняются заметные контрасты по направлениям, структуре, причинам, формам. В условиях общей тенденции стягивания населения к региональным столицам [Карцева и др., 2020; Пипия, Чистякова, 2020] отток населения рассматривается как угроза развитию, прежде всего, провинциальных, периферийных территорий [Реутов, 2020], которые зачастую выступают и как приграничные [Олейник, 2021].

«Приграничье» в социологических исследованиях – востребованная категория при характеристике разнообразных современных проблем, рассматриваемая как социальное явление. Более интенсивные взаимодействия между жителями сопредельных территорий рассматриваются как один из важнейших факторов их развития за счет углубления комплементарности элементов хозяйственной и общественной жизни [Колосов и др., 2018: 9].

Российские приграничные регионы характеризуются как «зоны периферийности», «окраинности», чему способствовали остаточный принцип финансирования, отсутствие достаточных инфраструктурных инвестиций [Попкова, 2019: 248]. Зачастую они «поражены трансформационной депрессией», «находятся на грани полного обезлюдивания» [Бийжанова, 2018: 4], «теряют население более высокими темпами, чем в среднем по своей стране», при этом коренные жители замещаются ориентированными на переезд

иностранными мигрантами [Яськова, 2021: 81]. В силу сжатия рынка труда и различных ограничений в условиях пандемии COVID-19 приграничные регионы, особенно центрально-азиатского участка границ России, испытывали наибольшие трудности, связанные с нехваткой трудовых мигрантов для проведения сельскохозяйственных, строительных работ [Рязанцев и др., 2020: 45]. Практикуемые меры привлечения высококвалифицированных специалистов пока не показали своей эффективности, что дает основание задуматься о дополнительных инструментах и новых подходах, способных привлечь квалифицированных мигрантов, вызвать у них интерес к переезду в нашу страну на постоянное место жительства [Chudinovskikh, Kharaeva, 2020: 80].

Наиболее протяженная часть границы РФ протекает на границе с Республикой Казахстан, члена Таможенного союза ЕврАзЭС, с которым действует режим упрощенного въезда иностранных граждан. Казахстан граничит с государствами Средней Азии – Узбекистаном, Туркменистаном, Кыргызстаном, а также с Китаем (КНР). Такое соседство обуславливает специфику миграционной обстановки на приграничных территориях. Российскую сторону приграничья с Казахстаном образуют 13 регионов, одним из которых является Саратовская область. Миграция через Казахстан из стран Средней Азии, основных доноров внешних мигрантов на российские территории, направленная в глубь РФ, создает в регионе напряженность из-за потенциала роста транзитных миграционных потоков, в том числе и нелегальных. Вместе с тем привлечение трудовых мигрантов из-за рубежа позволяет восполнять потери трудового потенциала регионов, компенсировать дефицит неквалифицированной рабочей силы [Красинец, 2022: 104].

Рассмотренные обстоятельства требуют оценки эффектов миграции «отдающего» человеческие ресурсы приграничного региона, понимания особенностей и результатов территориальных передвижений его населения. Цель статьи – определение основных тенденций, положительных эффектов и потенциальных угроз развития миграционных процессов в приграничном регионе с убывающей численностью населения на примере Саратовской области.

В 2020 г. пандемия COVID-19 спровоцировала введение ограничительных мер, значительно повлиявших на территориальную мобильность населения, структуру миграционных потоков, обостривших миграционные проблемы. Поэтому для лучшего понимания сложившейся миграционной ситуации в регионе проводится сопоставление статистических данных в следующие периоды: допандемийный (2017–2019), пандемийный (2020) и постпандемийный (2021 г. и оперативные данные за 2022 г.) с учётом наличия единых образных показателей в информационной базе данных Росстата и Саратовстата.

Общая демографическая ситуация в Саратовской области. Проблема народосбережения является одной из важнейших для Саратовской области, которая по своей площади (101,2 тыс. км²) превышает, например, территорию Южной Кореи (98,5 тыс. км²) или Венгрии (93,0 тыс. км²). При этом население на территории области распределено неравномерно, а его плотность снижается: с 24,5 чел./км² на 1 января 2017 г. до 23,3 чел./км² на 1 января 2022 г., что соответствует 42 месту в России и 11 месту в ПФО¹. Густонаселенными территориями являются город Саратов, Балаковский, Энгельсский районы с плотностью населения свыше 60 чел./км². Наименьшая плотность населения характерна для приграничных муниципальных районов: Новоузенского (6,5 чел./км²), Питерского (5,7 чел./км²), Александрово-Гайского (5,4 чел./км²), Дергачевского (3,6 чел./км²), Озинского (3,6 чел./км²), Перелюбского (3,0 чел./км²). Снижение плотности населения формирует неблагоприятные предпосылки по оказанию социальных услуг, обеспечению регулярного транспортного обслуживания, обуславливает необходимость более гибкой системы территориальной организации местного самоуправления.

¹ См. 1.1: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году. Стат. бюллетень. М., 2022.

Таблица

Показатели движения населения Саратовской области в 2017–2021 гг.

Годы	Структура убыли населения, чел.			Структура убыли населения, в %	
	Естественная убыль	Миграционная убыль	Общая убыль	Доля естественной убыли	Доля миграционной убыли
2017	–10150	–6160	–16310	62,22	37,78
2018	–11787	–10348	–22135	53,25	46,75
2019	–13236	–5684	–18920	69,96	30,04
2020	–21849	–4612	–26461	82,57	17,43
2021	–30672	–4173	–34845	88,03	11,97

Источник: составлено и рассчитано по: Статистический ежегодник Саратовской области 2021 г.: Стат. сб. в 2 т., т. 1. Саратов, 2022. С. 45, 59.

Проблему малонаселенности усугубляет неуклонное сокращение численности населения. По данным Саратовстата, число жителей области на 1 января 2022 г. составляло 2361,0 тыс. человек, из них 1790,7 тыс. (75,8%) – горожане и 570,3 тыс. (24,2%) – сельские жители. За последние 10 лет население области сократилось на 142,3 тыс. человек, или 5,7%. А за весь период депопуляции (с 1996 г.) – на 375,5 тыс. человек, или 13,7%, в том числе городское население – на 10,9%, сельское – на 21,4%². Основная причина сокращения численности населения области – естественная убыль населения, которая усугубляется миграционным оттоком, доля которого в структуре убыли населения в среднем за допандемийный период (2017–2019) составляла 38,69%, а в 2020 г. резко снизилась (табл.). Это объясняется увеличением доли естественной убыли. За период 2017–2021 гг. абсолютные потери населения региона только из-за миграции составили 30977 человек, что сопоставимо с населением одного из муниципальных районов области, например Ершовского (32465 чел.).

Саратовская область за счет миграции не восполняет естественную убыль населения даже частично. С 2020 г. доля миграционной убыли населения области снизилась, но об устойчивости этой тенденции говорить преждевременно, так как на миграционные процессы оказывают влияние пандемийные ограничения и усиление внешнего санкционного давления.

Как видно из графика на рис. 1, в отличие от РФ в целом, для Саратовской области за анализируемый период коэффициент миграционного прироста отрицательный. Наибольшего значения этот коэффициент достиг в 2018 г. (–42 промилле), что почти в 2 раза превосходило аналогичный показатель по ПФО (–22 промилле). Саратовская область занимала 5 место среди 14 субъектов ПФО. В 2019 г. наметилась положительная тенденция и коэффициент миграционного прироста (убыли) с учетом численности населения начал снижаться, составив в 2021 г. минус 18 промилле, но стал самым большим среди регионов ПФО. При этом в целом по РФ и ПФО наблюдался миграционный прирост 29 и 10 промилле соответственно.

Снижение миграционной убыли в Саратовской области объясняется сокращением численности населения, находящегося в условиях депопуляции региона, а также ограничениями перемещений населения из-за пандемии. По оперативным данным за 2022 г.,

² Статистический ежегодник Саратовской области 2021 г.: Стат. сб. в 2 т., т. 1. Саратов, 2022. С. 11.

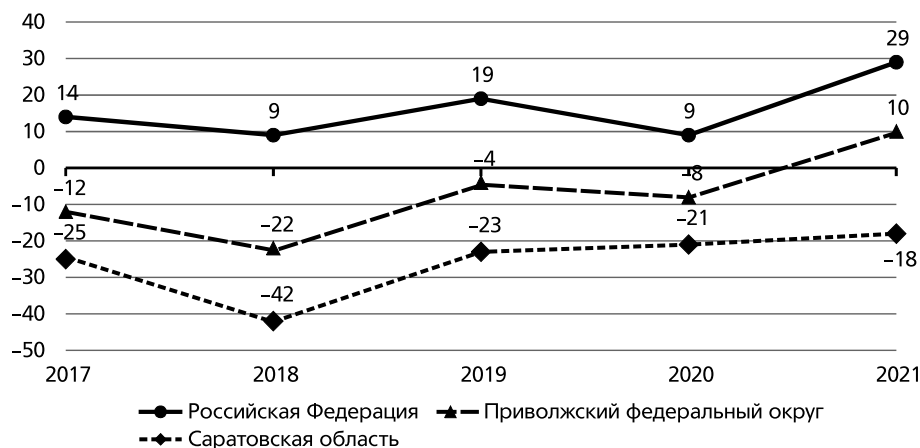

Рис. 1. Коэффициенты миграционного прироста/убыли населения в РФ, ПФО и Саратовской области на 10 000 чел. населения

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 2.19. С. 91–92; 2022. 2.19. С. 91–92.

коэффициент миграционной убыли вырос в два раза, составив 34 промилле³. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в перспективе решение демографической проблемы региона на основе увеличения миграционного прироста маловероятно.

Направления миграции населения в Саратовской области. Анализ показателей миграции по основным направлениям передвижения населения в Саратовской области показал преобладание внутриобластной и межрегиональной миграции, на них приходится более 80% всех передвижений.

Внутриобластная миграция не влияет на изменение численности населения области, хотя приводит к его перераспределению внутри региона между районами, городской и сельской местностью. Зоной миграционного тяготения в области выступает не региональный столичный центр, а город-спутник Саратова – Энгельс. Еще одной зоной стягивания населения становятся субцентры – территориально удалённые от регионально-го центра крупные города и поселки, притягивающие жителей муниципальных районов. Доля внутриобластной миграции имеет небольшую тенденцию к снижению как по прибывшим (с 50,9% в 2017 г. до 49,5% в 2021 г.), так и по выбывшим (с 46,6% в 2017 г. до 45,7% в 2021 г.)⁴. Это свидетельствует об исчерпании демографического потенциала сельских поселений. Обратим внимание, что сельская местность области испытывает более высокий уровень миграционного оттока населения. По результатам 2021 г. доля сельских жителей в миграционной убыли составила 88%. В расчете на 10 000 населения в миграционных потерях приходилось примерно 23 горожанина, тогда как сельских жителей – 63 (рис. 2). Это соответствует общероссийской тенденции сокращения численности сельского населения и стягивания населения к региональным столицам.

Анализ итогов миграции в разрезе муниципальных районов области показал, что наибольшие значения коэффициента миграционной убыли населения характерны для

³ Здесь и далее по тексту статистика миграции за 2022 г. приводится по: Оперативные итоги миграционного движения населения Саратовской области за январь – декабрь 2022 г. URL: https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/09_%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80_12%202022.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 2.20. С. 94; 2.21. С. 100; 2021. 2.20. С. 94; 2.21. С. 100.

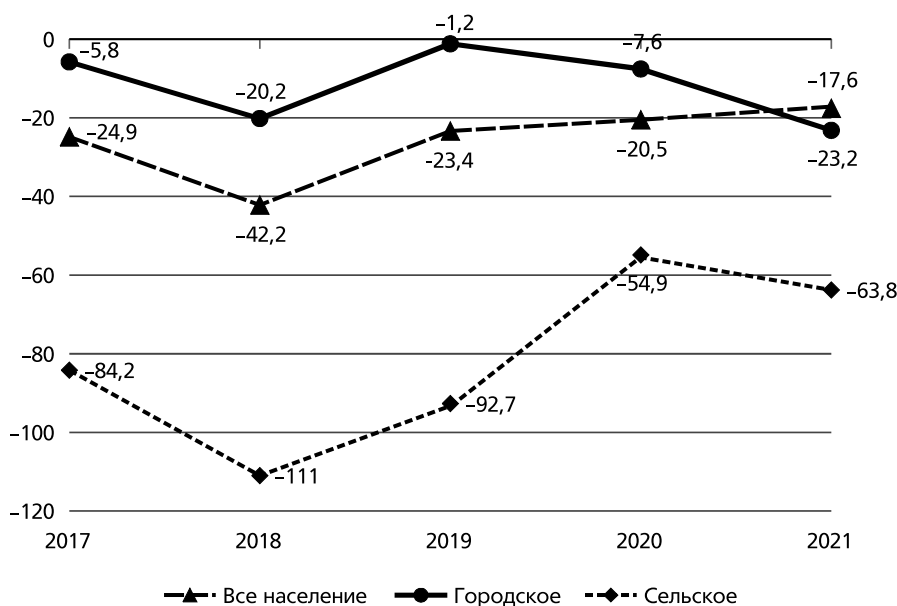

Рис. 2. Показатели миграционной убыли городского и сельского населения Саратовской области на 10 000 чел. населения

Источники: Статистический ежегодник Саратовской области 2020 г.: Стат. сб. в 2 т., т. 1. Саратов, 2021. 4. 14. С. 59, 60, 61; Саратовская область в цифрах – 2020. Краткий стат. сб. Саратов, 2021. С. 34.

приграничных преимущественно сельских муниципальных районов, таких как Озинский (–235), Перелюбский (–178), Дергачевский (–146), Новоузенский (–112), Александрово-Гайский (–100)⁵. Это и основные территории проживания казахов – второй по численности (после русских) этнической группы, доля которой составляет 3,1% в общей численности населения области. Наиболее значительно представительство казахов в Александрово-Гайском (52,3%), Питерском (24,3%), Новоузенском (23,6%), Озинском (18%) и Дергачевском (10,7%) районах. Казахи не идентифицируют себя как диаспора на территории области, так как относятся к коренному населению региона. Саратовские казахи представлены в местных органах власти, учебных заведениях, в финансовых и инвестиционных структурах⁶. Среди казахов преобладает сельское население (79%), их доля в сельском населении региона примерно в 10 раз выше, чем в городском. Казахи-горожане пополняются за счет казахов-студентов, оставшихся в области после завершения обучения в местных вузах, а также казахов-предпринимателей, открывающих свой бизнес.

Миграционный исход сельских жителей в города приводит к снижению численности сельского населения, ухудшению качественного состава человеческих ресурсов села, представляет угрозу безопасности, так как сопровождается расширением малонаселенных пространств, требующих нового освоения [Логинова, 2022: 243]. Особенно эта проблема характерна для приграничных районов области, теряющих население более высокими

⁵ Коэффициенты миграционного движения населения по муниципальным образованиям Саратовской области за 2021 год. URL: <https://srtv.gks.ru/dem?ysclid=la70spuuu7637541555> (дата обращения: 20.04.2023).

⁶ Саратовские казахи – «сами мы местные»! URL: <https://ia-centr.ru/experts/marina-lapenko/saratovskie-kazakhi-sami-my-mestnye/> (дата обращения: 20.04.2023).

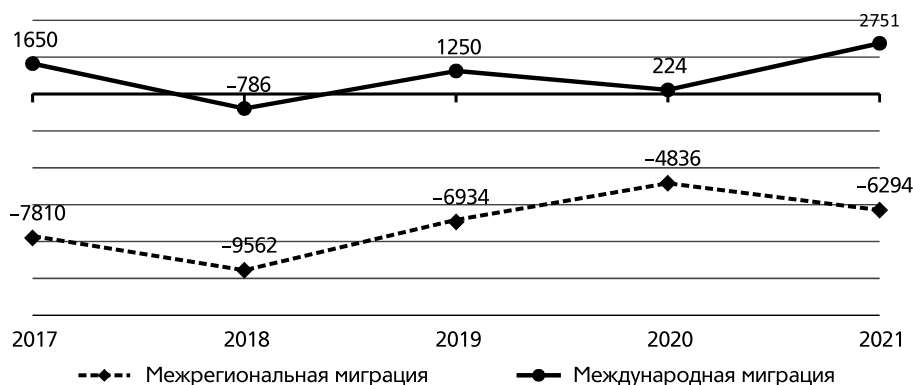

Рис. 3. Миграционный прирост, убыль (–) по межрегиональной и международной миграции населения в Саратовской области, человек

Источник: Статистический ежегодник Саратовской области. 2021 год. Статистический сборник в 2 т., т. 1. Саратов, 2022. П. 4.15. С. 63–65.

темпами. Это свидетельствует о том, что в регионе возможности приграничного соседства не реализуются, программы приграничного сотрудничества носят декларативный характер с ориентацией на советский опыт экономического взаимодействия [Карпенко и др., 2021]. Потенциал трансграничности не учитывается при разработке региональных программ поддержки малого предпринимательства по обе стороны границы. Сотрудничество в сфере малого бизнеса ограничивается не только наличием границы, но бюрократическими преградами взаимопроникновению на местные рынки [Дорошенко, 2020].

Остановимся на внешней для региона миграции – межрегиональной и международной (рис. 3).

Доля **межрегиональной миграции** колебалась в диапазоне 35–37 промилле по прибывшим и 43–45 промилле по выбывшим⁷. Анализ показателей межрегиональной миграции населения в области показывает уменьшение как числа прибывших, так и числа выбывших (кроме 2018 г.). Данная тенденция стала более заметной в ковидном 2020 г., когда число прибывших в регион сократилось на 13%, а выбывших – на 20% по сравнению со средним значением за 2017–2019 гг. Это свидетельствует о снижении мобильности населения, особенно по потоку выбытия в другие регионы, и в условиях пандемии способствовало росту безработицы в области. По данным Министерства труда и социальной защиты области, число официально зарегистрированных безработных на конец 2020 г. составило 35,7 тыс. человек, что в 3,5 раза превысило показатель 2019 г. (10,1 тыс.)⁸.

Показатели итогов межрегионального миграционного обмена области свидетельствуют о постоянной миграционной убыли населения на протяжении рассматриваемого периода. В 2020 г. убыль (–4836 чел.) стала в 1,4 раза меньше аналогичного показателя 2019 г. (–6934 чел.) и в 1,6 раза меньше, чем в 2017 г. (–7810 чел.). В 2021 г. миграционная убыль в межрегиональном обмене снова увеличилась, составив 6294 человека, что в 1,4 раза больше предыдущего года. По оперативным данным за 2022 г., миграционная убыль по межрегиональному потоку незначительно уменьшилась, составив 5915 человек. Таким образом, область остаётся миграционным донором для других регионов страны.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 2.20. С. 96; 2.21. С. 102; 2021. 2.20. С. 96; 2.21. С. 102.

⁸ Статистический ежегодник Саратовской области 2020 г.: Стат. сб. в 2 т., т. 1. Саратов, 2021. С. 20.

Доля **международной миграции** составляла 13,3–15,4 промилле по прибывшим и 9,9–9,2 промилле по выбывшим⁹. В международном миграционном обмене за анализируемый период, кроме 2018 г., наблюдается прирост, суммарно за пять лет составивший 5089 человек, что частично (на 14%) компенсирует миграционные потери области в межрегиональном обмене. В 2021 г. миграционный прирост по международной миграции показал рекордные значения (2751 чел.), увеличившись в 12 раз по сравнению с пандемийным 2020 г. (224 чел.) и в 1,7 раза по сравнению с 2017 г. (1650 чел.), что можно объяснить снятием ковидных ограничений. Но, по оперативным данным за 2022 г., и в миграционном обмене с зарубежными странами отмечена убыль (–2178 чел.).

В международной миграции наибольшая доля приходится на страны СНГ, с которыми у России действует соглашение об упрощенном режиме пребывания граждан. В среднем за период 2017–2019 гг. наибольший миграционный прирост наблюдался в миграционном обмене с Таджикистаном (505 чел.), Казахстаном (178 чел.) и Азербайджаном (85 чел.). За этот период миграционная убыль для Саратовской области фиксировалась в миграционном обмене с тремя странами: Украиной (–138 чел.), Узбекистаном (–128 чел.), Молдавией (–63 чел.)¹⁰.

В 2020 г. наибольший миграционный прирост наблюдался в миграционном обмене с Таджикистаном (1044 чел.), в 2 раза превысивший среднее значение за 2017–2019 гг. (505 чел.). Миграционная убыль была зафиксирована с шестью странами: Казахстаном (–405 чел.), Украиной (–189 чел.), Арменией (–147 чел.), Туркменией (–52 чел.), Молдавией (–33 чел.) и Беларусью (–6 чел.). Заметим, что в миграционном обмене с Украиной, Молдавией и Узбекистаном миграционная убыль для области фиксируется несколько лет подряд, что свидетельствует о неблагоприятной динамике. Впервые в 2020 г. зафиксирована миграционная убыль в миграционном обмене с Казахстаном, Туркменией и Беларусью.

В 2021 г. со всеми странами СНГ наблюдался миграционный прирост. В пятёрку лидеров стран СНГ, в миграционном обмене с которыми фиксировался прирост населения области, вошли: Таджикистан, доля граждан которого составила 24% (634 чел.), Казахстан – 19,1% (516 чел.), Азербайджан – 14% (375 чел.), Армения – 13% (350 чел.) и Киргизия – 11,7% (316 чел.). Наименьший удельный вес миграционного прироста населения в области пришелся на граждан Беларуси –1,6% (43 чел.), Украины – 1% (26 чел.) и Молдавии – 0,8% (22 чел.). Миграционный прирост в обмене с Узбекистаном в 2021 г. вернулся к значениям 2017 г. А по оперативным результатам за 2022 г. миграционный прирост наблюдался только в международном обмене с Киргизией (+37 чел.).

В целом, среди стран СНГ, в миграционном обмене с которыми наблюдается прирост, наиболее высокая доля приходится на государства с мусульманским населением. Так, в 2021 г., за вычетом Армении, Белоруссии, Молдавии и Украины, миграционный прирост составил 2254 человека, т.е. 83,6% от всего миграционного прироста (2695) – это представители мусульманского мира СНГ. На территории области проживает более 160 национальностей, имеются представители узбекской, таджикской, азербайджанской и др. национальных диаспор (общин), в результате сложилось более терпимое отношение к представителям других наций, а расслоение на граждан России и мигрантов не так очевидно, как в других регионах.

Особо обратим внимание на итоги миграционного обмена с Республикой Казахстан, доля которой в общем миграционном приросте в 2017 г. составляла 30,6%, в 2019 г. – только 0,5%, а в 2021 г. увеличилась до 19,1%. Но, по оперативным данным за 2022 г., наибольшая миграционная убыль пришла на Казахстан (–541 чел.), т.е. четверть от общей миграционной убыли по международной миграции (2178 чел.). При стабилизации

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 2.20. С. 98; 2.21. С. 104; 2021. 2.20. С. 98; 2.21. С. 104.

¹⁰ Статистический ежегодник Саратовской области. 2021 год. Статистический сборник в 2 т., т. 1. Саратов, 2022. П. 4.15. С. 63–65.

внешнеполитической ситуации эмиграция из Казахстана в Саратовскую область может вновь увеличиться. Этому способствуют территориальная близость, отсутствие языкового барьера, традиционное длительное совместное проживание, наличие тесных трансграничных семейных связей.

Саратовская область является скорее транзитной для трансграничных миграций. Значительная часть мигрантов из стран Средней Азии используют территорию области как «перевалочную базу» для дальнейшего продвижения в глубь страны. По данным областной Прокуратуры, в 2021 г. из 2 тыс. обратившихся с заявлением о выдаче квоты иностранных граждан 835 (42%) уже имели разрешение на работу в других субъектах РФ – Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области. Всего за 2018–2020 гг. после получения вида на жительство покинули область и были зарегистрированы в других субъектах РФ 1 146 иностранных граждан. Фактически иностранные граждане ориентированы лишь на временное пребывание в области с целью получения правового статуса¹¹.

Миграционные процессы отрицательно влияют на криминогенную обстановку в регионе. По данным Прокуратуры области, число совершенных иностранными гражданами преступлений растет. Только за 9 месяцев 2022 г. в регионе иностранными мигрантами совершено 493 преступления, что на 141,7% выше, чем в 2021 г. (204). Чаще всего мигранты совершают кражи, преступления в сфере компьютерной информации, занимаются торговлей наркотиками, причиняют вред здоровью средней тяжести¹². В области приняты меры по снижению числа квот на привлечение иностранных рабочих с 3,5 тыс. человек в 2019 г. до 700 человек в 2021 г.¹³ Но миграционные ограничения перенаправили миграцию в несанкционированные каналы, способствовали криминализации посреднических услуг. По данным регионального ГУ МВД, в области участились случаи преступлений, связанных с организацией незаконной миграции: фиктивные браки с жителями области, «резиновые квартиры», фиктивные справки о беременности для ускорения процесса регистрации¹⁴, торговля разрешениями на временное проживание и патентами на работу¹⁵. Таким образом, существующая система квот неэффективна, при их формировании экономическое состояние региона и его муниципальных районов учитывается недостаточно. В реализации региональной политики в отношении прибывающих мигрантов актуален поиск оптимального соотношения между стратегическими приоритетами социально-экономического развития региона и текущими задачами миграционной политики.

Демографические и социальные характеристики миграции населения. Проведем анализ структуры миграции *по полу*: в структуре как выбывших, так и прибывших мигрантов преобладают женщины. За 2017–2021 гг. суммарные миграционные потери женского населения (–19 428) превосходили аналогичный показатель мужского населения (–11 576) в 1,7 раза. В пандемийном 2020 г. доля женщин в миграционном оттоке увеличилась, составив 62,4%, а в 2021 г. снизилась до рекордно низкого значения в 35,7%. В среднем за 2017–2021 гг. в структуре миграционной убыли доля женщин остается выше, чем мужчин,

¹¹ Прокуратура области проинформировала губернатора о реализации миграционной политики на территории региона. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=58097246 (дата обращения: 22.06.2023).

¹² Прокуратура области провела анализ сведений о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=77369148 (дата обращения: 19.06.2023).

¹³ Саратовская область резко сократила квоты на привлечение мигрантов. URL: https://news.rambler.ru/sociology/45658267/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁴ В Саратовской области мигрантам давали гражданство за фиктивные браки с маргиналами. URL: <https://mvd.rf/news/item/33094402?ysclid=lf2i38m7t6210513853> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁵ Прокуратура: сотрудник НКО и полицейские продавали мигрантам бесплатные патенты на работу. URL: <https://om-saratov.ru/criminal/14-june-2022-i113474-prokuratura-sotrudnik-nko-i-p> (дата обращения: 20.04.2023).

составив 62,7%¹⁶, тогда как в структуре населения области на долю женщин приходится 54%¹⁷. Таким образом, женщины демонстрируют более высокий уровень миграционной подвижности по сравнению с мужчинами.

В настоящее время феминизация миграции, охватывая все формы миграции (трудо-вую, образовательную, семейную), расценивается феноменом нового тысячелетия [Рязанцев и др., 2019]. Опросы эмигрировавших женщин из стран СНГ показывают, что для подавляющего большинства из них (91%) трудовая миграция становится стратегией выживания, способом достижения более высокого уровня жизни, улучшения жилищных условий, получения хорошего образования детьми [Рычихина, 2020: 48]. Подобные мотивы характерны и для внутренней миграции женщин из периферийных российских регионов в регионы с более высоким уровнем качества жизни. Саратовская область относится к регионам со средней интенсивностью женской эмиграции (от 31 до 100 женщин-эмигранток на 100 000 женщин в регионе), где низкий уровень благосостояния семей является главным фактором, подталкивающим к миграции [Сивоплясова, 2017: 60]. Таким образом, женское население Саратовской области активно участвует в миграционных процессах в поисках, прежде всего, более выгодных условий труда в других регионах и за рубежом. Отток трудоспособных женщин, женщин репродуктивного возраста усугубляет проблему низкой рождаемости, так как приводит не только к «прямому» сокращению численности населения области, но и к «косвенному» в виде не рождённых на территории региона детей.

Возрастную структуру миграции населения в Саратовской области за 2017–2021 гг. характеризует миграционная убыль по всем укрупнённым возрастным группам: трудоспособного возраста, младше трудоспособного и старше трудоспособного (рис. 4).

Миграция в Саратовской области, как и в других регионах страны, имеет выраженные возрастные особенности, но с более высокой интенсивностью в группе населения

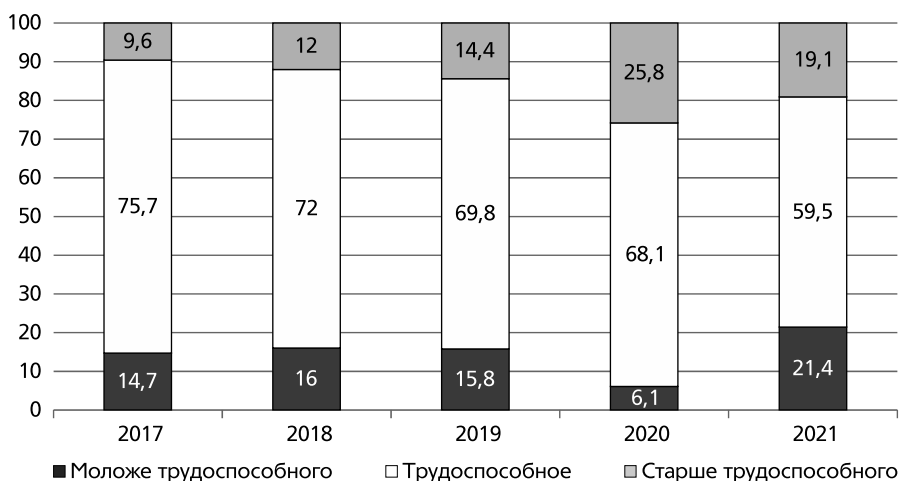

Рис. 4. Показатели миграционной убыли населения Саратовской области по возрастным группам в 2017–2021 гг., % от миграционной убыли

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюллетень. М., 2018. 2.11; 2019. 2.11; 2020. 2.11; 2021. 2.11.

¹⁶ Рассчитано по: Миграция населения Саратовской области. 13.07.2022. Распределение мигрантов по полу и возрасту. URL: <https://srtv.gks.ru/dem?ysclid=la70spuuu7637541555> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁷ Возрастно-половой состав населения Саратовской области. URL: <https://srtv.gks.ru/dem?ysclid=lf2kasach587329639> (дата обращения: 20.04.2023).

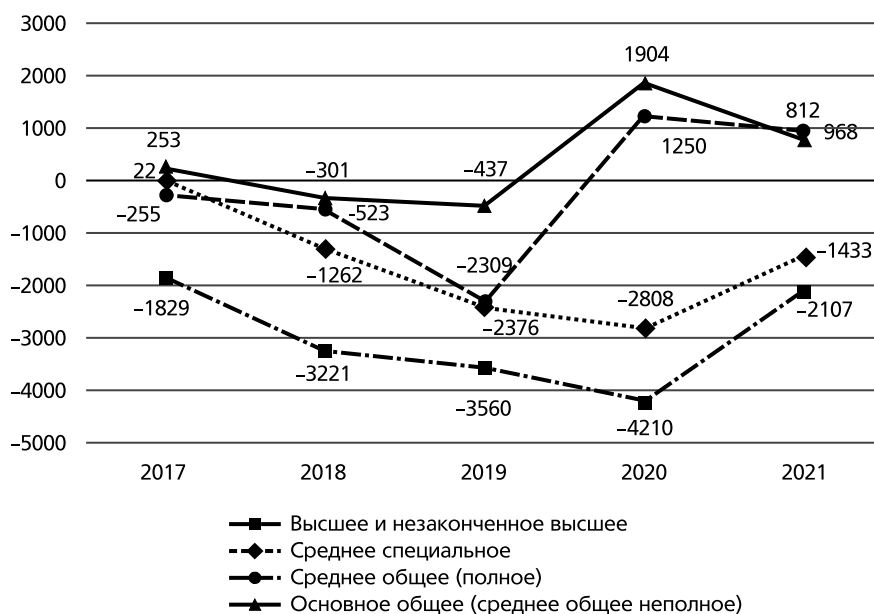

Рис. 5. Общий миграционный прирост (убыль) населения Саратовской области за 2017–2021 гг. по уровню образования, чел.

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюллетень. М., 2018. 2.15; 2019. 2.15; 2020. 2.15; 2021. 2.15.

трудоспособного возраста. Доля этой группы в структуре населения области составляет примерно 55%¹⁸, тогда как доля в миграционной убыли – 76–60%. В пандемийном 2020 г. миграционная убыль населения области сократилась по двум возрастным группам: среди лиц моложе трудоспособного возраста и в группе трудоспособного возраста. Соответственно, снизилась и их доля в миграционном оттоке. Доля лиц старше трудоспособного возраста в миграционной убыли, напротив, резко возросла, составив 25,8%.

В 2021 г. в миграционном оттоке увеличилась доля лиц младше трудоспособного возраста с 15,6 до 21,4%, что в 1,4 раза выше по сравнению со средним значением за допандемийный период, и доля лиц старше трудоспособного возраста – с 11,9 до 19,1% соответственно. А удельный вес лиц трудоспособного возраста, напротив, уменьшился (с 72,4 до 59,5%)¹⁹. Следовательно, Саратовская область малопривлекательна для построения потенциальных социальных и профессиональных траекторий молодежи, устремления которой связаны с желанием покинуть регион. Отсутствие самореализационных перспектив в Саратовской области – ключевой выталкивающий элемент в поле межрегиональной мобильности молодежи.

Анализ миграционного прироста (убыли) **по уровню образования** показывает неблагоприятную динамику, сказывающуюся на качестве трудовых ресурсов региона (рис. 5).

Саратовская область является регионом оттока высококвалифицированных специалистов и ученых. За период наблюдения ежегодно фиксировалась миграционная убыль граждан как с высшим образованием, неполным высшим, так и со средним специальным образованием. В последние два года имеется общий миграционный прирост по группе

¹⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 54.

¹⁹ Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюллетени. М., 2018. 2.11; 2019. 2.11; 2020. 2.11; 2021. 2.11.

граждан со средним общим и с основным общим образованием. Всего за 2017–2021 гг. область из-за миграции потеряла 27 докторов наук и 62 кандидата наук. Налицо «утечка умов» из региона, потеря его интеллектуальных ресурсов. Одна из причин – желание людей реализоваться в качестве специалистов, получая за это более высокие зарплаты, чем предлагаемые в регионе исхода.

В области наблюдается миграционный приток групп граждан, не обладающих не только высшим, но и средним специальным образованием, что позволяет компенсировать недостаток в неквалифицированной рабочей силе в дорожном строительстве, на транспорте. Большинство вакансий местного рынка труда (около 60%) предназначены для граждан, имеющих рабочие профессии.

Саратовская область по основным параметрам уровня и качества жизни существенно отстает от центральных районов страны, что выступает сдерживающим для региона фактором сохранения местного населения и закрепления на его территории мигрантов.

Выводы. Саратовская область выступает одним из сложных приграничных регионов и в плане обеспечения демографической безопасности, так как численность ее населения неуклонно сокращается, в том числе и из-за миграции. В области преобладают внутрирегиональные и межрегиональные передвижения. Наибольшие значения коэффициента миграционной убыли населения фиксируются в приграничных с Казахстаном районах области. В межрегиональной миграции область остаётся миграционным донором, тогда как в международном миграционном обмене наблюдался миграционный прирост. Наибольшая доля в международной миграции приходится на страны СНГ (Таджикистан, Казахстан, Азербайджан, Армения и Киргизия), граждане которых рассматривают область как транзитную территорию. Сдерживающий эффект ограничительной миграционной политики частично нейтрализуется переориентацией участников миграционного процесса на незаконные действия.

Негативный для области тренд – утечка высококвалифицированных кадров. «Негативный отбор» населения снижает качество трудовых ресурсов и населения в целом. Вместе с тем приток групп граждан без высшего и среднего специального образования компенсирует нехватку неквалифицированной рабочей силы на региональном рынке труда.

Расширение малонаселенных пространств на приграничной геостратегической территории страны является угрозой национальной безопасности. Создание благоприятных условий для аграрного бизнеса в слабо развитых отдаленных муниципальных районах на границе с Казахстаном, теряющих население более высокими темпами, может стать сдерживающим фактором для миграционного оттока, будет способствовать увеличению численности сельского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бийжанова Э.К. Социальная политика региональной власти: развитие социокультурного потенциала приграничья // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 3–9.
- Дорошенко С.В. Компаративный анализ малого предпринимательства в приграничных регионах России и Казахстана // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 712–724. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-3.
- Карпенко М.С., Колосов В.А., Себенцов А.Б. Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5(68). С. 25–40. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_5_25.
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 87–97.
- Колосов В.А., Вендина О.И., Зотова М.В. и др. Российское пограничье: вызовы соседства / Под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.И., 2018.
- Красинец Е.С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 104–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.9.

- Логинова Л.В. Миграция сельского населения в современных условиях: состояние, особенности и последствия // *Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы*. Саратов: ЦАИ СГАУ, 2022. С. 239–245.
- Олейник С.А. Особенности государственной политики интеграции иммигрантов в приграничных регионах // *Власть*. 2021. Т. 29. № 3. С. 71–76. DOI: 10.31171/vlast.v29i3.8142.
- Пипия Л.К., Чистякова В.Е. Проблема «утечки умов» на фоне миграционных процессов в России // *Инновации*. 2020. № 8 (262). С. 18–19. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.262.8.003.
- Попкова Л.И. Теория и практика приграничных исследований // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2019. Т. 5 (15). Вып. 1. С. 243–249.
- Реутов Е.В. Отток населения как угроза российской провинции // *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020. № 3–1. С. 809–812.
- Рычихина Н.С. Современные тенденции женской международной трудовой миграции // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 1. С. 45–54. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.4.
- Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // *Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право*. 2020. № 3. С. 45–58. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-04.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Перемышлин С.Н. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 53–65. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5.
- Сиволюсова С.Ю. Региональные различия женской эмиграции из приграничных территорий России // *Региональные проблемы*. 2017. Т. 20. № 3. С. 58–62.
- Яськова Т.И. Межстоличное положение как вызов социально-экономическому развитию российско-белорусского приграничья // *Региональные исследования*. 2021. № 2. С. 74–85. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-2-7. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-2-7.
- Chudinovskikh O., Kharaeva O. Migration policy towards skilled labor in the Russian Federation // *BRICS Journal of Economics*, 2020. No. 1(2). С. 80–102. DOI: 10.38050/2712-7508-2020-11.

Статья поступила: 24.04.23. Финальная версия: 26.06.23. Принята к публикации: 14.08.23.

MIGRATION OF THE POPULATION IN THE BORDER REGION: STATUS AND TRENDS (THE CASE OF THE SARATOV REGION)

LOGINOVA L.V.*, SHCHEBLANOVA V.V.*

**Saratov State Law Academy, Russia*

Larisa V. LOGINOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (lloginova66@mail.ru); Veronika V. SHCHEBLANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (vsheblanova@mail.ru). Both – Chair of philosophy, Saratov State Law Academy Saratov, Russia.

Abstract. The relevance of the study is due to the destabilizing influence of modern migration processes on regional development, primarily the Russian borderlands with depopulation of the population. This is manifested in the growth of spatial heterogeneity, the deepening of territorial imbalances, the expansion of sparsely populated spaces that threaten the unity of the country in economic, political and social aspects. The purpose of the article is to assess the migration situation in a border region with a decreasing population on the example of the Saratov region, to identify the main trends and potential threats. The border situation is one of the potential factors stimulating migration. However, migration outflow is observed in the Saratov region. In the interregional migration turnover, the region acts as a donor, losing in competition to other regions for human capital. The human losses of the region due to interregional migration were partially compensated by the influx of international migrants accompanied by an increasing crime rate in the migration field and among migrants. The analysis made it possible to reveal a tendency to increase the negative impact of migration processes on the development of the Saratov region expressed in reducing human capital, increasing burden on labor resources, expanding of sparsely populated border areas, and growing illegal migration. This requires taking a set of measures to retain and attract human capital in the border municipalities of the region, optimizing migration flows and migration regime.

Keywords: migration, border area, international migration, interregional migration, intraregional migration, illegal migration, migration policy.

REFERENCES

- Biyyzhanova E.K. (2018) Social policy of Regional Authorities: Development of the Socio-Cultural Potential of the Border Area. *Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. No. 4 (70): 3–9. (In Russ.)
- Chudinovskikh O., Kharaeva O. (2020) Migration policy towards skilled labor in the Russian Federation. *BRICS Journal of Economics*. No. 1(2): 80–102. DOI: 10.38050/2712-7508-2020-11.
- Doroshenko S.V. (2020) Comparative Analysis of Small Business in the Border Regions of Russia and Kazakhstan. *Ekonomika regiona* [Economy of regions]. No. 16(3): 712–724. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-3. (In Russ.)
- Karpenko M.S., Kolosov V.A., Sebentsov A.B. (2021) Transformation of the Russian-Kazakh borderland-zone in the post-Soviet period: institutional and economic dimensions. *Problemy nacionalnoy strategii* [Problems of the national strategy]. No. 5(68): 25–40. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_5_25. (In Russ.)
- Kartseva M.A., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Y.F. (2020) Migration in Russia and regional socioeconomic development: cross-impact analysis. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. No. 31(4): 421–429. (In Russ.)
- Kolosov V.A., Vendina O.I., Zotova M.V. et al. (2018) *Russian Borderlands: Challenges of Neighborhood*. Ed. by V.A. Kolosov. Moscow: Matushkina I.I. (In Russ.)
- Krasinets E.S. (2022) International labor migration in the development of modern Russia. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 25. No. 2: 104–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.9. (In Russ.)
- Loginova L.V. (2022). Migration of rural population in modern conditions: condition, features and consequences. In: *Agricultural science and Education: problems and prospects*. Saratov: TsSAI SGAU: 239–245. (In Russ.)
- Oleinik S.A. (2021) Features of the state policy of integration of immigrants in the border regions. *Vlast* [Power]. No. 29(3): 71–76. DOI: 10.31171/vlast.v29i3.8142. (In Russ.)
- Pipia L.K., Chistyakova V.E. (2020) Brain drain and migration trends in Russia. *Innovacii* [Innovations]. No. 8(262): 18–19. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.262.8.003. (In Russ.)
- Popkova L.I. (2019) Theory and Practice of Cross-Border Research. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions]. No. 5 (15). Iss. 1: 243–249. (In Russ.)
- Reutov E.V. (2020) Population outflow as a threat to the Russian province. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. No. 3–1: 809–812. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Peremyshlin S.N. (2019) Gender aspects of Labor Migration in Russia: trends, implications, regulation. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 4: 53–65. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V., Vazirov Z.K., Garibova F.M. (2020) "Stranded on the borders" between Russia and the Homeland: migrants from Central Asian countries during the COVID-19 pandemic. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1. Ekonomika i pravo* [Scientific review. Ser. 1. Economics and law]. No. 3: 45–58. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-04. (In Russ.)
- Rychikhina N.S. (2020) Modern trends of women's international labor migration. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 1: 45–54. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.4. (In Russ.)
- Sivoplyasova S.Y. (2017) Regional differences of women's migration from the border areas of Russia. *Regionalnye problemy* [Regional problems]. No. 20(3): 58–62. (In Russ.)
- Yaskova T.I. (2021) Location between capitals as a challenge for Russian-Belarusian borderlands socio-economic development. *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies]. No. 2: 74–85. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-2-7. (In Russ.)

Received: 24.04.23. Final version: 26.06.23. Accepted: 14.08.23.

Ю.Г. БЮРАЕВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

БЮРАЕВА Юлия Григорьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ, Россия (julbur@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена оценке демографического потенциала Республики Бурятия в период 1990–2022 гг. Анализируется динамика численности населения, а также рождаемости и смертности в контексте общероссийских трендов и по сравнению с ситуацией по Дальневосточному федеральному округу. Показано, что в Республике Бурятия сохраняются относительные преимущества демографического развития – более высокая рождаемость, многодетность, высокая доля молодежи на фоне более низкой смертности. Негативной тенденцией является интенсивное снижение уровня рождаемости в республике, факторы которого анализируются в статье. В заключении делается вывод об устойчивом и длительном процессе депопуляции в Республике Бурятия.

Ключевые слова: демографический потенциал • рождаемость • смертность • депопуляция • Республика Бурятия

DOI: 10.31857/S013216250028305-8

Введение. Обеспечение народосбережения, защита материнства и детства, поддержка семей с детьми входят в число ключевых задач стратегического развития страны¹. Несмотря на меры, предпринимаемые государством, демографические проблемы продолжают нарастать. Происходит снижение рождаемости, нивелирующее положительные результаты устранения последствий пандемии COVID-19 в виде снижения смертности. Особо остро данные вопросы стоят для регионов Дальнего Востока, характеризующихся перманентной депопуляцией. Заселенность приграничных территорий, помимо социально-экономического, имеет важнейшее геополитическое значение. Ситуация усугубляется тем, что и в национально-территориальных субъектах РФ с традиционно более высокой рождаемостью также наблюдается снижение ее уровня. Поэтому актуальным представляется анализ динамики численности населения таких регионов и причин снижения его воспроизводства. В этом отношении Республика Бурятия (РБ) является уникальным объектом, будучи одновременно приграничным дальневосточным регионом и одним из десяти регионов РФ с самым высоким уровнем рождаемости.

Цель статьи – анализ демографического потенциала РБ в 1990–2022 гг. и факторов его снижения в настоящее время. Эмпирическая база – данные Росстата² и Бурятстата³, итоги Всероссийских переписей населения (ВПН) 2010 и 2020 гг., материалы прикладных

Статья подготовлена в рамках госзадания БНЦ СО РАН (0269-2021-0001), № 121030500092-7.

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (утв. Президентом РФ 26 января 2023 г. № Пр-144). URL: <https://base.garant.ru/406248965/> (дата обращения: 04.07.2023).

² Официальные статистические показатели. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicat?ysclid=ljr7qc7uc4326510996> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Население. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/people?ysclid=ljr8fkv781664219535> (дата обращения: 20.04.2023).

исследований Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН⁴, Республиканского перинатального центра⁵.

Динамика численности населения. Тренд устойчивого роста численности населения РБ с началом реформ 1990-х гг. кардинально изменился. Достигнув исторически максимального значения в 1991 г., число жителей стало снижаться. В целом, с 1990 по 2022 г. население республики уменьшилось на 6,8%, что выше темпа сокращения по РФ (1,3%) в 5,2 раза. Демографическая ситуация по Дальневосточному федеральному округу (ДФО), в состав которого РБ входит с 2018 г., гораздо острее. Здесь население уменьшилось на максимальные 23,3%⁶. На начало 2023 г. население Бурятии составило 975,2 тыс. человек.

Период депопуляции в РБ, начавшийся в 1992 г. с превышения миграционной убыли над естественным приростом, продлился 16 лет. В 2007 г. численность населения снизилась до минимума пореформенного периода – 964,9 тыс. чел. Население республики сокращалось в среднем на 0,5% в год, в том числе в период с 1993 по 2005 г. – в результате естественной убыли. Более благоприятным образом аналогичные процессы происходили в РФ, где население сокращалось в среднем на 0,2% в год. В ДФО на протяжении последних трех десятилетий происходит перманентное сокращение населения в среднем на 1,3% в год (рис. 1).

С 2008 по 2020 г. численность жителей РБ ежегодно незначительно росла (+0,16%) в результате естественного прироста. Высокие показатели смертности 2021 г. в период пандемии COVID-19 привели к сокращению населения. В 2022 г. процесс депопуляции населения усилился, в т.ч. в результате роста отрицательного сальдо миграции. Следует отметить, что наибольшее влияние на депопуляцию РБ, как и ДФО, оказывает миграционный отток, тогда как в РФ миграция, напротив, является источником восполнения

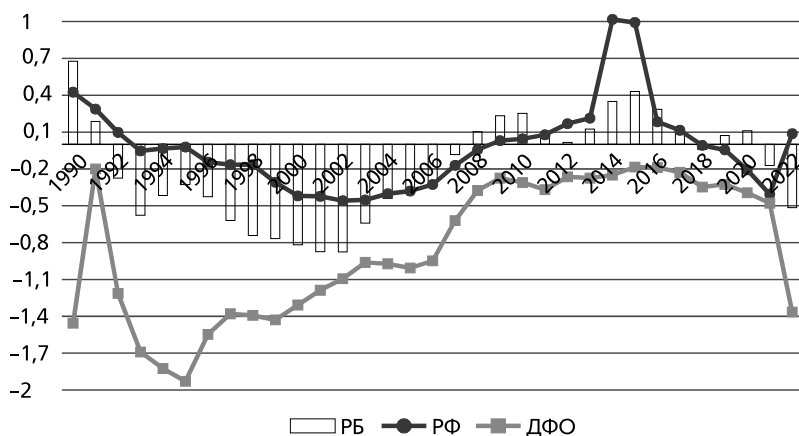

Рис. 1. Ежегодный темп прироста населения РБ, ДФО и РФ, %

Источник: составлено по: Численность постоянного населения в среднем за год. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 31.01.2023).

⁴ Опрос проведен в 2018 г. с целью выявления репродуктивных установок среди женщин бурятской национальности в возрасте 20–50 лет ($N = 300$) в 15 населенных пунктах Иволгинского района РБ, выбор которого обусловлен проживанием значительного числа мигрантов со всей республики.

⁵ Опрос проведен в 2016 г. для выявления частоты бесплодия в браке среди женщин репродуктивного возраста ($N = 2038$), отобранных методом случайной выборки из числа прикрепленных к женской консультации (в городской среде) и методом сплошной выборки (в сельской).

⁶ Рассчитано с учетом РБ и Забайкальского края в 1990–2017 гг.

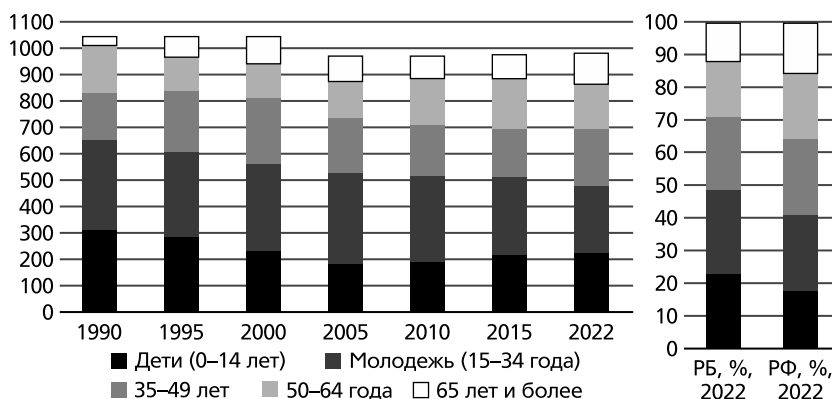

Рис. 2. Динамика населения РБ по возрастным группам, тыс. чел. и сравнительная структура населения РБ и РФ в 2022 г., %

Источник: составлено по: Статистические ежегодники. URL: https://burstat.gks.ru/demo_digest; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.03.2023).

демографических потерь. Миграция населения в исследуемый период имела строго отрицательный тренд за исключением трех лет, когда наблюдался незначительный миграционный прирост. С начала 1990-х гг. в результате миграционных перемещений РБ потеряла 91,4 тыс. человек. В последние годы ежегодная миграционная убыль составляет два человека из каждой тысячи населения [Бюраева, 2022].

Вместе с тем по РФ с 2009 по 2017 г. наблюдался более интенсивный рост численности населения (+0,3% в среднем в год) с последующим ежегодным снижением начиная с 2018 г. (–0,2% в среднем в год). В 2022 г. отмечена относительная стабилизация положения на фоне незначительного увеличения числа населения (+0,1%). Демографическая ситуация в ДФО характеризуется нарастанием убыли населения также с 2018 г., после длительного периода замедления темпов депопуляции (рис. 1). В РБ новая волна сокращения населения началась позднее и протекала менее интенсивно по сравнению с ДФО и РФ.

Убыль населения РБ происходила главным образом за счет детей (0–14 лет) и молодежи (15–34 года) на фоне роста численности старших возрастных когорт (рис. 2). Менее выражены аналогичные тенденции наблюдались на уровне страны в целом. Число детей с 1990 по 2022 г. снизилось на 27,7% (–24,1% в РФ), молодежи – на 25,5% (–23,6% в РФ), а численность населения старшего возраста выросла, что особенно заметно в отношении лиц пенсионного возраста (+75,3%). Возрастная когорта 35–49 лет увеличилась на 20,1%, а предпенсионного возраста (50–64 года) – на 15,7%. Ситуация на уровне РФ более сглажена, рост составил 60,2, 22,1 и 6,7% соответственно.

Изменения возрастной структуры негативно влияют на демографический потенциал РБ. В 1990 г. дети и молодежь составляли две трети населения, однако к настоящему моменту их доля постепенно снизилась до половины. Соответственно, индекс старения населения увеличился в 1,9 раза (с 42,6 до 82,6), что лучше среднероссийского показателя за счет традиционно более высокой доли детей в структуре населения. В то же время его рост на уровне РФ менее интенсивен – в 1,7 раза (с 79,9 до 135,6). Старение населения, в свою очередь, чревато снижением рождаемости, ростом смертности и заболеваемости, что увеличивает риски для региональной системы здравоохранения, которая и так испытывает проблемы.

Рождаемость и смертность. Уровень рождаемости в РБ непрерывно снижался с 1990 по 1997 г., в котором зафиксирован минимум пореформенного периода – 11,3‰. Затем в результате улучшения социально-экономических условий, связи со структурными факторами, а с 2007 г. – благодаря реализации программы материнского

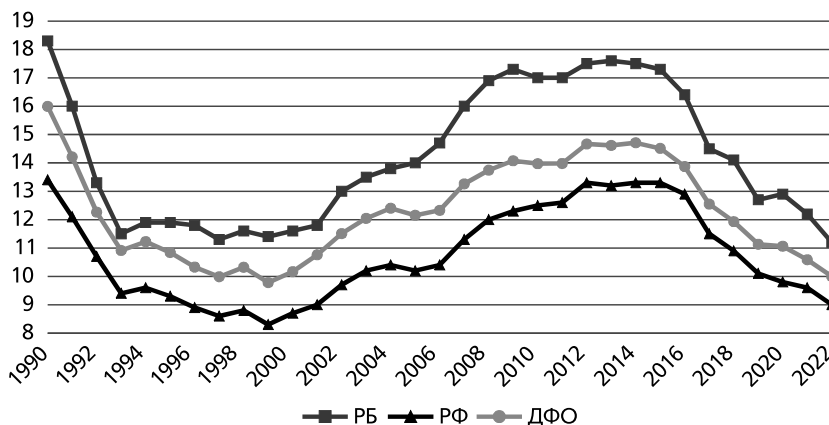

Рис. 3. Уровень рождаемости в РБ, ДФО и РФ, %

Источник: составлено по: Число родившихся (без мертворожденных) за год. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 03.03.2023).

капитала – наблюдался рост уровня рождаемости, достигший пика в 2013 г. – 17,6%. После чего началось незначительное, а затем более интенсивное его снижение, приведшее в 2022 г. к историческому минимуму уровня рождаемости – 11,2% (рис. 3). Более низкие показатели были зафиксированы лишь в военные 1943–1945 гг.

Аналогичные тенденции рождаемости наблюдаются в целом по стране. Но в последние годы уровень рождаемости в регионе снижается интенсивнее, чем в РФ и ДФО, показатели которых не опустились ниже значений 1990-х гг. С 2017 г. население РБ перестало воспроизводить себя, а к 2022 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился до 1,68 (1,42 в РФ и 1,56 в ДФО)⁷. В целом уровень рождаемости с 1990 по 2022 г. уменьшился на 38,8% (32,8% в РФ и 37,5% в ДФО).

В то же время РБ традиционно отличается более высокой рождаемостью. Положительное влияние на ее потенциал оказывает национальный состав, возрастная и территориальная структура расселения. Национальные традиции в отношении семьи и детей, несмотря на значительные трансформации под воздействием глобализационных процессов, продолжают влиять на репродуктивные установки [Рандалов и др., 2009: 58]. Буряты, преимущественно проживающие в сельской местности, стремятся придерживаться традиции многодетности. Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей в РБ составляет 0,62, что значительно выше общероссийских и дальневосточных значений (0,36 и 0,45 соответственно). В районах с большим числом коренных жителей уровень рождаемости выше (более 15%), чем в районах с преимущественно русским населением (10–11%)⁸. По данным исследования нормы детности бурятского населения, ожидаемое число детей пока остается высоким, но среди молодых когорт наметилась тенденция снижения. В среднем ожидаемое число детей составляет 2,9, а у молодых когорт до 25 лет – 2,3 [Лыгденова, Дашинамжилов, 2019].

Суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности превышает аналогичный городской показатель в 1,6 раза, а доля сельского населения РБ достаточно высока – 41% (13 место среди регионов РФ)⁹. Кроме того, вхождение Бурятии в ДФО позволило на

⁷ Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/55407> (дата обращения: 24.04.2023).

⁸ Статистический ежегодник 2022. URL: https://burstat.gks.ru/demo_digest (дата обращения: 06.03.2023).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 07.03.2023).

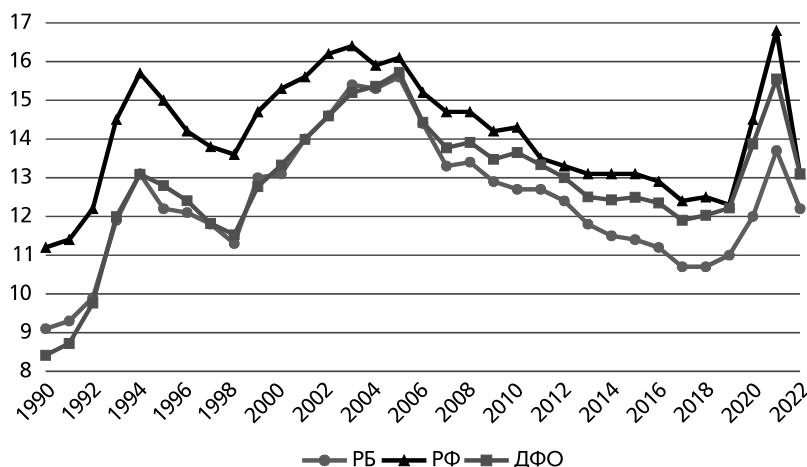

Рис. 4. Уровень смертности в РБ, ДФО и РТ, %

Источник: составлено по: Число умерших за год. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31617> (дата обращения: 17.04.2023).

средства «единой дальневосточной» субсидии запустить программы в области инфраструктуры и добиться ввода ряда новых детсадов и школ, что благоприятно влияло на ситуацию с рождаемостью.

Смертность населения в РБ превышала рождаемость с 1993 по 2005 г., в котором был зафиксирован наибольший показатель (15,6%). Затем уровень смертности снижался до 2018 г., после чего в результате пандемии произошел его всплеск (рис. 4). На 2021 г. пришелся пик летальности за последние 15 лет – 13,7%, что привело к естественной убыли населения, продолжившейся в 2022 г., и снижению ожидаемой продолжительности жизни, достигнувшей максимума в 2018 г. – 70,84 года. В 2022 г. этот показатель вырос по сравнению с предыдущим годом до 69,4 года (+0,7%), но его динамика оказалась наименьшей среди регионов РТ (в РТ +3,8% до 72,76 года)¹⁰.

В целом, темп прироста уровня смертности в 1990–2022 гг. составил 34,1% (17% в РТ, 55,7% в ДФО). Рост смертности в последние годы на фоне падения рождаемости свидетельствует о формировании устойчивой тенденции сокращения естественного прироста населения.

Динамика уровня смертности в РБ аналогична общероссийским тенденциям, но на уровне ДФО и РТ ситуация гораздо острее на протяжении всего исследуемого периода (рис. 4). В отсутствие дополнительных факторов, например таких как пандемия, показатели смертности, как правило, устойчивы и не претерпевают сильных изменений от периода к периоду, в отличие от показателей рождаемости. На данный момент РБ характеризуется низким уровнем рождаемости на фоне среднего уровня смертности.

Факторы снижения рождаемости. Одной из основных причин отрицательной демографической динамики, как и в целом по стране, являются последствия малочисленной волны деторождений 1990-х гг. Малочисленность поколения женщин активного репродуктивного возраста негативно влияет на рождаемость. В структуре населения РБ численность женщин составляет 52,2%, из которых 45,4% (232,7 тыс.) находятся в репродуктивном возрасте (15–49 лет). Происходит ежегодное снижение последних, составившее

¹⁰ Продолжительность жизни в России рекордно выросла. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2023/641f04989a7947c736e37524> (дата обращения: 21.04.2023).

15,6% с 2005 по 2022 г. (–13,6% в РФ и –20,5% в ДФО)¹¹. К 2036 г., согласно демографическом прогнозу Росстата, потенциальных рожениц станет меньше еще на 4,1%¹². Интенсивность сокращения численности женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте гораздо сильнее. Когорта 20–24-летних уменьшилась в 1,8 раза, а 25–29 летних – в 1,6 раза, тогда как именно от них зависит потенциал будущих рождений.

Происходит *нарастание экономических проблем*. В этих условиях существующих мер материального стимулирования рождаемости, в т.ч. маткапитала и льготной ипотеки, становится недостаточно. Хотя в предыдущие годы менее развитые регионы с невысокими доходами населения более активно реагировали на подобные меры [Осинский, 2017]. РБ отстает от большинства российских регионов по ключевым параметрам социально-экономического развития. По итогам 2022 г. она опустилась на 81 место в рейтинге регионов по качеству жизни, что согласно экспертной оценке вызвано низким уровнем социально-экономического развития, высокой безработицей и отставанием доходов населения¹³. Падение уровня жизни приводит к изменению структуры потребительских расходов и отрицательной разнице доходов и расходов населения [Dugarzhapova, Piskunov, 2022]. Традиционно в РБ уровень среднемесячной заработной платы (53 495 руб.) и среднедушевых доходов (32 670 руб.) ниже значений по РФ (65 338 и 44 856 руб.) и самый низкий в ДФО (74 799 и 48 152 руб.)^{14,15}. В структуре доходов населения основную долю занимают оплата труда – 58,1% и социальные выплаты – 26,1%. При этом уровень зарплат в многочисленных отраслях ниже среднего по региону, а занятость в высокооплачиваемых не превышает 3%. Невысокий уровень доходов становится одним из основных препятствий для рождения второго и последующих детей, поскольку средняя молодая семья располагает ресурсами на воспитание только одного ребенка. Большее количество детей в семье означает резкое ухудшение материального положения, а для женщины временный отказ от работы.

В связи с пандемией усилилась *экономическая неопределенность*, обусловленная угрозой потери стабильного заработка. Это, в свою очередь, отразилось на рождаемости, несмотря на то что люди молодого и среднего возраста в целом пережили этот период без серьезных человеческих потерь. Уровень рождаемости в 2021 г. сократился на 5,4% по сравнению с 2020 г., в ДФО и РФ произошло менее интенсивное снижение – на 4,3% и 2% соответственно (см. рис. 3).

Значительным барьером для роста рождаемости является *низкая обеспеченность жильем* в РБ. На одного жителя приходится 22,6 м², что на 19,8% ниже, чем в РФ, и на 11,4%, чем в ДФО¹⁶. Наблюдается более низкий прирост жилищного фонда, несмотря на введение льготной дальневосточной ипотеки, реализация которой кроме положительно-го эффекта привела к значительному росту цен на недвижимость¹⁷.

Несмотря на предпринимаемые меры, в Бурятии до сих пор наблюдается *недостаточное развитие социальной инфраструктуры*, что ограничивает, прежде всего, получение ребенком качественного образования, начиная с детского сада. Доступность дошкольного

¹¹ Численность постоянного населения – женщин по возрасту. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 24.04.2023).

¹² Предположительная численность населения по полу. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 15.03.2023).

¹³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html?in=t (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2022 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁵ Среднедушевые денежные доходы населения за 2022 г. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57039> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁶ Жилищный фонд по субъектам РФ за 2022 г. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 30.06.2023).

¹⁷ Недвижка в Бурятии. URL: <https://www.babr24.com/bur/?IDE=236840> (дата обращения: 02.03.2023).

образования составляет 73%, что меньше, чем в ДФО (76%) и РФ (74%)¹⁸. В сельской местности проблема стоит острее (60%), что наиболее заметно в густонаселенных районах, прилегающих к столице. Согласно рейтингу Рособнадзора, РБ входит в число худших регионов по качеству школьного обучения¹⁹. Высшее образование также нуждается в повышении качества и привлекательности для абитуриентов. Масштабы образовательной миграции молодежи ежегодно растут [Бюраева, 2020].

На снижении рождаемости сказывается *перманентный миграционный отток молодых людей* с целью получения образования, работы вахтовым методом, смены места жительства. В последние годы (2017–2021 гг.) в числе мигрирующих за пределы РБ 51% в среднем в год составляет молодежь 15–34 лет. Проблема миграционного оттока усугубилась в связи с началом специальной военной операции в начале 2022 г., в результате чего произошла первая волна миграционного оттока за границу, в основном лиц, занятых в IT-сфере и предпринимательской деятельности. После объявления частичной мобилизации началась вторая волна «утечки кадров» призывного возраста, в их числе и мобилизованные (порядка 4,2 тыс. мужчин с учетом добровольцев, численность которых растет)²⁰, и мигрировавшие за границу молодые люди, многие из которых покинули РБ всей семьей. Только за 10 дней после объявления о мобилизации границу с Монголией пересекли 6,2 тыс. человек²¹.

Происходит *откладывание рождения детей на более поздний срок*. В 1990-е гг. наибольшее количество рождений приходилось на женщин в возрасте 20–24 и 18–19 лет. В 2000-е гг. вместо 18–19-летних на втором месте оказалась возрастная когорта 25–29-летних, а в 2015 г. произошло смещение пика рождаемости с возрастной группы 20–24 года на группу 25–29 лет (табл. 1). В целом за исследуемый период рождаемость среди старших возрастных когорт,

Таблица 1

Возрастные коэффициенты рождаемости в РБ, в %

Год	Возраст, лет							
	15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
1990	26,3	150,9	198,6	114,9	65,8	32,6	8,6	0,3
1995	20,8	104,3	134	79,7	35,3	14,5	3,1	0,2
2000	14,5	71,7	113,9	79,8	44,6	16,4	3,1	0,3
2005	15,5	71,1	115,9	91	53,8	24,3	4,2	0,1
2010	17,5	77,9	113,5	116,8	78,8	40,5	8,3	0,2
2015	15,5	75,3	123,7	133,4	94,7	53,8	12,6	0,4
2020	8,8	52,6	99	111,5	84,6	54,3	14,1	0,8
2021	8,8	43,8	90,5	105	86,3	54,1	14,4	0,7
Темп прироста, 1990–2021 гг.	–66,5	–71,0	–54,4	–8,6	31,2	66,0	67,4	133,3

Источник: составлено по: Возрастные коэффициенты рождаемости. Территориальный орган государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/demo>

¹⁸ Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием за 2022 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59529> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁹ По данным рейтинга Рособнадзора республика заняла 76 место. URL: <https://arigus.tv/news/education/26548-buryatiya-voshla-v-chislo-khudshikh-regionov-po-kachestvu-shkolnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁰ Региональные власти изменили порядок выплат мобилизованным. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/116623/?sphrase_id=12489772 (дата обращения: 06.04.2023).

²¹ Власти Монголии пообещали выдавать россиянам виды на жительство. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (дата обращения: 14.04.2023).

начиная с 30–34 лет, выросла, тогда как среди более молодых происходит ее снижение, особенно у 18–19-летних.

При отсроченном материнстве растет вероятность генетических и других заболеваний у детей, увеличивается риск онкологических заболеваний у женщин²². Заболеваемость новообразованиями гинекологического характера уже составляет 45,2% в структуре женских злокачественных новообразований. Особую тревогу вызывает самый высокий показатель смертности женщин от рака шейки матки в РБ среди регионов РФ. Он в 2,3 раза выше, чем в среднем по РФ [Чимитдоржиева, 2021]. Возрастное снижение фертильности чаще приводит к необходимости вспомогательных репродуктивных технологий, требующих дополнительных расходов как государства, так и семей. В последние годы порядка 2,3% новорожденных появляется на свет с помощью ЭКО²³.

В целом, происходит ухудшение репродуктивного здоровья и женщин, и мужчин в результате усиливающегося эколого-социального прессинга [Еремина, 2015]. Ситуацию усугубляют постоянные стрессы, алкоголь, курение. РБ продолжает оставаться одним из самых сложных в этом отношении регионов, занимая 75 место в рейтинге регионов по отсутствию вредных привычек²⁴ и 82 место в рейтинге по уровню трезвости²⁵.

По данным республиканского медицинского центра «Диагрупп»²⁶, где реализуются программы вспомогательных репродуктивных технологий, проблема бесплодия очень актуальна, а вклад мужчин и женщин в бесплодность пары примерно одинаков, но мужскому репродуктивному здоровью уделяется гораздо меньше внимания. Необходимо распространение программы по охране мужского репродуктивного здоровья и поддержке ответственного отцовства на все регионы²⁷. Популяционное исследование частоты бесплодия в браке показало его наличие в среднем у 22,8% опрошенных. Уровень бесплодия сельских женщин достигает 31,5%. В числе потенциальных причин – несвоевременное оказание медицинской помощи при гинекологических заболеваниях и поздняя диагностика эндокринных нарушений на селе [Даржаев, 2017]. Своевременная профилактика данных проблем может способствовать увеличению рождаемости. Пока потери потенциальных рождений в результате бесплодия в целом по России составляют порядка 17–21% [Савина, 2022].

На фоне низкого индекса здоровья женщин репродуктивного возраста регистрируются более высокие показатели заболеваемости беременных и новорожденных по сравнению со среднероссийскими показателями. Число заболеваний, осложнивших роды, составило 1043,7 на 1000 родов (639 в РФ), заболеваемость новорожденных – 391 на 1000 родившихся живыми (313 в РФ), преждевременных родов – 56 на 1000 родов (46 в РФ)²⁸.

Сама система здравоохранения РБ находится в перманентном кризисе. Остро стоят вопросы дефицита медицинского персонала, повышения его профессиональных компетенций и модернизации материально-технической базы лечебных учреждений, низкой заработной платы, старения и оттока медицинских кадров в другие регионы с лучшими условиями [Башкуева, 2022]. Главный врач ДРКБ А. Дмитриев отмечает, что при укомплектованности врачебного персонала на 56% коэффициент совместительства составляет 1,9.

²² Еще успеем. В чем плюсы и минусы отложенного материнства? URL: <https://tass.ru/sci/9058161> (дата обращения: 29.03.2023).

²³ По данным Республиканского перинатального центра МЗ РБ за 2020–2022 гг.

²⁴ Рейтинг регионов по отсутствию вредных привычек. URL: https://ria.ru/20221205/vrednye_privychki-1835939610.html (дата обращения: 10.04.2023).

²⁵ Названы 3 самых пьющих региона. URL: <https://ria.ru/20221220/trezvost-1839959668.html> (дата обращения: 10.04.2023).

²⁶ В Бурятии обсуждают проблемы репродуктивного здоровья семьи. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/162677> (дата обращения: 29.03.2023).

²⁷ На федеральном уровне обсудили, как увеличить продолжительность жизни на ДВ. URL: <https://vtinform.com/news/146/148933> (дата обращения: 11.04.2023).

²⁸ Здравоохранение и социальное обеспечение в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2022. С. 43–48. Российский статистический ежегодник. М. С. 220–237. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2022.pdf (дата обращения: 05.04.2023).

Врачи вынуждены работать на две ставки для получения более достойной зарплаты, принимать по тридцать человек при норме двадцать²⁹.

Потенциально на уровень рождаемости может оказывать влияние количество абортов. Несмотря на ежегодное снижение (–62,4% в 2021 г. к 2000 г.), их число остается существенным (5258). На 100 родов приходится 44,7 аборта, что выше среднероссийского показателя (37)³⁰. Согласно исследованиям, причиной аборта каждой шестой женщины в РФ является неготовность партнера к отцовству, а каждой третьей – отсутствие возможности воспитания второго или третьего ребенка [Аполихин, 2015]. В этой связи исключение только этих факторов могло бы способствовать дополнительному рождению более 2,5 тысячи детей в РБ.

На репродуктивные планы оказывает влияние состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве, о чем свидетельствуют результаты исследования аналитического центра НАФИ, согласно которому 15% россиян не планируют рождение детей в ближайшей перспективе в связи с отсутствием партнера³¹. Согласно исследованию феномена готовности к браку и созданию семьи среди молодежи, пятая часть респондентов стремится к ни к чему не обязывающему браку, в основе которого лежит взаимное общение не просто равных, а независимых партнеров [Донцов и др., 2019].

Только за межпереписной период 2010–2020 гг. в РБ численность лиц, состоящих в браке, в том числе незарегистрированном, уменьшилась на 10,2%. На данный момент в браке состоит 51,9% населения старше 16 лет (56,6% в 2010 г.). За последние годы лишь в 2022 г. был отмечен значительный рост бракосочетаний (+36,9% к 2021 г.), отчасти вынужденный из-за введения льгот для членов семей мобилизованных (табл. 2).

Таблица 2

Показатели брачности и разводимости в РБ

Год	Число браков		Число разводов		Число разводов на 1000 браков
	ед.	на 1000 чел.	ед.	на 1000 чел.	
1990	8804	8,4	2616	2,5	297
1995	6805	6,6	3736	3,6	549
2000	5200	5,2	2857	2,8	549
2005	6963	7,2	4276	4,4	614
2010	8235	8,5	3782	3,9	459
2015	7090	7,2	3600	3,7	508
2020	4408	4,5	3531	3,6	801
2021	5272	5,4	4547	4,6	862
2022	7220	7,4	5508	5,6	763
Темп прироста 1990–2022 гг., в %	–18,0	–11,9	110,6	124,0	156,9

Источник: составлено по: Браки и разводы. Территориальный орган государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/demo>

²⁹ Главврач детской больницы в Улан-Удэ поставил перед обществом неразрешимый вопрос. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-incident/detail-3370369> (дата обращения: 20.04.2023).

³⁰ Число прерываний беременности. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31595?ysclid=ijwls1wtz652175196> (дата обращения: 05.04.2023).

³¹ Россияне рассказали про барьеры. URL: <https://nafi.ru/analytics/sokratilas-dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-khotyat-zavesti-detey> (дата обращения: 05.04.2023).

Современный брак отличается нестабильностью, свидетельством чего являются высокие показатели разводимости. Если в 1990 г. распадался каждый третий брак, а в 2010 г. каждый второй, то сейчас на каждую тысячу зарегистрированных браков приходится 763 развода, частота которых увеличилась в 2,1 раза с 1990 г. Более того, по итогам 2022 г. республиканские коэффициенты брачности оказались ниже, чем в ДФО, а разводимости выше, чем и в РФ, и в ДФО³².

Исследования показывают, что женщинам присуща большая готовность к вступлению в брак по сравнению с мужчинами [Донцов и др., 2019]. Однако разница между долями замужних женщин и женатых мужчин увеличивается. Если в 2010 г. доля замужних женщин была меньше доли женатых мужчин на 12,8%, то по данным ВПН-2020 г. – уже на 16%. Часть мужчин не торопится жениться и брать на себя ответственность по обеспечению семьи и воспитанию детей. Четверть мужчин никогда не состояли в браке или супружеском союзе, аналогичная доля женщин меньше – 17,8%. Численность мужчин, умерших в трудоспособном возрасте, продолжает превышать женскую смертность в 3,3 раза, что обусловлено преимущественно более высокой летальностью от болезней системы кровообращения, туберкулеза, в результате внешних причин. В репродуктивном возрасте в возрастной подгруппе 20–24-летних разница достигает 6,4 раза, в подгруппе 25–29-летних – 3,2 раза³³. Отсюда более высокая доля вдовых женщин (10,4%) по сравнению с вдовцами (3,7%). Часть мужчин уезжает в другие регионы и страны в поисках более высокого заработка, оставаясь там продолжительное время. Около 4 тысяч мужчин, проживающих в РБ, находятся в местах лишения свободы³⁴.

Происходит откладывание бракосочетания на более поздний возраст или отказ от него, всплеск разводов и все большая распространенность партнерских союзов. Если в 1990 г. большинство мужчин (46,8%) регистрировали брак в возрасте 20–24 лет, то к 2021 г. их доля снизилась до 21,5%, а преимущественный возраст вступления в брак повысился до 25–29 лет. Большинство женщин ранее выходило замуж в 20–24-летнем (34,4%) и 18–19-летнем возрасте (26,4%), а к 2021 г. их доля значительно сократилась (27,2% и 6,9% соответственно). Сегодня и женщины, и мужчины все чаще создают семью после 35 лет. Доля таких браков выросла с 1990 по 2021 г. в 2,4 раза³⁵.

Рост рождаемости возможен в условиях уверенности в завтрашнем дне. Однако о стабильности, необходимой для планирования рождаемости, прежде всего экономической, пока не приходится говорить. В значительной части регионов России риск бедности семей с детьми весьма значителен, что делает их в меньшей степени восприимчивыми к мерам демографической политики [Ростовская и др., 2021: 108]. В 2022 г. чувство неопределенности и тревоги, обусловленные распространением пандемии, усилилось с началом специальной военной операции. В настоящее время наблюдается неуверенность большинства населения РБ в будущем. Согласно результатам опросов ФОМ, уровень тревожности населения в стране, резко скакнувший после осенней частичной мобилизации до 70%, сохранялся на отметке выше 50% до конца февраля текущего года, что является очень высоким показателем³⁶. Эти настроения подпитывает нестабильная ситуация с экономикой вследствие резкого роста цен, санкций и изоляции страны, неопределенные сроки окончания СВО и возможность новой волны «частичной мобилизации».

³² Оперативные демографические показатели по РБ и ДФО за 2022 г. URL: https://burstat.gks.ru/demo_analitik (дата обращения: 07.04.2023).

³³ Естественное движение населения. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 07.04.2023).

³⁴ Правонарушения. URL: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/ege2018_11.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

³⁵ Браки и разводы. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 05.04.2023).

³⁶ Доминанты. Поле мнений. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d122023.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Закключение. В течение последних трех десятилетий в РБ складывалась сложная демографическая ситуация. Период депопуляции в результате низкой рождаемости, относительно высокой смертности, перманентной миграционной убыли населения продлился с 1992 по 2007 г. В последующем наметились позитивные тенденции роста рождаемости и снижения смертности благодаря улучшению социально-экономических условий, структурным факторам и государственным мерам поддержки. Но с 2015 г. в связи со спадом рождаемости происходит снижение естественного прироста населения, приведшее на фоне сверхсмертности в «ковидные» годы и перманентного миграционного оттока к началу новой волны депопуляции с 2021 г.

Анализ процессов воспроизводства населения республики по сравнению с ситуацией в РФ и ДФО показал сохранение относительных преимуществ в демографическом развитии, выражающихся в более высоком уровне и суммарном коэффициенте рождаемости, распространенности многодетности, относительно высокой доле молодежи на фоне более низкой смертности. В то же время по другим параметрам республика начинает утрачивать свои преимущества. Наблюдается интенсивное снижение рождаемости, происходит старение возрастной структуры трудоспособного населения. По продолжительности жизни Бурятия отстает даже от невысокого среднероссийского показателя. Демографическая ситуация значительно усугубляется непрекращающимся миграционным оттоком населения фертильного возраста.

В условиях сохраняющегося значительного социально-экономического отставания Бурятии от большинства российских регионов, в том числе дальневосточных, тенденция депопуляции может носить устойчивый и длительный характер. Кроме того, с таким сочетанием разных факторов республика еще ни разу не сталкивалась. При этом материальные меры господдержки могут только дополнять, но не стать главной причиной для принятия решения женщиной рождения детей. Помимо повышения рождаемости крайне важно обеспечить будущим детям необходимое воспитание и образование, а в будущем – достойную работу. Действующей системы преференций для этого явно недостаточно. Существующие выплаты, носящие в большинстве своем единовременный характер, не в состоянии решить данную проблему. Необходимо создание соответствующих условий путем развития социальной инфраструктуры и жилищной обеспеченности, снижения выявленных рискогенных факторов и активизации политики, направленной на формирование новых рабочих мест с достойной заработной платой, ее выравнивание со средней по ДФО и устранение межотраслевого и межпрофессионального разрыва оплаты труда.

Ключевое значение имеют задачи по сохранению института семьи с соответствующими ценностями и репродуктивными установками, повышению престижа ответственного материнства и отцовства. При формировании семейных ценностей среди молодежи более эффективным представляется смещение акцента с аргументов о роли семьи в преодолении демографических проблем на аспекты семейной жизни, помогающие достижению личного счастья и благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аполихин О.И., Комарова В.А., Москалева Н.Г. Современная демографическая ситуация и проблемы улучшения репродуктивного здоровья населения России // Экспериментальная и клиническая урология. 2015. № 4. С. 4–14.
- Башкуева Е.Ю. Проблемы качества и безопасности медицинской деятельности в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ по материалам Республики Бурятия // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 125–141. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.9.
- Бюраева Ю.Г. Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы // ЭКО. 2022. № 1. С. 141–166. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-141-166.
- Бюраева Ю.Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4.

- Даржаев З.Ю., Аталян А.В., Ринчиндоржиева М.П., Сутурина Л.В. Частота бесплодия в браке среди городского и сельского женского населения Республики Бурятия: результаты популяционного исследования // *Фундаментальная и клиническая медицина*. 2017. № 4. С. 14–21.
- Донцов Д.А., Донцова М.В., Вепренцова С.Ю. Специфика феномена готовности к семейной жизни современных российских юношей и девушек – студентов Москвы и Омска // *Образовательные технологии*. 2019. № 1. С. 73–87.
- Еремина Е.Р., Бабушкина Н.П., Кучер А.Н. Особенности репродуктивного здоровья населения Республики Бурятия // *Сибирский медицинский журнал*. 2015. № 1. С. 5–10.
- Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Современные репродуктивные установки бурятского населения Иволгинского района Республики Бурятия: по материалам полевых исследований // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 2. С. 57–62. DOI: 10.15372/HSS20190211.
- Осинский И.И. Демографическое развитие Бурятии // *Вестник Института социологии*. 2017. № 4. С. 139–158. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.488.
- Рандалов Ю.Б., Чукреев П.А., Хараев Б.В. Социально-демографическая структура и проблемы рождаемости в Республике Бурятия. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009.
- Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Е. и др. Семья и демографические процессы в современной России. М.: Экон-Информ, 2021.
- Савина А.А., Землянова Е.В., Фейгинова С.И. Потери потенциальных рождений в г. Москве за счет женского и мужского бесплодия // *Здоровье мегаполиса*. 2022. Т. 3. № 3. С. 39–45. DOI: 10.47619/2713–2617.zm.2022.v.3i3;39-45.
- Чимитдоржиева Т.Н. Смертность женского населения Республики Бурятия от рака шейки матки // *Профилактическая медицина*. Т. 24. № 11. С. 15–20. DOI: 10.17116/profmed2021241115.
- Dugarzhapova D.B., Piskunov E.Yu. Changes in the Standard of Living of the Population of the Republic of Buryatia through the Prism of the Structure of Monetary Expenditures // *Regional Research of Russia*. 2022. No. 1(12). P. 86–96. DOI: 10.1134/S2079970522010026.

Статья поступила: 02.05.23. Финальная версия: 04.07.23. Принята к публикации: 15.08.23.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BURYATIA: DYNAMICS AND FACTORS OF REDUCTION UNDER NEW CHALLENGES

BYURAEVA Yu.G.

Buryat Science Center of SB RAS, Russia

Yulia G. BYURAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Buryat Science Center of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia (julbur@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to assessment of demographic potential of the Republic of Buryatia for 1990–2022. The main attention is paid to dynamics of the general population movement, birthrate and mortality in context of Russian and regional trends. Relative advantages in demographic development are stated: the higher birthrate, having many children, high share of young people and lower mortality. At the same time, Buryatia begins to lose its advantages in other respects. The author focuses on the factors influencing the decline in birthrate. The depopulation trend has sustainable and long-term nature. It is necessary to create suitable social environment, eliminate risk factors and preserve institution of the family with traditional reproductive attitudes.

Keywords: demographic potential, birthrate, mortality, depopulation, Republic of Buryatia.

REFERENCES

- Anoshkin I.V., Sychev O.A. (2019) Relationship of youth family values with hedonism and eudaimonia. *Obrazovanie i nauka* [Educational and Science Journal]. Vol. 21. No 8: 90–111. (In Russ.)
- Apolikhin O.I., Komarova V.A., Moskaleva N.G. (2015) Contemporary demographic situation and problems of improving reproductive health of Russian population. *Eksperimental'naya i klinicheskaya urologiya* [Experimental and Clinical Urology]. No. 4: 4–14. (In Russ.)
- Bashkueva Ye.Yu. (2022) Problems of quality and safety in medical activity under COVID-19 pandemic: sociological analysis (the case of the Republic of Buryatia). *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie*

- nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 2: 125–141. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.9. (In Russ.)
- Byuraeva Yu.G. (2020) Youth migration in the Republic of Buryatia: trends and causes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4. (In Russ.)
- Byuraeva Yu.G. (2022) Migration processes in the Republic of Buryatia: directions, performance, factors. *EKO* [ECO]. No. 1: 141–166. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-141-166. (In Russ.)
- Chimitdorzhieva T.N. (2021) Mortality rate of the female population of Buryatia from cervical cancer. *Profilakticheskaya meditsina* [The Russian Journal of Preventive Medicine]. Vol. 24. No. 11: 15–20. DOI: 10.17116/profmed20212411115. (In Russ.)
- Darzhayev Z.Yu., Atalyan A.V., Rinchindorzhieva M.P., Suturina L.V. (2017) Prevalence of female infertility among urban and rural population in Buryat Republic. *Fundamental'naya i klinicheskaya medicina* [Fundamental and Clinical Medicine]. No. 4: 14–21. (In Russ.)
- Dontsov D.A., Dontsova M.V., Veprentsova S.Yu. (2019) Specificity of the phenomenon of readiness to the family life of modern Russian boys and girls – students of Moscow and Omsk. *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational technologies]. No. 1: 73–87. (In Russ.)
- Dugarzhapova D.B., Piskunov E.Yu. (2022) Changes in the standard of living of population of the Republic of Buryatia through the prism of the structure of monetary expenditures. *Regional Research of Russia*. No. 1(12): 86–96. DOI: 10.1134/S2079970522010026.
- Eremina E.R., Babushkina N.P., Kucher A.N. (2015) Features of reproductive health of population of the Republic of Buryatia. *Sibirskij medicinskij zhurnal* [Siberian Scientific Medical Journal]. No. 1: 5–10. (In Russ.)
- Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. (2019) Modern reproductive settings of the buryatian population of Ivolskiy region of Buryatia: on materials of field research. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. Vol. 26. No. 2: 57–62. DOI: 10.15372/HSS20190211. (In Russ.)
- Osinskiy I.I. (2017) Buryatia's Demographic Development. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No 4: 139–158. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.488. (In Russ.)
- Randalov Yu.B., Chukreev P.A., Kharaev B.V. (2009) *Socio-Demographic Structure and Birthrate Problems in Buryatia*. Ulan-Ude: BSC SB RAS. (In Russ.)
- Rostovskaya T.K., Arkhangelsky V.N., Ivanova A.E., Kuchmaeva O.V., Semenova V.G. (2021) *Family and Demographic Processes in Modern Russia*. Moscow: Ekon-Inform Publishing House. (In Russ.)
- Savina A.A., Zemlyanova E.V., Feiginova S.I. (2022) Loss of potential births in Moscow due to female and male infertility. *Zdorov'e megapolisa* [City Healthcare]. Vol. 3. No. 3: 39–45. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i3;39-45. (In Russ.)

Received: 02.05.23. Final version: 04.07.23. Accepted: 15.08.23.

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

П.В. БЕЛОПАШЕНЦЕВА

ОФИЦИАЛЬНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 2020–2021 гг.

БЕЛОПАШЕНЦЕВА Полина Владимировна – стажер-исследователь Центра стратификационных исследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (pbelopashentseva@hse.ru).

Аннотация. В статье рассматривается влияние событий 2020–2021 гг. на официальную и субъективную бедность. Обосновывается целесообразность применения термина «официальная бедность» для обозначения всех методологических подходов (абсолютного до 2021 г. и относительного с 2021 г.), применяемых государством для установления границы бедности. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ продемонстрировано, что официальная бедность показала нетипичное для кризисного периода снижение, которое, как можно предполагать, стало результатом смены методологии определения границы бедности и воздействия мер социальной политики. Субъективная бедность оставалась на докризисном уровне: россияне не почувствовали значительных изменений в уровне жизни. Соотношение групп официально и субъективно бедных было стабильным, портреты групп также не демонстрировали значительных изменений, а происходившие изменения жизненных условий были во многом связаны с привычками периода самоизоляции. Выявленные расхождения в масштабах и динамике официальной и субъективной бедности в очередной раз подчеркивают важность многомерного анализа этого феномена.

Ключевые слова: субъективная бедность • официальная бедность • абсолютная бедность • граница бедности • депривации

DOI: 10.31857/S013216250028306-9

Российская экономика с 2014 г. находится в нестабильном состоянии с периодами экономических спадов и подъемов [Радаев и др., 2023]. Последняя относительно благополучная фаза заканчивается в 2019 г., в 2020 г. происходит резкая трансформация мирового масштаба. Сегодня страна продолжает находиться в ситуации вызова для экономики, и ее положение отягощается санкциями, неблагоприятной политической конъюнктурой, расходами на цели СВО.

Предстоящие годы турбулентности могут привести заметные изменения в социальную структуру российского общества, повлиять на уровень и качество жизни населения в целом и масштабы и характеристики бедности в частности. Отслеживание происходящих изменений на ранних этапах кризиса может способствовать своевременному реагированию в целях сдерживания масштабов бедности и профилактики в группах риска,

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

поскольку сокращение бедности продолжает оставаться приоритетным направлением социальной политики в стране¹. Анализ ситуации в 2020–2021 гг. на фоне динамики прошлых лет может дать представление об уже происходящих и ожидаемых тенденциях в сфере материального благосостояния населения, которые наметились еще до кризисных событий 2022 г., а рассмотрение проблемы в нескольких методологических перспективах открывает возможности для многомерной оценки феномена бедности.

Постановка проблемы и теоретико-методологические основания анализа. В научном поле сосуществуют три основных методологических подхода к изучению бедности. В рамках *абсолютной* методологии бедность интерпретируется как недостаток денежных средств для удовлетворения базовых потребностей и воспроизводства населения; к бедным, соответственно, относятся те, чьи доходы ниже заданного уровня – черты бедности. *Относительный* подход отталкивается от нормального, типичного уровня жизни; в его рамках бедность понимается как сильное отклонение от социальной нормы, характерной для конкретного общества (отклонение доходов от медианы, представляющей тот самый стандарт, или же наличие множественных деприваций – лишений в условиях жизни и быта, не характерных для большинства). *Субъективная* бедность основана на самооценках населением собственного положения в обществе, самоидентификации себя с бедными. Три методологических подхода не противоречат друг другу, а скорее являются взаимодополняющими, освещающими разные аспекты феномена бедности, и выбор конкретной методологии зависит от исследовательских целей и задач. Первые два подхода также используются для отслеживания бедности на официальном, государственном уровне. Под *официальной бедностью* в рамках данной статьи мы понимаем все те ее методологии, которые в разные периоды времени применялись для расчета бедности официальными государственными ведомствами. Официальную бедность в России нельзя охарактеризовать как абсолютную или относительную – в разные периоды используются и тот и другой подходы к ее измерению (абсолютный – до 2021 г., относительный – с 2021 г.).

В статье будет рассмотрен вопрос о том, как период турбулентности 2020–2021 гг. отразился на бедности в ее официальном и субъективном измерении, а также на соотношении групп бедных, выделенных с помощью этих подходов. Для поиска ответов мы, во-первых, рассмотрим динамику официальной бедности и коснемся сюжета о смене методологии ее подсчета; во-вторых, представим динамику субъективной бедности и сравним ее с динамикой официальной бедности; в-третьих, проанализируем соотношение двух групп бедных, а затем продемонстрируем изменения в специфике их портретов и жизненных условий.

Обращение к *официальной* методологии позволяет выделить ту группу, которая отражается в официальной статистике и попадает в фокус внимания социально-экономической политики. На протяжении почти 30 лет граница официальной бедности в России исчисляется в денежном выражении и подсчитывается отдельно для разных демографических групп (трудоспособное население, дети, пенсионеры). Выделение *субъективной* бедности позволяет увидеть группу россиян, которая ощущает себя бедной, хотя при этом доходы части ее представителей могут быть выше официально заданного критерия бедности, что выводит их из фокуса социально-экономической политики.

Обращение к субъективной бедности и ее соотношению с официальным показателем соотносится с общемировой тенденцией все большего учета субъективных показателей при анализе благосостояния, качества жизни, общественного развития [Стиглиц и др., 2016]. Рассмотрение групп, выделенных в рамках официальной и субъективной методологий, даст понимание меры согласованности официальной бедности и самооценки гражданами своего положения, специфики каждого из этих измерений бедности, а также сходства или различия влияния на них кризиса последних лет.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 21 апреля 2021 года. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/> (дата обращения: 15.01.2023).

Специфика субъективной и официальной бедности: что говорят результаты российских исследований. Из более ранних работ российских авторов [Овчарова, 2012; Карачук и др., 2013; Бедность..., 2014; Тихонова, 2014; Слободенюк, 2016] известно, что масштабы субъективной бедности превышают масштабы бедности в ее официальном измерении. Показано также, что эти группы не являются вложенными подмножествами, зона их пересечения невелика, а портреты отличаются. Представители официальной бедности характеризуются неустойчивыми позициями на рынке труда, чаще безработны, их домохозяйства имеют повышенную иждивенческую нагрузку (за счет детей или неработающих взрослых). Для субъективной бедности ключевыми факторами являются условия, ухудшающие качество жизни (отсутствие собственного жилья, наличие иждивенцев), а также пессимизм относительно будущего, разрыв желаний и оценки реальных возможностей, чувство бессилия относительно возможности самостоятельно изменить сложившуюся ситуацию.

В периоды экономических рецессий состав группы официально бедных пополняется представителями плавающей бедности – это та часть населения, доходы которой незначительно выше прожиточного минимума, а качество жизни достаточно близко к бедным. Именно поэтому серьезных изменений структуры группы официально бедных при возрастании ее масштабов в кризисные периоды не наблюдается [Слободенюк, 2016]. Субъективная бедность при этом чувствительна к росту безработицы, инфляции и неуверенности в завтрашнем дне, а кризисы влияют на качество жизни большинства населения страны – и именно поэтому рост субъективной бедности наблюдается как в группах низкодоходных россиян, так и в группах с относительно средними и даже высокими доходами, что приводит к большей дифференциации состава субъективно бедных. Такая реакция фактически говорит о снижении возможности поддержания привычного уровня жизни (даже при исходно различных его уровнях в разных группах) [Слободенюк, 2017]. Динамика субъективной бедности может расходиться с динамикой экономического положения: ухудшившиеся представления о своем положении восстанавливаются до докризисных уровней медленнее, чем падают в момент рецессий [Красильникова, 2010].

Исследования бедности в российском обществе в последние годы проводятся в контексте анализа групп, которые имеют повышенный риск попадания в бедность (выделенных на основе социально-демографических, профессиональных или территориальных признаков), а также оценки возможных мер развития адресной помощи и сокращения бедности [Малева и др., 2020; Разумов, Селиванова, 2021; Ржаницына, 2021; Тихонова, Слободенюк, 2022]. В фокусе нашего исследования – влияние кризисных лет на сам феномен бедности в России в ее официальном и субъективном измерениях и их соотношение.

Методология исследования и эмпирическая база. Основной эмпирической базой исследования выступил массив РМЭЗ НИУ ВШЭ², включающий множество переменных, описывающих условия жизни домохозяйств. Мы используем данные с 2009 по 2021 г. для рассмотрения групп в динамике³. Использовались массивы репрезентативной выборки по индивидам и домохозяйствам. Дополнительно учитывались данные из официальных статистических источников⁴.

Для выделения группы официально бедных на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ проводилось сравнение декларируемых располагаемых доходов домохозяйства с рассчитанным для него прожиточным минимумом. Расчетный показатель прожиточного минимума конструировался на основе суммы прожиточных минимумов всех членов домохозяйства. Источник данных об индивидуальных прожиточных минимумах – Федеральная служба государственной статистики; для каждого респондента в выборке был определен прожиточный

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>

³ Выборка каждой волны РМЭЗ НИУ ВШЭ составляет от 9,5 до 17 тысяч респондентов.

⁴ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru>

минимум в соответствии с регионом проживания, статусом (работоспособный / ребенок / пенсионер) и годом проведения полевой части исследования⁵. Статусом бедного надеялось то домохозяйство, для которого совокупный доход оказывался ниже расчетного показателя прожиточного минимума.

Для определения субъективной бедности мы использовали вопрос об оценке индивидом положения в обществе в иерархии «бедность – богатство» по шкале от 1 (самый бедный) до 9 (самый богатый)⁶. В качестве границы субъективной бедности был выбран порог в 3 ступени включительно. Основным аргументом к выбору границы является тот факт, что ступень 4 – наиболее распространенное значение при оценке россиянами своего положения в обществе, а значит – выступает «социальной нормой» на данном этапе социально-экономического развития страны. Под ситуацией субъективной бедности мы подразумеваем положение «ниже нормы». Однако группа субъективно бедных может характеризоваться определенной гетерогенностью, поэтому мы отдельно рассмотрели группы тех, кто оценивает свое положение по шкале «бедность – богатство» на 1–2 ступени и 3-ю ступень.

Динамика официальной и субъективной бедности. Согласно данным Росстата, официальный уровень бедности⁷ в 2021 г. составил 11,0%, снизившись по сравнению с 2020 г. на 1,1% и показав минимальное значение за период с 2013 г. Оба кризисных года (2020 и 2021 гг.) характеризуются снижением доли официально бедного населения (рис. 1). Рассчитанный на выборочных данных аналогичный показатель бедности также демонстрирует положительную нисходящую динамику.

В выборочных обследованиях оценки уровня бедности традиционно оказываются выше показателей официальной статистической службы в силу смещения выборочной совокупности в сторону низкодоходных слоев населения, а также в связи с доходной переоценкой, проводимой Росстатом [Уровень..., 2014: 17]. Большую часть анализируемого периода динамика бедности, по данным официальной статистики и данным РМЭЗ НИУ

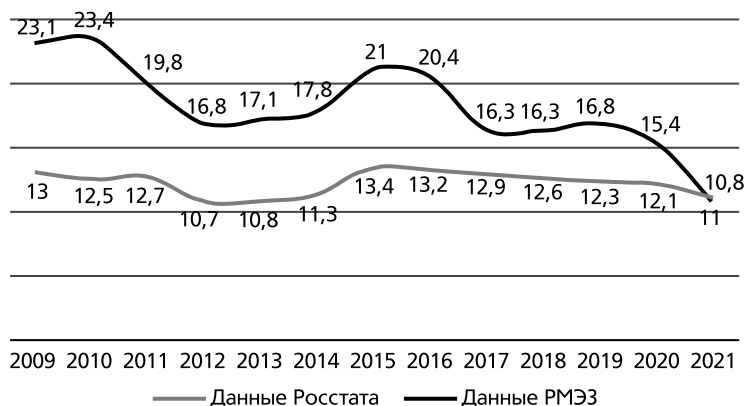

Рис. 1. Динамика официальной бедности по данным Росстата и РМЭЗ НИУ ВШЭ, в %

⁵ Подсчеты на основе информации о Прожиточных минимумах, опубликованных Росстатом. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm>. Применялись официальные ПМ за 4 квартал каждого года ввиду проведения полевой части исследования РМЭЗ в конце года. Исключением послужил 2021 г. – официальная граница бедности для этого года устанавливалась на год в целом.

⁶ Формулировка анкетного вопроса: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?»

⁷ Официальная доля людей, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума (границы бедности) по годам. Источник: Неравенство и Бедность. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 20.12.2022).

Рис. 2. Динамика приростов прожиточного минимума, медианного среднедушевого дохода и инфляции, в %

Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 18.01.2023).

ВШЭ, сонаправлена, хотя, по данным Росстата, официальная бедность характеризуется плавным нисходящим трендом на протяжении последних шести лет, а по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, это снижение имеет скачкообразный характер. В 2021 г. мы наблюдаем нетипичную ситуацию: впервые за рассматриваемый период показатель уровня бедности, рассчитанный на выборочных данных, приблизился к значению Росстата, и по обоим оценкам происходит значительное снижение уровня бедности. С чем это могло быть связано?

Первая вероятная причина достаточно резкого спада уровня бедности – смена методологии подсчета. До 2020 г. включительно в России действовала официальная черта бедности, основанная на подсчете стоимости потребительской корзины и обязательных платежей (т.е. использовалась логика абсолютного подхода, в рамках которого бедный – тот, кто в силу нехватки денежных средств не может удовлетворить базовые потребности). Пересмотр черты бедности проводился ежеквартально с учетом текущих цен. С 2021 г. введена относительная методология: черта бедности была установлена на уровне 44,2% от медианного среднедушевого дохода по региону за предшествующий год (и, таким образом, стала соотноситься с «нормой дохода» для общества в целом – медианой). Пропорции прожиточных минимумов трудоспособного населения, пенсионеров и детей остались прежними – 109%, 86% и 97% от прожиточного минимума соответственно⁸. По состоянию на 2021 г. граница бедности в целом по РФ составила 11 653 руб. (12 702 руб. для трудоспособного, 10 022 руб. – для пенсионера, 11 303 руб. – для ребенка). По нашим оценкам, такая черта бедности для 2021 г. оказалась заниженной.

Заметно (рис. 2), что в период с 2014 по 2019 г. изменения величины прожиточного минимума в целом отражали динамику доходов и цен. В некоторые годы он рос опережающими темпами (например, 2014–2015 гг.), но, так или иначе, на протяжении всего рассматриваемого периода его приросты были близки к инфляции. Из общей тенденции резко выделяется 2021 г., когда отличия оказались значительными: при инфляции в 8% и росте медианного среднедушевого дохода на 11% (по данным Росстата) прирост прожиточного минимума составил лишь 3%. По данным РМЭЗ, прирост медианы среднедушевых доходов в 2021 г. составил 16%, что превышает приросты по Росстату, и, вероятнее всего, влияет

⁸ Прожиточный минимум, методология. Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mCEzhv9F/Прожиточный%20минимум_методология_.doc (дата обращения: 16.04.2023).

на резкое снижение доли бедных по выборочным данным опроса при ее подсчете по «заниженному» показателю границы бедности.

Росстат объясняет снижение доли бедных ростом доходов граждан. Это, в свою очередь, вызвано восстановлением экономической активности после 2020 г. – ростом занятости, оплаты труда, доходов от предпринимательской деятельности, а также возросших социальных выплат⁹. Реальные доходы населения в 2021 г. относительно 2020 г. выросли на 3%¹⁰. В 2022 г. экономика России столкнулась с еще более высоким уровнем инфляции, оцениваемым Росстатом в 12%¹¹, и последующим падением реальных доходов на 1,4%. После внеплановых повышений уровня прожиточного минимума в 2022 г. было принято решение об отказе от относительной методологии подсчета бедности на период 2023–2024 гг.¹²

Еще один возможный фактор снижения бедности – оказание адресной помощи нуждающимся слоям населения в период пандемии. В 2020 и 2021 гг. прошла серия мер государственной поддержки, направленных в первую очередь на семьи с детьми и безработных граждан. В 2020 г. непосредственно на поддержку доходов населения государством было дополнительно направлено 1,96 трлн руб. (3,1% доходов населения). Эксперты говорят об эффективности предпринятых мер для сокращения бедности: результативность связана с созданием адресной системы пособий для семей с детьми, повышением выплат, увеличением охвата, внедрением цифровых технологий для ускорения процессов получения поддержки [Социальная..., 2022: 32]. По оценкам исследователей, государству удалось в краткосрочной мере скомпенсировать около седьмой части выпавших денежных доходов и более трети прироста уровня бедности [Пишняк, 2021]. Однако мы сталкиваемся с другой проблемой – фокус социальной поддержки на традиционно уязвимых группах населения не позволяет охватить группы ситуационной бедности и возможных «новых» бедных (категории населения, которые раньше не характеризовались высокими рисками бедности, но в новых реалиях могут обеднеть).

Приведённые объяснения не противоречат друг другу – меры могли оказать одновременное влияние на снижение уровня бедности в 2020 и 2021 гг. Основное противоречие заключается в том, что спад бедности происходит в момент экономической рецессии. В этом контексте субъективная бедность отражает другой аспект этой проблемы, связанный с социальным самочувствием населения. Что в текущих условиях ощущают сами граждане и как они воспринимают своё положение в обществе?

В последние годы динамика субъективной бедности частично совпадает с динамикой официальной бедности (рис. 3). Заметный всплеск субъективной бедности пришелся на 2016 г., что, вероятнее всего, стало отголоском валютного кризиса 2014–2015 гг. (рост доли бедных по официальной статистике при этом пришелся на 2015 г.). Относительно предыдущего года 2020 г. характеризуется небольшим спадом в доле официальной и субъективной бедности, однако в 2021 г. их динамика расходится: при снижении официального уровня бедности происходит небольшой рост ее субъективного уровня. На отрицательную динамику субъективной бедности в 2021 г. могла повлиять возросшая инфляция: оценка располагаемых ресурсов, которые могли бы удовлетворить в изменяющихся условиях нужды населения, снижается вместе с самооценками интегрального положения в обществе по уровню доходов; свою роль могли сыграть и общая турбулентность, рост неопределенности. Однако масштаб субъективной бедности в 2021 г. схож с ситуацией

⁹ Росстат представляет информацию о границе бедности в IV квартале 2021 года. Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/157001> (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁰ Реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации (новая методология). Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 20.01.2023).

¹¹ Об индексе потребительских цен в декабре 2022 года. Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_13-01-2023.html (дата обращения: 16.04.2023).

¹² Федеральный закон от 05.12.2022 № 470-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений статьи 4 ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

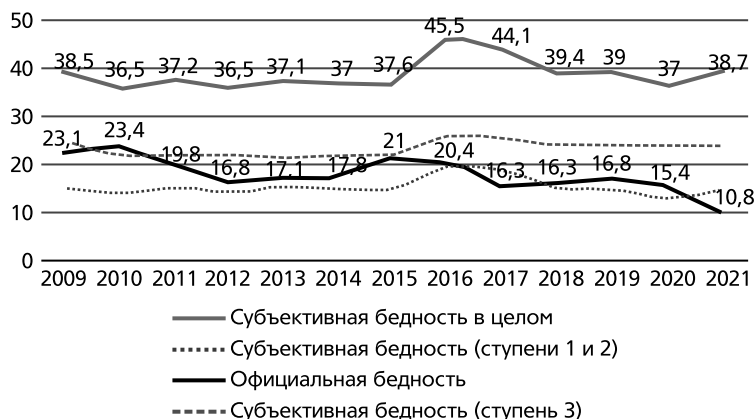

Рис. 3. Динамика субъективной и официальной бедности по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2009–2021 гг., в %

2019 г., поэтому можно говорить скорее не о росте субъективной бедности, а о возвращении ее уровня на докризисный период.

Если рассмотреть разные подгруппы субъективно бедных, заметно, что группа оценивающих себя на 3 ступень более стабильна: основное изменение произошло в 2016 г. (рост с 22% до 26%), и с 2017 г. ее численность остается постоянной. Флуктуации в масштабах субъективной бедности происходят за счет той ее части, которая оценивает себя на самые нижние позиции (1–2 ступени). Ее численность также заметно повышается в 2016 г. (19%), однако до 2020 г. происходит постепенное снижение (до 13%), а в 2021 г. масштаб подгруппы вновь начинает расти.

Таким образом, при резком снижении официальной бедности значительных изменений в масштабах субъективной бедности не происходило. Россияне не почувствовали ухудшения положения, но, несмотря на масштабные социальные выплаты, улучшения самооценок положения также не последовало. В 2020–2021 гг. государство значительно поддержало население, находящееся в зоне риска бедности, однако такие меры социальной политики, вероятнее всего, ситуативны, а их эффекты недолговечны.

Соотношение и характеристики групп официально и субъективно бедных. Помимо различий в динамике, два типа бедности отличаются по составу, и их соотношение между собой может меняться. В 2019–2021 гг. группы россиян, представляющие субъективную и официальную бедность, в большей степени расходились, чем совпадали между собой (см. рис. 4).

Как было отмечено, масштабы субъективной бедности выше, чем официальной, и скорее стабильны во времени, в то время как заметные изменения происходят в официальной бедности. На рис. 4 продемонстрирован растущий перекос в сторону субъективной бедности среди обобщенной группы бедных – россиян, бедных хотя бы по одному из двух оснований, объективному и/или субъективному. Сокращение масштабов официальной бедности происходит по большей мере именно в той ее части, которая не чувствует себя бедной. Заметна также тенденция роста доли субъективно бедных внутри официальной бедности – таким образом, официальная бедность все больше «поглощается» субъективной. Отметим, что в группе официально бедных практически в равной мере представлены и те, кто оценивают себя на 3-ю ступень в иерархии субъективного восприятия, и те, кто считает свое положение более низким (1–2 ступени), – так, в 2021 г. среди официально бедных оказывается 53% субъективно бедных¹³, при этом 28% оценивают свое положение на ступени 1–2 и 26% – на ступень 3.

¹³ Остальные 47% официально бедных отметили свое положение в обществе по шкале от бедных до богатых на оценку 4 и выше.

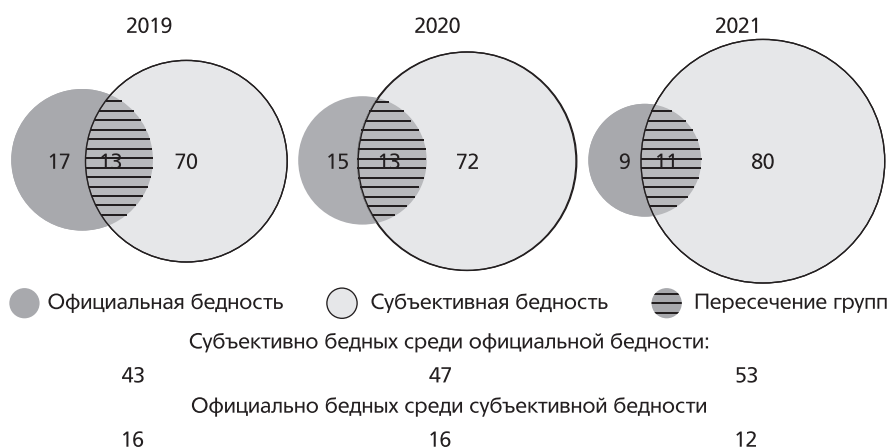

Рис. 4. Соотношение групп официальной и субъективной бедности в 2019–2021 гг., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в %

Примечание. 100% – группа респондентов, бедных хотя бы по одному из двух оснований.

При оценке распространенности официальной бедности в субъективно бедных группах заметна определенная дифференциация: в 2021 г. среди тех, кто оценил собственное положение в обществе на 3 ступень, оказалось 9% официально бедных, а среди оценивших свое положение на 1–2 ступени – уже 16%. Однако для обеих подгрупп доля официально бедных в их составе составляет меньшинство – иными словами, большая часть их представителей не считается государством бедными и выпадает из фокуса программ, направленных на снижение бедности.

С учетом такого соотношения групп официальной и субъективной бедности неудивительно, что их портреты различаются. Из предшествующих исследований уже известно, что субъективная бедность в большей мере представлена людьми старшего возраста, официально находящимися вне границ официальной бедности, но обладающими плохим состоянием здоровья или множественными депривациями, что отягощает их положение и значительно сокращает потребительские возможности в силу необходимости неэластичных затрат [Овчарова, 2012; Карабчук и др., 2013; Слободенюк, 2016]. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, портрет отметившего собственное положение на 3 ступень можно охарактеризовать как близкий к среднестатистическому россиянину, в то время как определившие себя на самые нижние ступени (1–2) обладают более ярко выраженными характеристиками субъективной бедности: они чаще являются пенсионерами, имеют нестабильную занятость, более высокий уровень неудовлетворенности различными жизненными аспектами и беспокойством за будущее, чаще имеют хронические заболевания (хотя лишь незначительно старше определивших себя на 3 ступень).

Группа официально бедных, судя по результатам предыдущих исследований, характеризуется более молодым средним возрастом, а ее структура сдвинута в сторону сел и представлена преимущественно семьями с детьми, а также лицами, занимающими неустойчивые позиции на рынке труда [Овчарова, 2012; Карабчук и др., 2013; Бедность..., 2014; Тихонова, 2014; Слободенюк, 2016]. Эти же характеристики подтверждаются и на наших данных. Значительных изменений в портретах групп за 2019–2021 гг. не произошло, за одним исключением – официальная бедность начала «перетекать» в областные центры: доля жителей областных центров среди бедного населения выросла с 23% в 2017 г. до 29% в 2021 г. Однако официальная бедность все еще остается более характерной для

сельского населения – в сельской местности проживали 46% бедных, в то время как среди населения в целом доля сельского населения ниже и составляет 26%.

Динамика доходов в группах официально и субъективно бедных в последние годы также различается. Группа субъективно бедных оказывается близка к населению в целом: в 2020 г. происходят незначительные изменения медианы дохода относительно 2019 г. (+0,2% среди субъективно бедных / +3% среди населения в целом), тогда как в 2021 г. рост медианных доходов составил +15% / +16% соответственно. В итоге в 2021 г. медианный доход на душу составил 21 400 руб., а для субъективно бедных – на 900 рублей меньше. В это же время медианные доходы официально бедных два года подряд характеризовались постоянным приростом в +7%, а медиана дохода по состоянию на 2021 г. составила 9316 руб. – более чем в 2 раза меньше, чем в субъективной бедности и среди населения в целом. Влияние на изменение структуры доходов оказали детские выплаты: доля детских пособий в общих доходах домохозяйств, которым полагаются детские пособия, выросла с 6% в 2017 г. до 12% в 2021 г., а для официально бедных получателей пособий детские выплаты в 2021 г. составили 18% от совокупных денежных поступлений.

Динамика объективных показателей отражается на субъективном восприятии своего материального положения: россияне декларировали ухудшение в основном в 2020 г., причем группа официально бедных – в меньшей мере, чем субъективно бедные и население в целом, что соотносится с реальной динамикой медианных доходов. Уровень оптимизма относительно будущего улучшения материального положения по населению в целом был максимален в 2019 г. (22%), а затем постепенно снизился в 2020 и 2021 гг. до 16%. При этом доля оптимистов среди субъективно бедных минимальна – в 2021 г. только 8% верили, что в следующем году будут жить лучше. Среди официально бедных этот показатель выше и составляет 14%.

Группы бедных также отличаются в тех депривациях, которые они испытывают (рис. 5). Под депривациями мы понимаем жизненные условия и возможности, отсутствие которых выходит за рамки социальной нормы, сложившейся в обществе на данном этапе его развития (иными словами, большинство населения характеризуется наличием соответствующих условий и возможностей)¹⁴. Предыдущие исследования показали, что в официальной бедности больше тех, кто испытывает жилищные депривации, а субъективно бедные характеризуются лишениями, связанными с ежедневным потреблением [Белопашенцева, 2022].

В целом, заметна большая распространенность разного рода деприваций среди официальной бедности (в особенности это касается жилищных деприваций). Что касается динамики, то обе группы бедных, как и население в целом, стали реже тратить деньги на развлечения, чаще указывать на наличие холодильника no-frost в домохозяйстве, чаще иметь возможность потреблять белковую пищу. Эти изменения можно охарактеризовать «ковидным» периодом изоляции. Улучшения в большей степени коснулись группы субъективно бедных: среди них стало меньше тех, кто не обладает доступом к интернету, жилой площадью более 6 м² на человека, стиральной машиной; меньшая доля говорит о том, что не может позволить себе отдых. Таким образом, в сравнении с 2019 г. в основном наблюдаются изменения в тех условиях жизни, на которые мог повлиять режим самоизоляции.

Результаты исследования еще раз подчеркивают, что объективная реальность специфически отражается в субъективном восприятии населения – только половина официально бедных считает себя бедными, при этом распространение субъективной бедности в России достаточно велико; факторы формирования субъективной бедности, связанные с депривациями, еще нуждаются в дальнейшем изучении. Рассогласования масштабов и динамики

¹⁴ В данном случае мы делаем отсылку к депривационной методологии бедности, рассматривая те жизненные условия и возможности, которые традиционно фигурируют в исследованиях немонетарной относительной бедности в качестве деприваций.

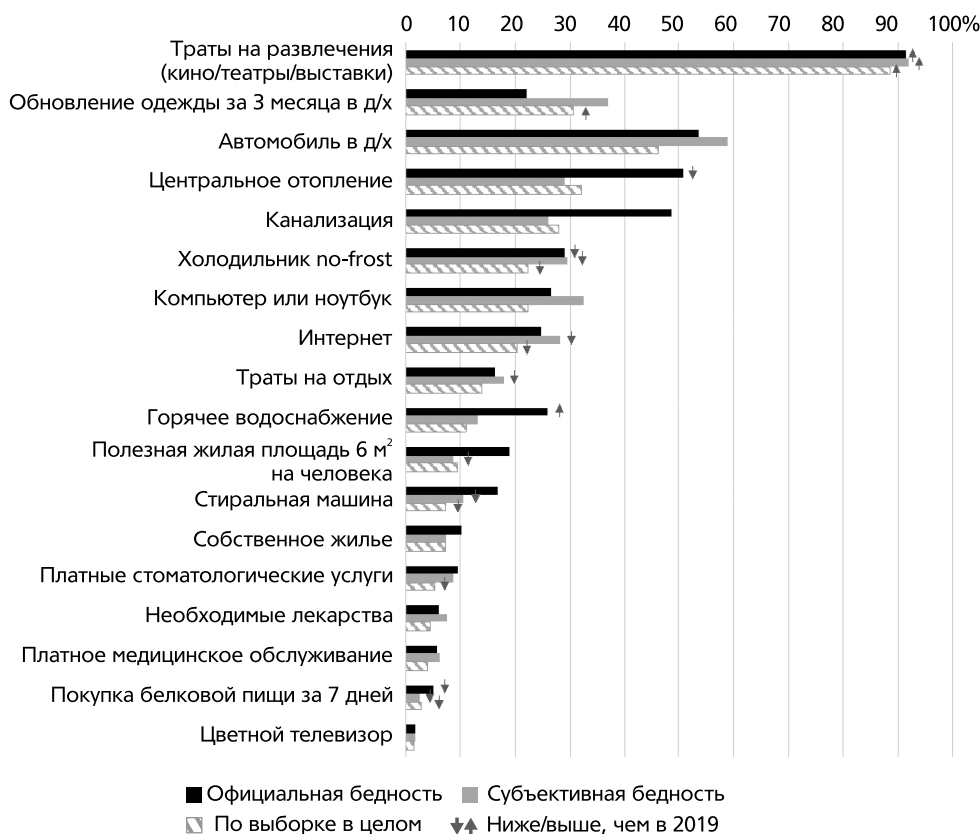

Рис. 5. Распределение деприваций в группах официально бедных, субъективно бедных и по населению в целом в 2021 г., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в %¹⁵

двух измерений бедности – объективного и субъективного – дополнительно подчеркивают необходимость изучения бедности в многомерном контексте, с учетом не только денежного ее измерения. Социальная политика, выстраиваемая без учета этого контекста, может иметь ограниченную эффективность и низкую легитимность в глазах населения.

Основные выводы. Период 2020–2021 гг. ознаменовался значительным сокращением официального уровня бедности, что, с одной стороны, противоречит «кризисной» логике, а с другой стороны, становится логичным следствием смены методологии официальной бедности и активной социально-экономической политики, направленной на преодоление и предупреждение бедности массовых слоев, особенно семей с детьми, традиционно характеризующихся наиболее высокими рисками бедности. Смена официальной методологии выделения бедности с абсолютной на относительную в 2021 г., по нашим оценкам, привела к заниженному показателю границы бедности в сравнении с уровнем прироста доходов и инфляции. Адресная поддержка семей с детьми и безработных граждан в период начала пандемии не дала «скатиться» в бедность тем слоям населения, которые традиционно имеют повышенные ее риски. Вместе с тем динамика субъективной

¹⁵ Динамика показателей (выше / ниже, чем в 2019 г.) приведена согласно значимой разнице долей на основании z-критерия Фишера на уровне доверительной вероятности 95%. Представлены доли от числа ответивших на вопрос.

бедности не показывает положительных изменений, а, скорее, находится на «плато» с небольшим снижением в 2020 г. и обратным повышением в 2021 г. Динамика предыдущего кризиса 2014–2015 гг. показала, что субъективная бедность может иметь отсроченную реакцию на кризисные изменения в силу накопления некоторого запаса прочности в благополучные годы (сбережения, товары длительного пользования, инвестиции в человеческий капитал), который постепенно иссякает в течение кризисных периодов, приводя за собой отсроченное чувство ухудшения своего положения. Как субъективная, так и официальная бедность в период 2020–2021 гг. не показывают значительных изменений в портрете своих типичных представителей, за исключением того, что официальная бедность «перетекает» в крупные города, хотя по-прежнему остается более характерной для сельской местности.

Дальнейшая динамика объективного и субъективного измерения бедности сложна для оценок – масштабы официальной бедности находятся в зависимости от методологий подсчета и мер социальной политики, субъективной – от инфляции, общего социально-экономического фона и настроений граждан, степени неопределенности и масштабов турбулентности. Параллельное изучение бедности через призму разных методик необходимо для понимания объективного положения населения (причем не только с точки зрения достаточности доходов, но и наличия или отсутствия тех или иных условий и возможностей, типичных для большинства населения), субъективного восприятия ситуации и своего положения самими россиянами, а также их соотношения. Заметное рассогласование объективного и субъективного измерения бедности может означать ограниченную адресность и эффективность предпринимаемых мер поддержки населения. Более того, повышение субъективного благополучия подразумевает дополнительные меры регулирования – от расширения понимания уязвимых групп населения до разработки новых мер социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014.
- Белопашенцева П.В. Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 4(170). С. 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224.
- Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения / Под ред. В.В. Радаева. М.: ВШЭ, 2023. DOI: 10.17323/978-5-7598-2756-6.
- Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Социология. Этнология. 2013. № 1. С. 155–175.
- Красильникова М.Д. Как российское население переживает очередной экономический кризис // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 4. С. 162–181.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. Т. 12. С. 24–40. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40.
- Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.
- Пишняк А.И., Горина Е.А., Корчагина И.И., Тер-Акопов С.А. Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 70–93. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93.
- Разумов А.А., Селиванова О.В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 75–88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88.
- Ржаницына Л.С. Совершенствование системы получения алиментов – путь снижения бедности // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 130–135. DOI: 10.31857/S013216250013850-8.
- Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 183–200. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200.
- Слободенюк Е.Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4(123). С. 82–92.

- Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего. Докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2022 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой, О.В. Сиявской. М.: ВШЭ, 2022.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Ин-т Гайдара, 2016.
- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137.
- Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Под ред. Н.Л. Овчаровой. М.: ВШЭ, 2014.

Статья поступила: 06.06.23. Финальная версия: 18.08.23. Принята к публикации: 25.09.23.

OFFICIAL AND SUBJECTIVE POVERTY IN RUSSIA: THE IMPACT OF 2020–2021 EVENTS

BELOPASHENTSEVA P.V.

Higher School of Economics, Russia

Polina V. BELOPASHENTSEVA, Intern Researcher at the Centre for Stratification Studies, Higher School of Economics Institute for Social Policy, Moscow, Russia (pbelopashentseva@hse.ru).

Acknowledgements. Based on the data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics (RLMS-HSE).

Abstract. The article examines the impact of 2020–2021 events on official and subjective poverty. The expediency of using the term “official poverty” to refer to all methodological approaches (absolute until 2021 and relative from 2021) used by the government to establish the poverty line is substantiated. Based on the data of the Russian monitoring of the economic situation and health of the population of the National Research University Higher School of Economics, it is shown that official poverty showed an atypical decline during the crisis period, which, as might have been expected, was the result of a change in the methodology for determining the poverty line and the impact of social policy measures. Subjective poverty kept the pre-crisis level. The relation between officially and subjectively poor groups remained stable, the group portraits also did not show significant transformations, and the changes in living conditions are largely related to the habits of the self-isolation period. The revealed differences in the scale and dynamics of official and subjective poverty once again emphasize the importance of a multidimensional analysis.

Keywords: subjective poverty, official poverty, absolute poverty, poverty line, deprivation.

REFERENCES

- Belopashentseva P.V. (2022) What Does the Deprivation Approach Say About Russian Poverty? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224. (In Russ.)
- How Russians Cope With the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population* (2023). Ed. by V.V. Radaev. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E. (2013) Household Poverty in Russia: What Does the RLMS-HSE Data Say. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 155–175. (In Russ.)
- Krasil'nikova M.D. (2010) How Russian Population Goes Through Yet Another Economic Crisis. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 4: 162–181. (In Russ.)
- Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Y. (2020) Chronic Poverty: What Affects its Level and Severity? *Voprosy ekonomiki* [Question of Economic]. No. 12: 24–40. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40. (In Russ.)
- Ovcharova L.N. (2012) Theoretical and Methodological Issues of Definition and Measurement of Poverty. *SPERO. Socialnaya politika: ekspertiza, rekomendacii, obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews]. No. 16: 15–38. (In Russ.)

- Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Popova D.O., Vardanyan E.G. (2014). *Poverty Level and Poverty Profile in Russia: From 1990 to Nowadays*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Pishnyak A.I., Gorina E.A., Korchagina I.I., Ter-Akopov S.A. (2021) Financial Well-Being of the Population in the Pandemic: The Impact of the Income Support Policy Response in Russia. *Ekonomicheskaya Politika* [Economic Policy]. Vol. 16. No. 6: 70–93. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93. (In Russ.)
- Poverty and Poor in Modern Russia* (2014). Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Razumov A.A., Selivanova O.V. (2021) Poverty in Russia: Regional Features and Prospects for Poverty Reduction Instruments. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Research]. No. 4: 75–88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88. (in Russ.)
- Rzhanitsyna L.S. (2021) Improving the Situation of Children in Divorced Families – a Way to Reduce Poverty. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 130–135. DOI: 10.31857/S013216250013850-8. (In Russ.)
- Slobodenyuk E.D. (2016) Factors of Absolute and Subjective Poverty in Modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4: 82–92. (In Russ.)
- Slobodenyuk E.D. (2017). Consequences of the 2015 Crisis: Slipping Into Poverty or Precarity? *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 15(2): 183–200. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200. (In Russ.)
- Social Protection in Russia Before and After the Pandemic: Forks of the Future* (2022). Ed. by L.N. Ovcharova, O.V. Sinyavskaya. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. *Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress* (2016). Transl. I. Kushnareva, T. Drobyshevskaya. Moscow: In-t Gaydara. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. (2022) Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 113–137. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) Poverty Phenomenon in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 7–19. (In Russ.)

Received: 06.06.23. Final version: 18.08.23. Accepted: 25.09.23.

Н.Д. КОЛЕННИКОВА

ОБРАЗЫ «РОССИИ БУДУЩЕГО» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГРАЖДАН

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (kolennikova-nina@mail.ru).

Аннотация. На данных общероссийского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в июне 2023 г., анализируются представления россиян о будущем России в краткосрочной и среднесрочной перспективах. В отношении ближайшей перспективы доминируют тревожные настроения; стабильности – одной из наиболее ценных для населения выгод – им не ожидается. В отношении желаемого будущего в российском общественном сознании отмечается сосуществование четырех востребованных образов, условно обозначенных как «государство равенства и справедливости», «государство традиционных ценностей», «национальное государство» и «государство свободного рынка». Первые три из них выступают детерминантой консолидации населения на позиции самостоятельного развития России, а последний, теряющий поддержку массовых слоев, объединяет сторонников следования России по западному вектору развития. Первые три сценария в качестве ключевого компонента содержат следование принципу социальной справедливости, интерпретируемой населением по-разному. Продемонстрированы четыре модели будущего, основанные на разных представлениях о справедливости, обозначенные как «запрос на равные возможности», «запрос на сокращение доходного неравенства», «запрос на одинаковый уровень жизни» и «запрос на снижение территориальных неравенств». Наибольший консолидационный потенциал характерен для группы, ориентированной на будущее страны с сильной властью, сохранением национальных традиций, самобытным вектором развития страны, хотя ценности социальной справедливости важны и для нее.

Ключевые слова: образ будущего • модель общественного устройства • социальная справедливость • общественное сознание • цивилизационный выбор • мировоззренческие установки • социальные противоречия

DOI: 10.31857/S013216250028307-0

Теоретические предпосылки социологических исследований образа будущего. Проблемное поле исследований образа будущего страны носит во многом междисциплинарный характер. В рамках социальных и гуманитарных наук существуют различные направления и подходы к его изучению, наиболее крупными из которых представляются футурологическое (связанное с прогнозами будущего [Бестужев-Лада, 2007]), и исследования, направленные на изучение сущности предпосылок и компонентов образа будущего (ценностных, мировоззренческих, психологических и др.). Большинство исследований образа будущего проводится в русле второго подхода, который условно обозначают как исследовательскую альтернативистику [Динабург, 2016]. Относительная универсальность компонентов образа будущего и их многовариантность во многом определяют междисциплинарность этой исследовательской области, что позволяет изучать компоненты образа будущего с применением спектра исследовательских подходов – социологического [Андреев и др., 2022; Шестопал и др., 2019], психологического [Нестик, 2014], географического [Замятин, 2000] и др.

Автор остановится далее на социологическом анализе образа будущего страны, при котором важно учитывать несколько теоретических предпосылок, очерчивающих границы получаемых результатов.

Первая из них во многом задает интерпретационную схему исследования и восходит к тезисам З. Баумана о компетенции социологической науки. Она предполагает, что каждый момент истории – развилка путей, ведущих к нескольким возможным будущим. Исходя из множественности вариантов будущего, социологическая интерпретация может информировать о тенденциях, очевидных в настоящем, о наличии выбора и о возможных его альтернативах, а также о соответствующих последствиях. Таким образом социология дает обществу возможность делать выбор конкретного сценария сознательно, но самое большее, что может сделать социолог, думая о будущем облике обществе, – экстраполировать тенденции на основе его нынешнего облика (З. Бауман, 2006).

Вторая теоретическая предпосылка восходит к основам социального конструирования и отводит ключевую роль социальной повседневности как источнику создания и воспроизведения социальной реальности (Р. Бергер, Т. Лукман). Ее дополняет тезис о влиянии текущей общественной ситуации на количественно-качественные характеристики массовидных духовных образований как состояний сознания больших социальных общностей [Горшков, 2021]. В этой связи сразу надо подчеркнуть, что российская ситуация характеризуется высоким уровнем социальной неопределенности, который во многом связан с проведением СВО на Украине и напряженными отношениями с западными странами.

Третья предпосылка позволяет оценить вероятность воплощения того или иного образа будущего в рамках различных временных перспектив. Она базируется на идее самоисполняющегося пророчества, когда доминирующие убеждения в комплексе становятся руководством к их воплощению в реальности [Thomas, Thomas, 1928; Merton, 1968].

С учетом обозначенного далее мы обратимся к вопросам о том, каким представляется россиянам видение ближайшего будущего, а также желаемых и наиболее вероятных отдаленных перспектив. Особый интерес представляет анализ взаимосвязи видения будущего с оценками СВО и влияния западных санкций на жизнь россиян. Понятие образа будущего при этом интерпретируется в контексте коллективных представлений о футуристических ожиданиях в отношении ближней или более отдаленной перспективы [Aalders, 1939; Желтикова, 2021].

Основную эмпирическую базу исследования составили результаты 14-й волны мониторингового опроса, проведенного методом face-to-face Институтом социологии ФНИСЦ РАН в июне 2023 г. по общероссийской районированной квотной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей взрослое (18 лет и старше) население РФ по полу, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Для анализа динамики отдельных показателей использовались данные многолетних мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, осуществленных по аналогичной модели выборки¹.

Представления россиян о ближайшем будущем страны. Динамика оценок ближайших перспектив развития страны на протяжении последних 12 лет характеризовалась преобладанием пессимистичных ожиданий, которые в начале 2010-х гг. обуславливались последствиями кризиса 2008–2009 гг., затем периодом нестабильности 2014–2016 гг., коронакризисом 2020–2021 гг. и усилившимся санкционным воздействием «коллективного Запада» в связи с началом в 2022 г. СВО на Украине (рис. 1).

При этом ни коронакризис, ни СВО значимым образом не сказались на снижении позитивных ожиданий граждан, поскольку это снижение было запущено в 2018 г. принятием закона о пенсионной реформе. Специфичность общественной ситуации после начала СВО

¹ С подробной информацией о методических особенностях проведения мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН можно ознакомиться в серии монографий «Российское общество и вызовы времени», подготовленных по результатам этих опросов, последняя из которых опубликована в 2022 г. [Российское общество..., 2022].

Рис. 1. Динамика оценок россиянами перспектив развития России в ближайший год, 2011–2023 гг., %

заклучалась в скачкообразном росте сначала социального пессимизма в 2022 г., а затем социального оптимизма к лету 2023 г. Примечательно также, что стабильности, долгое время остававшейся одной из наиболее ценных для россиян выгод от лояльности существующей власти, населением не ожидалось. Отсутствия принципиальных изменений в ближайший год ожидают только 18% россиян, хотя еще в 2021 г. их было более трети. Это указывает на сужение горизонта будущих перспектив в условиях высокой неопределенности. В то же время вектор развития ситуации в массовом сознании не воспринимается исключительно негативным и даже внушает для части населения надежду на перемены к лучшему.

Кроме того, видение ближайшего будущего сопровождается характерным эмоциональным состоянием россиян, которое укладывается в диапазон одного и того же спектра двух основных чувств, надежды и беспокойства, испытываемых в связи с личными (соответственно 28,9 и 31,8%) и страновыми (31,3 и 31,0%) перспективами. Россиянам не свойственны депрессивные и откровенно негативные чувства (страх и отчаяние испытывают в сумме не более 10%). Однако доминирование на протяжении последних лет чувства беспокойства в отношении собственного будущего и будущего страны (в течение последнего пятилетия его испытывали от четверти до трети опрошенных в разные годы) указывает на утрату эмоциональной опоры для значительной части населения. Отчетливо прослеживается убывание социального оптимизма в отношении будущего от локального к страновому уровню. Если чувства уверенности в хорошем будущем и спокойствия в отношении собственных перспектив испытывают в совокупности 30,6% россиян, то применительно к будущему страны таких 25,9%. Эту тенденцию исследователи связывают с ограниченными возможностями контроля индивидом коллективного будущего [Schweizer, Rauch, 2008], в связи с чем ситуация на локальном и в особенности на индивидуальном уровнях может восприниматься позитивнее.

На фоне роста неопределенности в обществе наибольшей дифференцирующей силой обладают нематериальные факторы. Проведенный анализ методом деревьев классификации позволил выделить наиболее значимые из них. Как показало исследование, пессимистическим видением ближних перспектив России отличались чаще всего те, кто считал, что для соответствия справедливому обществу необходимо соблюсти принципы, связанные с сокращением различий в уровне жизни населения (34,0 против 30,2% среди оптимистов), численности бедных (49 против 43,2%) и обеспечением равного доступа к медицинскому обслуживанию (63,1 против 55,4%), желаемому образованию (51,2 против 43,4%), хорошим рабочим местам (49 против 45,4%), решению жилищных вопросов (47,6 против 40,8% соответственно). Учитывая не просто высокую, а системообразующую роль концепта социальной справедливости для доминирующей ценностно-нормативной модели [Российское общество..., 2022], отступление от указанных принципов или их

игнорирование способно значимо снижать уверенность населения в успешности будущего страны и, соответственно, негативно сказываться на социальной мотивации россиян.

Накладывает свой отпечаток на настроения в отношении ближних перспектив и ценностное размежевание по линии поддержки пророссийского или прозападного вектора развития. Если позиция сторонников самобытного российского пути относительно краткосрочных перспектив страны не отличается от среднестатистической, то среди ориентирующихся на западные образцы и модели развития относительно чаще доминируют пессимистические ожидания (61,4 против 54,0% в группе последовательных сторонников пророссийского курса).

Таким образом, высокая роль нематериальных факторов в вопросах видения будущего свидетельствует о системообразующей роли мировоззренческих и ценностных оснований в его формировании. Наряду со спецификой восприятия ближних перспектив, которые в высокой степени обусловлены текущей общественной ситуацией и эмоциональным состоянием россиян, а также их мировоззренческими и ценностными установками, важен и вопрос о восприятии ими более отдаленного и желаемого будущего, а также определяющих его компонентов. Складывается ли у россиян – несмотря на взгляд в ближайшую перспективу с опаской, но и надеждой на лучшее – образ будущего, желаемый к воплощению в среднесрочной перспективе?

Типология образов желаемого будущего. Как следует из таблицы 1, в общественном сознании россиян присутствуют довольно яркие и имеющие значительное число сторонников доминанты образа России будущего, хотя ни одна из них не присуща большинству населения. Это указывает на вероятное сосуществование в общественном сознании россиян нескольких востребованных образов будущего.

Специфика динамики компонентов образа будущего также примечательна. Во-первых, ни один из них не получил значимого прироста сторонников в сравнении с предыдущим годом. Относительно устойчивы в этом отношении запросы на сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей, а также на национальное государство.

Таблица 1

Динамика ответов россиян на вопрос «Какой вы хотели бы видеть Россию будущего?», 2021–2023 гг., %²

Характеристики России будущего	2021	2022	2023
Страна, где обеспечивается социальная справедливость	51,0	47,0	45,0
Страна, сохранившая национальные традиции, моральные и религиозные ценности	33,4	38,8	37,6
Страна, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	41,4	38,8	35,4
Великая держава мира	26,5	35,1	32,9
Страна, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	31,3	40,2	32,7
Страна, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	19,9	16,8	13,8
Страна, в первую очередь, для русских, то есть русское национальное государство	12,3	8,2	11,2
Страна, в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	15,6	21,1	10,7
Страна – активный партнер Запада, современных развитых стран	14,5	13,7	8,0
Ни одно из этих определений не выражает мое представление о желаемом будущем России	–	–	4,2

² Светлым фоном в таблице выделены показатели, которые год от года снижались, темным фоном – те, в отношении которых зафиксирован рост в 2022 г. и снижение в 2023 г.

Во-вторых, несколько ослабели запросы на социальную справедливость, несмотря на высокую значимость этой ценности для россиян и сохранение ее доминирования в 2023 г., а также на правовое демократическое государство, ограничение социальных неравенств и активное партнерство с Западом как основу государства будущего. В-третьих, отмечался всплеск державных амбиций после начала СВО, запросов на «сильную руку» и на невмешательство государства в экономику. Однако он был, вероятно, ситуативной реакцией на рост социальной тревожности и напряженности на фоне начала СВО, так что к 2023 г. эти черты образа будущего в общественном сознании существенно ослабели.

Результаты факторного анализа³ продемонстрировали наличие как минимум четырех разновидностей образов будущего⁴.

Первый из них, компоненты которого имеют наибольшее число сторонников среди россиян, может быть условно назван «Государством равенства и справедливости». Этот образ связан с желанием обеспечения в стране соответствующих принципов.

Следующий образ, компоненты которого также популярны среди россиян, может быть назван «Государством традиционных ценностей». Он связан с запросом на сильную власть, обеспечивающую порядок и развитие, на сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей.

Третий образ желаемого будущего – «Государство свободного рынка». Элементы его не только мало востребованы среди россиян, но и потеряли за последний год сторонников. Именно этот образ в современной ситуации формирует альтернативу для россиян, связывающих будущее России с ориентацией на развитие партнерства с западными странами, а также обеспечением свободного рынка, частной собственности и минимального вмешательства государства в экономику. Такой образ будущего не коррелирует с желанием видеть Россию великой державой мира и сохранить в ней традиционные ценности. С ценностями социальной справедливости этот образ будущего тоже не согласуется.

Четвертый образ, который может быть условно назван «Национальным государством», объединил не очень популярную, но имеющую стабильную долю сторонников идею видения России как страны для русских с сопутствующим желанием ограничения социальных неравенств и социального расслоения.

Эти образы желаемого будущего в высокой степени самостоятельны, имеют оформившееся идеологическое ядро и не коррелируют друг с другом. Их множественность формирует серьезный вызов для политиков, которые должны учитывать эти очень разные по содержанию предпочтения граждан.

Ключевыми для рассматриваемых образов будущего оказались ценностные и мировоззренческие основания, тогда как социально-демографические характеристики не продемонстрировали значимых взаимосвязей. Таким образом, принадлежность к доходной, образовательной, профессиональной или территориальной группе не является существенной причиной поддержки того или иного сценария развития страны в будущем. Правда, в некоторой мере может сказываться этап жизненного цикла: среди молодежи чуть выше доля тех, кто в желаемые для них образы будущего вкладывает компоненты, связанные с обеспечением прав человека, демократией и свободой самовыражения личности (46 против 30,1% среди тех, кто старше 65 лет), свободным рынком (соответственно 18,7 против 8,6%), партнерством с западными странами (18,7 против 6,5%).

Принципиальные размежевания в видении желаемого будущего формируются по линии поддержки пророссийского или прозападного векторов развития страны [Сушко, 2022], а также по отношению к СВО. Сторонники западноориентированного вектора

³ Использовался метод главных компонент, вращение Варимакс, процент объясненной дисперсии – 54%.

⁴ С точки зрения формальной логики и научно-академического дискурса перечисленные далее модели не являются антитезами друг другу, но в массовом сознании в силу его некоторой алогичности они сосуществуют скорее как альтернативы или даже как объективно противостоящие друг другу ментальные комплексы.

развития России отдают приоритет сценарию будущего, связанному с развитием в стране свободного рынка. Ассоциирующие желаемое будущее страны с ее самобытностью не склоняются к какому-то одному из сценариев будущего за тем единственным исключением, что они чаще не приемлют модель, основанную на принципах свободного рынка.

Среди сторонников «Государства свободного рынка» чаще распространено мнение, что СВО на Украине можно было бы избежать. В целом этого мнения придерживается каждый пятый россиянин (21,4%), но среди тех, кто в качестве ключевых компонентов образа будущего видит активное партнерство между Россией и Западом и минимизацию государственного участия в экономике страны (28,6%), эти доли соответственно выше – 43,1 и 28,6%. Сторонники модели «Государства традиционных ценностей», напротив, чаще склонны к мнению о том, что проведения СВО нельзя было избежать. В частности, его придерживается почти половина сторонников обеспечения в стране сильной власти (47,7%) и преемственности национальных традиций (48,3%), хотя в среднем по стране эта доля составляет 41,5%. Характерна для этих групп и убежденность в том, что западные санкции не будут иметь для будущего России крайне негативных последствий (43,5 и 43,0% против 37,8% в среднем среди россиян).

Существуют некоторые различия в ценностных предпочтениях, которые наиболее четко прослеживаются по большей части между сторонниками «государства традиционных ценностей» и «государства свободного рынка». Для первых наиболее характерным является убеждение, что главное – это уважение к сложившимся традициям. Его придерживается 70,5% россиян, желающих видеть Россию страной, сохранившей национальные традиции, и 68,1% выступающих за страну с сильной властью. Такие убеждения распространены среди большинства сторонников трех из четырех рассматриваемых образов будущего. Исключение составляет часть населения, отдающая предпочтение «государству свободного рынка». Ценностная опора этой аудитории формируется в идее свободы передвижения, выраженной в тезисе «человек может жить в той стране, где ему больше нравится». Его придерживается 69,4% видящих будущее России в партнерстве с Западом, 57,3% выступающих за страну со свободным рынком и минимумом государственного вмешательства в экономику и 55,0% связывающих будущее развитие страны с идеями прав человека, свободы и демократии (против 47,2% сторонников этой позиции среди россиян в целом). Аудитория сторонников «Государства свободного рынка» также чаще декларирует опору на собственные силы в обеспечении себя и своей семьи (71,2, 62,3 и 54,2% соответственно против 51,2% в среднем по стране).

Модели справедливого общества в оценках россиян. Помимо рассмотренных образов желаемого будущего не менее важен вопрос, на основе каких принципов эти образы могут быть воплощены. Динамика мнений о таких принципах за последние три года демонстрирует изменения, хотя перелома в этом отношении под влиянием пандемии, СВО и санкционного кризиса не произошло (рис. 2).

Можно заметить, что повысилась актуальность запроса на равные возможности в получении желаемого образования и в решении жилищного вопроса, а также на продолжение борьбы с бедностью. Однако наибольшей популярностью пользуется, как и раньше, запрос на равный доступ к медицине.

С помощью факторного анализа⁵ в отношении желаемого среднесрочного будущего также были выявлены модели, объединяющие различные принципы построения справедливого общества. Наличие нескольких моделей указывает на то, что трактовка одной из ключевых ценностей для россиян – социальной справедливости – интерпретируется ими по-разному.

Первую модель справедливого общества условно можно обозначить как «запрос на равные возможности». Она включает такие компоненты, как принцип равенства доступа

⁵ Использовался метод главных компонент, вращение Варимакс, процент объясненной дисперсии – 52%.

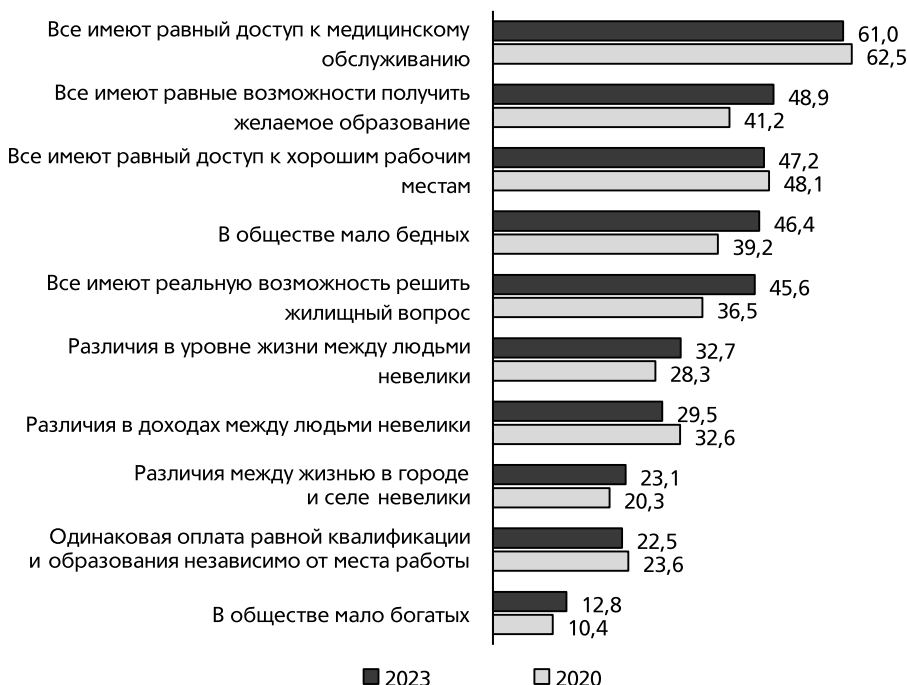

Рис. 2. Динамика ответов россиян на вопрос «Какие принципы должны соблюдаться в России будущего, чтобы ее можно было считать справедливым обществом?», 2020–2023 гг., %

к медицинскому обслуживанию, получению желаемого образования, хорошим рабочим местам и решению жилищного вопроса. Вторая модель – «Запрос на сокращение доходного неравенства» – объединяет принципы, связанные с небольшими различиями в доходах между людьми, а также невысокой численностью в справедливом обществе бедных и богатых. Третья модель – «запрос на одинаковый уровень жизни» – сформирована единственным соответствующим компонентом. В основу четвертой модели – «запрос на снижение территориальных неравенств» – также лег единственный соответствующий компонент.

На распространенности мнений и рассматриваемых принципах устройства желаемого общества будущего снова практически не сказываются объективные критерии. Исключение только «запрос на равные возможности», который относительно чаще актуализирован среди сельчан, россиян без профессионального образования, рабочих разной квалификации (в особенности неквалифицированных). Эти группы в наибольшей степени чувствуют себя дискриминированными в отношении доступности удовлетворения базовых социальных потребностей и чаще склонны требовать равенства доступа к ним.

Рассмотренные образы желаемого будущего страны и модели устройства справедливого общества имеют отсылки к историческому опыту. Образы, связанные с социальной справедливостью, традиционными ценностями, наличием сильной власти, чаще коррелировали с желанием при возможности жить в различных периодах СССР. Так, в группе выбирающих период раннего СССР (период И.В. Сталина) будущее современной России чаще видится как традиционалистское, в котором обеспечен примат моральных и религиозных ценностей (52,6 против 37,6% среди россиян в целом). Также в группе симпатизирующих периоду раннего СССР наиболее популярны компоненты модели справедливого устройства России как государства, борющегося с доходными неравенствами: в этой

группе заметно больше считающих, что различия в доходах между людьми должны быть невелики (47,4 против 29,5% в среднем по стране).

Напротив, образы, ассоциирующиеся с капиталистическими и демократическими принципами, а также с расширением возможностей для населения, чаще корреспондируются с желанием жить в эпоху перестройки и «ельцинской» России. Например, среди желающих жить в эпоху перестройки четко прослеживается поддержка минимизации государственного присутствия в экономике (38,1 против 10,7% среди россиян в целом), а также запрос на расширение возможностей, связанных с доступом к медицинскому обслуживанию (66,7 против 61,0% среди россиян в целом), желаемому образованию (66,7 и 48,9% соответственно), хорошим рабочим местам (57,1 и 47,2%) и решению жилищного вопроса (76,2 и 45,6%). Среди желающих жить в период руководства Б.Н. Ельцина наряду с указанными компонентами особенно актуализирован также запрос на партнерство с западными странами (42,9 против 8% среди россиян в целом).

Представления россиян о приоритетном цивилизационном векторе развития России. Особый интерес на этом фоне представляет видение россиянами наиболее вероятного будущего и то, с чем оно связывается. Ключевой вектор в этом отношении на фоне текущей ситуации задает вопрос не столько о том, каким видится будущее России с точки зрения его содержания, сколько о ценностном и культурном контекстах, в рамках которых это будущее представляется реализуемым. В настоящее время этот контекст формируется представлениями о следовании России самобытным путем или же ориентацией на западные страны. Большинство россиян в этом отношении на протяжении последних 20 лет имеют образ будущего, связываемый с акцентом на самобытность и уникальность России, ее развитие без копирования западного образа жизни. Меньшинство россиян видит вероятное будущее в контексте партнерства с Западом (рис. 3).

Предпочтение той или иной альтернативе снова не имеет тесной взаимосвязи с тем, к какой образовательной, профессиональной или доходной группе принадлежит индивид. Сказывается на таких установках лишь этап жизненного цикла человека: чем он моложе и, соответственно, с высокой вероятностью больше сам ориентирован на внешние образцы, тем чаще и в отношении страны он склонен отдавать предпочтение пути следования правилам, по которым живут западные страны (34,7% в группе 18–30-летних против 13,7% среди тех, кто старше 66 лет). Однако даже среди молодежи до 25 лет такая точка зрения не является доминирующей позицией (41,7%).

Носители установок о необходимости для России следовать своим путем чаще ассоциируют желаемое будущее страны с теми его компонентами, которые связаны с сохранением национальных традиций и обеспечением сильной власти. Напротив, ориентированные на западный вектор развития России и ее цивилизационную близость с Европой

Рис. 3. Динамика установок россиян в отношении приоритетного вектора развития России, 2003–2023 гг., %

Таблица 2

Взаимосвязь мировоззренческих установок россиян в отношении цивилизационного вектора развития России и компонентов различных сценариев желаемого будущего для страны, 2023 г., %

Установки	Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни
<i>Компоненты желаемого образа будущего «государство равенства и справедливости»</i>		
Страной, где обеспечивается социальная справедливость	41,1	46,2
Страной, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	12,5	14,2
<i>Компоненты желаемого образа будущего «государство традиционных ценностей»</i>		
Страной, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	15,7	37,5
Страной, сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности	25,9	41,1
<i>Компоненты желаемого образа будущего «государство свободного рынка»</i>		
Страной – активным партнером Запада, современных развитых стран	20,8	4,4
Страной, в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	16,2	9,0
<i>Компоненты желаемого образа будущего «национальное государство»</i>		
Страной, в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	8,1	12,1
<i>Другие компоненты образа желаемого будущего России</i>		
Страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	50,6	31,2
Великой державой мира	21,7	36,2
Ни одно из этих определений не выражает их представление о желаемом будущем России	4,6	3,8

Примечание. Фоном в таблице выделены показатели, превышающие средние по массиву более чем на 3 п.п. Жирным шрифтом выделены два максимальных значения по столбцу.

чаще мыслят будущее страны в контексте партнерства с западными странами, минимального вмешательства государства в экономику, а также обеспечения прав человека, демократии и свободы самовыражения личности (табл. 2). На этом фоне наиболее популярный образ российского будущего, связываемый с ценностями равенства и справедливости, оказывается наименее связанным с идеологическим противостоянием между условными западниками и сторонниками самобытного пути развития России. Независимо от склонности к тем или иным взглядам на эту проблему, справедливость общественного устройства является доминирующим требованием к будущему страны всех групп россиян.

Уверенность в глобальных успехах России в контексте образов будущего. Рассмотрим представления о наиболее вероятном российском будущем в контексте ключевых маркеров успешного и развитого государства.

В ходе исследования выявлены три группы россиян с различными установками на успешность среднесрочного будущего с точки зрения глобальных достижений страны

Таблица 3

**Специфика групп россиян с разной степенью уверенности
в успешном будущем России, 2023 г., %⁷**

Группы	Убежденные в успешном настоящем	Уверенные в успешном будущем	Надеющиеся на успешное будущее	По массиву в целом
<i>Россия – ведущая промышленная держава, успешно конкурирующая с другими странами мира</i>				
Она уже является таковой	99,1	37,4	8,9	37,4
Это вполне возможно	–	61,8	56,9	50,2
Это маловероятно / нереально	0,9	0,8	34,2	12,1
<i>Россия – энергетическая и сырьевая «сверхдержава», осуществляющая поставки ресурсов в другие страны</i>				
Она уже является таковой	99,7	77,3	33,7	65,7
Это вполне возможно	–	22,6	57,8	31,0
Это маловероятно / нереально	0,3	0,1	8,5	3,0
<i>Россия – ведущая научная держава, ее ученые делают открытия и изобретения, пользующиеся спросом во всем мире</i>				
Она уже является таковой	100	40,9	6,0	38,2
Это вполне возможно	–	58,8	61,3	50,2
Это маловероятно / нереально	–	0,3	32,7	11,3
<i>Россия – страна передового образования, в нее едет учиться молодежь со всех концов мира</i>				
Она уже является таковой	100	31,9	3,8	33,0
Это вполне возможно	–	63,8	52,5	49,5
Это маловероятно / нереально	–	4,3	43,7	17,2
<i>Россия – страна высокой культуры, произведения ее писателей, музыкантов, художников вызывают интерес во всем мире</i>				
Она уже является таковой	100	70,4	20,5	57,8
Это вполне возможно	–	29,3	59,2	34,8
Это маловероятно / нереально	–	0,3	20,2	6,2
<i>Россия – страна уникальной природы, истории, в нее едут туристы из всех стран мира</i>				
Она уже является таковой	100	72,5	25,4	60,4
Это вполне возможно	–	27,4	63,5	35,4
Это маловероятно / нереально	–	0,1	11,1	3,8
<i>Россия – мощная военная держава, с которой в мире, основанном на «праве сильного», все вынуждены считаться</i>				
Она уже является таковой	100	65,2	10	51,7
Это вполне возможно	–	34,7	63,8	39,0
Это маловероятно / нереально	–	0,1	26,2	9,0

в ключевых сферах⁶. Первая объединяет 15,9% россиян, убежденных в успешности уже «настоящего», вторая и наиболее массовая группа состоит преимущественно из уверенных, что если не сейчас, то в будущем Россия достигнет значимых успехов в ключевых сферах (49,8%), а в третьей группе, несмотря на доминирование позитивных взглядов, фиксируется максимальная доля тех, кто сомневается в достижении Россией глобальных успехов (34,3%) (табл. 3).

⁶ Использовался двухэтапный кластерный анализ, силуэтная мера связности и разделения кластеров – средняя.

⁷ Светлым фоном в таблице выделены максимальные значения по столбцу. Темным фоном выделены показатели, в разы превышающие пессимистические оценки вероятных успехов в среднем по массиву.

При этом оптимизм в успешности настоящего страны коррелирует с комплексом таких консолидирующих данную часть населения детерминант, как поддержка самобытного пути развития России, ориентированность на дружественные отношения с ближайшими соседями, признание наличия внешней угрозы, уверенность в действенности меритократических принципов на пути к достижению социального благополучия человеком в стране и другие. Аудитория убежденных в успешности настоящего отличается также высокой консолидированностью своего отношения к СВО, а желаемое будущее относительно чаще связывается ими с наличием сильной власти в стране и ее ролью великой державы⁸. Представители же остальных групп в этом отношении скорее транслируют микс из желаемых компонентов будущего, которые могут быть схожи с точки зрения заложенных в них базовых принципов, но мало сочетаемы в контексте современной общественной ситуации.

Отдельно стоит отметить взаимосвязь оценок успешности среднесрочного будущего с видением ближайших перспектив. Если первое видится большинству россиян исключительно в положительном ключе, то в отношении ближайшего будущего, как отмечено выше, доминируют тревожные настроения. Схожие тенденции отмечены и в других отечественных исследованиях, фиксирующих, что актуальная действительность часто описывается россиянами в негативных тонах и сопровождается надеждами на будущее, которые, как правило, не связываются ими с собственной деятельностью [Измоденова, 2018]. Это не может не снижать у россиян ощущение индивидуальной субъектности. При этом сочетание надежды и уверенности в успешном среднесрочном будущем способствует более оптимистичному видению ближайших перспектив: 39,4% среди уверенных в успешном настоящем и 31,8% среди надеющихся на глобальный успех уверены также, что и в краткосрочной перспективе страна будет развиваться успешно, – против 27,5% соответствующей доли в среднем по массиву. Однако доля безусловных оптимистов в российском обществе очень невелика, что немаловажно для понимания возможности осуществления лучшего варианта будущего по принципам «самоисполняющегося пророчества».

Выводы. Текущая общественная ситуация, актуализировавшая мировоззренческие противоречия среди массовых слоев населения, накладывает существенный отпечаток на видение их представителями как краткосрочных перспектив, так и образов желаемого и наиболее вероятного будущего, являющихся элементами российского общественного сознания.

В ближайшее будущее россияне массово смотрят с тревогой и беспокойством, хотя эти настроения и сопровождаются надеждой на улучшение. Это является маркерами постепенной утраты чувства стабильности и хотя бы относительной прогнозируемости будущего, которые долгое время оставались ценными для россиян выгодами от действующего общественного договора.

Представления о возможных улучшениях в массовых слоях существенно различаются, если обратиться к декларируемым ими образам будущего и моделям справедливого устройства общества. Несмотря на наибольшую популярность среди россиян образов желаемого будущего, связанных с построением социально справедливого общества, текущая общественная ситуация расставляет иные приоритеты и обеспечивает наибольший консолидационный потенциал в группе, ориентированной на будущее страны с сильной властью, сохранением национальных традиций, самобытным вектором развития страны, хотя ценности социальной справедливости важны и для нее. Эта группа не объединяет большинства россиян, но отличается высокой социальной сплоченностью как с точки зрения мировоззренческих установок, так и реальной вовлеченности в событийный контекст (оказание помощи участникам СВО и т.д.). На противоположном полюсе западно-ориентированности сосредоточено мировоззренческое меньшинство. В целом же видение населением будущего страны обладает высоким консолидационным потенциалом,

⁸ Коэффициенты корреляции Спирмена между принадлежностью к исследуемым трем группам и перечисленным переменным располагались в диапазоне от 0,149 до 0,301, значимость на уровне 0,01.

основой которого выступает приверженность традиционно характерным для России ценностям и принципам социальной справедливости.

Наибольшим потенциалом с точки зрения воплощения желаемого будущего по принципу «самоисполняющегося пророчества» обладает хотя и популярный, но отнюдь не доминирующий среди россиян образ традиционалистского будущего. Взгляды его сторонников выглядят наиболее последовательными и сбалансированными с позиции соотношения желаемого ими будущего с актуализировавшимися в последние годы вопросами цивилизационной принадлежности страны и вектора ее геополитического развития. Остальные образы в этом смысле менее идеологизированы, за исключением малопопулярной модели «государства свободного рынка», находящейся на противоположном идеологическом полюсе от условных традиционалистов. Это может существенно ограничивать потенциал иных желаемых образов будущего и моделей справедливого устройства общества по их превращению в руководство к их воплощению в реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61.
- Бестужев-Лада И.В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 1–21.
- Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3–14.
- Динабург С.Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 86–97.
- Желтикова И.В. Образ будущего. Орел: Картуш, 2021.
- Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107–115.
- Измоденова Н.Н. Образ будущего России: социальное воображаемое // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 7–14. С. 96–101.
- Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Сушко П.Е. Представления россиян о возможных путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37.
- Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В., Морозикова И.В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. Vol. 10. No. 3. С. 74–94.
- Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J.B. Wolters, 1939.
- Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y.: The Free Press, 1968.
- Schweizer K., Rauch W. An Investigation of the Structure of the Social Optimism Scale with Respect to the Dimensionality Problem // Journal of Individual Differences. 2008. Vol. 29. No. 4. P. 223–230.
- Thomas W.I., Thomas D.S. The Child in America: Behavior Problems and Programs. Michigan: Johnson Reprint, 1928.

Статья поступила: 02.08.23. Принята к публикации: 18.09.23.

IMAGES OF "RUSSIA OF THE FUTURE" IN THE REPRESENTATIONS OF ITS CITIZENS

KOLENNIKOVA N.D.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Nina D. KOLENNIKOVA, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (kolennikova-nina@mail.ru).***Acknowledgements.** Work on this paper was supported by RSF, project No. 20-18-00505.

Abstract. The article analyzes the ideas of Russians about the short- and medium term future of Russia. Based on the data of a nationwide representative study conducted by the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in June 2023, it is shown that anxious moods dominate among Russians in the short term. At the same time, stability – one of the most valuable benefits for the population from the current social contract – is not expected by them. Regarding the desired future in the Russian public consciousness, the coexistence of four popular images is noted: "The state of equality and justice", "The state of traditional values", "Nation state" and "Free Market State". The first three of them consolidate the population in the position of Russia's independent development, and the last image, while losing support among the mass strata, unites supporters of Russia's Western vector of development. At the same time, the first three scenarios contain the principle of social justice as a key component interpreted among the population in different ways. Four models of the future based on different notions of justice are demonstrated: "Request for equal opportunities", "Request for reduction of income inequality", "Request for the same standard of living" and "Request for reduction of territorial inequalities". The greatest consolidation potential is characteristic for a group oriented towards the future of the country with strong power, the preservation of national traditions, and an original vector of the country's development, although the values of social justice are also important for it.

Keywords: image of the future, social model, social justice, public consciousness, civilizational choice, ideological attitudes, social contradictions.

REFERENCES

- Aalders W.J. (1939) Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J.B. Wolters.
- Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyk E.D. (2022) Russians' Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 49–61. (In Russ.)
- Bestuzhev-Lada I.V. (2007) Global Technology Forecast for the 21st Century. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 22–34. (In Russ.)
- Dinaburg S.R. (2016) Modern Studies of the Future: Between Utopia and Foresight. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNIPU. Culture. Story. Philosophy. Right]. No. 3: 86–97. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2021) On the question of the sociology of mass spiritual formations (theoretical and methodological aspect). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–14. (In Russ.)
- Izmodenova N.N. (2018) The Image of the Future of Russia: Social Imaginary. *Trudy Kol'skogo Nauchnogo tsentra RAN* [Works of the Kola Scientific Center of RAS]. Vol. 9. No. 7–14: 96–101. (In Russ.)
- Merton R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.
- Nestik T.A. (2014) The Collective Image of the Future: Social Psychological Aspects of Prognostication. *Vo-prosy psikhologii* [Psychology issues]. No. 1: 3–13. (In Russ.)
- Russian Society and the Challenges of Time*. (2022) Book 6. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Schweizer K., Rauch W. (2008) An Investigation of the Structure of the Social Optimism Scale with Respect to the Dimensionality Problem. *Journal of Individual Differences*. Vol. 29. No. 4: 223–230.
- Shestopal E.B., Smul'kina N.V. (2019) Comparative Analysis of Images of Their Country Among Residents of Russian Regions. *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics]. Vol. 10. No. 3: 74–94. (In Russ.)
- Sushko P.E. (2022) Russians' Perceptions of the Possible Ways of Russia's Development: Prevalence and Specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 25–37. (In Russ.)
- Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. Michigan: Johnson Reprint.
- Zamyatin D.N. (2000) Image of the Country: Structure and Dynamics. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 1: 107–115. (In Russ.)
- Zheltikova I.V. (2021) *Image of the Future*. Orel: Kartush. (In Russ.)

Received: 02.08.23. Accepted: 18.09.23.

С.В. ЛЯЛИКОВА, И.Б. НАЗАРОВА, В.М. КАРПОВА

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЛЯЛИКОВА Софья Викторовна – научный сотрудник (lyalikova@socio.msu.ru); НАЗАРОВА Инна Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник (inna-nazarova@mail.ru). Обе – Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; КАРПОВА Вера Михайловна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (wmkarpova@yandex.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Демографическая структура российского общества подвергается существенным изменениям: увеличивается доля пожилых людей, сдвигаются границы пенсионного возраста, меняется и структура рынка труда. Проблема состоит в том, что стереотипы в отношении пожилых граждан, формируемые в научном и общественном дискурсе, часто имеют негативную коннотацию. Цель работы – исследовать устойчивые представления различных социальных групп в отношении пожилых людей. На основании авторского эмпирического исследования в работе представлен анализ ассоциаций, возникающих при словосочетании «пожилой человек», а также проанализирована степень согласия и несогласия участников исследования с различными суждениями о характере и образе жизни пожилых. На основе факторного анализа показано, какие категории населения оказываются наиболее лояльными и положительно отзываются о пожилых людях, а какие настроены негативно. Больше эмпатии проявляют к представителям старшего поколения молодежь, люди предпенсионного возраста и сами пожилые люди. Негативные характеристики пожилым людям приписывают «дети» – респонденты в возрасте 30–44 лет. Ядро консенсуса в российском обществе представлено большинством, считающим, что пожилые люди достойны только позитивных или в основном позитивных оценок. Они готовы рассматривать пожилых в качестве наставников – мудрых и опытных людей, которые, возможно, растратили часть своего физического потенциала.

Ключевые слова: пожилые люди • пенсионеры • стереотипы о пожилых • образ жизни лиц старшего возраста.

DOI: 10.31857/S013216250028308-1

Введение. Доля пожилых людей в нашей стране значительна, по данным на начало 2022 г. практически каждый четвертый россиянин был старше 60 лет (23,1%), а десять лет назад под указанный критерий попадал лишь каждый пятый (18,7%)¹. Все еще меняется граница пенсионного возраста, которая, по мнению специалистов, выступает рубежом для перехода человека в группу пожилых (см., напр.: [Блехарская, 2017]), которая долгое время в России определялась 55 годами для женщин и 60 годами для мужчин. Легитимизацией пожилых в обществе является установление юридического статуса «пожилой человек», который присваивается гражданину после превышения им возраста, считающегося трудоспособным, и окончания трудовой деятельности. В 2016 г. в национальной Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года предложена дифференциация граждан старшего поколения на три возрастные

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284#> (дата обращения: 20.04.2023). Общество считается очень старым, если люди старше 60 лет составляют более 18% [Медков, 2008].

группы: 60–64 года, 65–80 лет и старше 80 лет². Следовательно, люди моложе 65 лет могут считаться и трудоспособными, и пожилыми одновременно.

Увеличение доли пожилых людей и изменение возрастных границ пенсионного возраста влекут за собой трансформацию социально-демографической структуры общества и рынка труда. Кроме того, в научном, правовом и общественном дискурсе продолжаются споры в отношении пожилых людей: в каком возрасте человека можно считать пожилым, каковы его возможности в исполнении определенных социальных ролей, соответствуют ли они его возрасту и трудовому статусу, и т.п. Подобные рассуждения сопровождаются конструированием стереотипов в отношении пожилых, которые часто имеют негативную коннотацию. Пожилых нередко описывают как людей с ограниченными ресурсами: физическими (здоровье, способность к труду) и психологическими (отказ от восприятия нового, снижение интереса к общению). Можно предположить, что стереотипы, конструируемые в обществе в отношении старшего поколения, не всегда совпадают с мнением реальных представителей данной категории населения, а разные поколения могут характеризоваться отсутствием солидарности мнений в оценке различных аспектов жизнедеятельности пожилых.

Цель данной работы – исследовать стереотипы в отношении пожилых людей, сравнив образ, который конструируют о себе представители старшей возрастной когорты, с мнением других возрастных групп, выявить отличия во взглядах различных социально-демографических групп, определить коннотацию современных стереотипов, а также обнаружить негативные стереотипы, которые могут стигматизировать пожилых людей.

Методология и методы. Мы исходим из того, что стереотипы – это принятые в социуме образцы восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанные на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов является отражением социальной реальности в сознании людей [Липпман, 2004]. Как правило, в основе социального стереотипа находится реальный психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации информации, полученной на основе своего и чужого опыта [Осипов, 1995]. На создание стереотипов оказывает влияние общественное мнение, которое формируется под воздействием культуры, ценностей и традиций. Стереотипы могут в различной степени соответствовать объективной реальности, быть позитивными и негативными. Негативный стереотип в отношении социальной группы опасен, поскольку сформированный отрицательный образ может привести к образованию петли обратной связи в обществе, когда негативные образы и низкое социально-экономическое положение группы взаимно усиливают друг друга [Pitchford, 2001]. Негативные стереотипы также могут обозначать и усиливать неравенство [Ashmore, Del Boca, 1981]. Процесс социализации, отражающий актуальный социокультурный контекст, оказывает влияние на конструирование негативных стереотипов в отношении конкретных групп людей, например, определяя их как неполноценных [Tajfel et al., 1972].

В данной работе исследование стереотипов в отношении людей старшего возраста основано на анализе характеристик пожилых людей; проблем, с которыми они сталкиваются. Исследуются автостереотипы (мнение пожилых о себе) и гетеростереотипы (мнение представителей других возрастных групп о пожилых). Описание и анализ существующих представлений о жизни пожилых обеспечен посредством агрегации данных открытых источников и результатов авторского исследования. Использованы данные инициативного исследования на тему: «Когда начинается старость?», проведенного научно-исследовательским коллективом КССиД МГУ и ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2022 г. (N = 1198, 65 регионов России)³. Работа с эмпирическими данными позволила проанализировать

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/37/2> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Опрос проходил с использованием CAWI технологии. Выборка репрезентирует население по полу, возрасту (лица от 18 лет и старше), семейному положению и типу населенного пункта

ассоциации, возникающие со словосочетанием «пожилый человек» для того, чтобы сформировать определенный образ представителя данной социальной группы, а также изучить степень согласия и несогласия участников исследования с рядом суждений с позитивной и негативной коннотацией, отражающих различные аспекты жизнедеятельности представителей третьего возраста.

Презентация пожилых людей в научном дискурсе. Результаты исследований дают представление о пожилых людях, их возможностях, самочувствии, внешнем виде, что, с одной стороны, отражает общественное мнение, а с другой – формирует его. Существуют как позитивные, так и негативные стереотипы в отношении пожилых людей. Позитивные – это представления о пожилых как о социально активных людях, которые участвуют в добровольческой деятельности, готовы получать новые знания и впечатления.

Пожилые люди формируют устойчивые коммуникации между поколениями. Оказывают помощь во взаимодействии с младшим поколением, а также с поколением, относящимся к еще более старшим людям [Павлова, 2020].

Пожилые люди в целом социально активны и могут рассматриваться как образец проявления альтруизма, бережливости, заботы о близких, а то, как они проживают очередную жизненный этап, может дать ценную информацию для совершенствования мер социальной политики, наполненной дополнительными смыслами и возможностями, в том числе отражающими современные экономические, социальные, экологические тренды [Дорлинг и др., 2022: 234–240]. Пожилые участвуют в социальных проектах, например в благоустройстве местности, в благотворительных концертах, занимаются наставничеством (см., напр.: [Прохорова, 2019]).

Негативные стереотипы связаны со слабым здоровьем, нуждой, бедными социальными связями.

Пожилые люди одиноки, не нуждаются в общении, мало интересуются окружающими. Низкий уровень социальных контактов и эмоциональная отстраненность пожилых впоследствии трансформируется еще в одну социальную проблему – одиночество⁴ (см., напр.: [Козырева, Смирнов, 2022]). Среди ключевых причин, по которым пожилые страдают от одиночества, выделяют: смерть близких родственников и супругов, затяжные болезни и неспособность приспосабливаться к меняющимся условиям [Ваганова-Наймушина, 2017: 8].

Пожилые люди не способны воспринимать новое, не могут адаптироваться к новым технологиям, идеям, образцам поведения. Пожилые не являются продвинутыми пользователями компьютерных технологий. В 2016 г. лишь четверть пожилых (старше 55 лет) располагали какой-либо компьютерной техникой, в том числе 10,3% владеют ноутбуком, а 9,2% – смартфоном или планшетом [Корнилова, 2018]. Потенциал использования Интернета в старших возрастах снижается⁵.

С возрастом респонденты начинают более критично оценивать возможности своей возрастной группы к дальнейшему развитию и обучению [Шмерлина, 2014: 194]. Большинство пожилых респондентов (78%) не осведомлены об организациях, предоставляющих образовательные услуги лицам третьего возраста. В то же время существенная часть

в соответствии с данными Росстата. На этапе разведывательно-описательного анализа в качестве статистического инструментария использовались описательные статистики и статистические тесты (Т-критерий для независимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ с последующим попарным сравнением групп респондентов, критерий хи-квадрат независимости распределений и z-критерий для попарного сравнения долевых распределений ответов респондентов). В случае попарных сравнений использовалась поправка Бонферрони для компенсации эффекта множественных сравнений. Во всех использованных статистических процедурах критическим значением для отвержения нулевой гипотезы было принято р-значение, равное 0,05.

⁴ Салтанова С.В. Жить одиноко: что это значит для пенсионеров. Научно-образовательный портал IQ HSE. 28 января 2019. URL: <https://iq.hse.ru/news/236653794.html> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Mediascope: интернетом в России пользуются 80% населения старше 12 лет. Mediascope. 18 мая 2022. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

пожилых довольна имеющимися образовательными достижениями и не заинтересована в получении новых (42,2%) [Касьянова, 2020].

Пожилые люди унылы и неактивны, ведут скучную и монотонную жизнь. Частота посещения пожилыми людьми развлекательных мероприятий существенно ниже, чем среди представителей молодых возрастов. В течение года хотя бы одно культурно-развлекательное мероприятие посетили 43,9% граждан, в частности среди молодежи от 16 до 29 лет таковых 74,3%, в то время как среди лиц старше трудоспособного возраста – 21,4% (среди них от 70 лет и более – 12,3%). Кинотеатры посещали всего 6,9% граждан старше трудоспособного возраста (в трудоспособном – 42,9%), рестораны и бары – 15,9% (к 54,9% среди трудоспособного). Для пожилых людей наиболее предпочтительным времяпрепровождением оказывается посещение религиозных учреждений (60–69 лет – 27,2%, 70 лет и старше – 26,2%, в среднем по выборке – 18,9%)⁶.

Пожилые люди не могут самостоятельно обеспечивать себя финансово и нуждаются в помощи родственников или государства. Домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, испытывают разной степени затруднения при попытке «свести концы с концами» (81,8%). Притом, что минимальный месячный доход таких домохозяйств, который нужен для покупки самого необходимого, меньше, чем в среднем российском домохозяйстве⁷. За качество жизни пенсионеров отвечает государство, общество, близкие люди, но не сами пожилые [Григорьева и др., 2019].

Свыше трети россиян, имеющих пожилых родителей, проживающих отдельно, поддерживают их материально (36,9%), 62,5% ухаживают за ними в случае болезни, 57,5% – помогают по хозяйству, еще 39,9% – приобретают для них продукты и вещи [Кучмаева, 2018: 55–56]. Средний размер назначенных пенсий в январе 2023 г., по данным Росстата, составил 19322 рубля, а для комфортной жизни на пенсии, по данным социологических опросов, россиянам необходимо вдвое больше (39638 рублей)⁸.

Пожилые люди реже молодых имеют подработку и в большинстве своем выбывают с постоянного места работы [Павлова, 2020].

Пожилые люди физически не активны. С возрастом снижается способность граждан вести активный образ жизни, так, среди людей старше 70 лет об этом заявили 90,3% опрошенных, а в возрасте 60–69 лет – 63,9%, в то время как среди граждан трудоспособного возраста таковых всего 6,7%⁹.

Пожилые люди слабы, болезненны, нуждаются в медицинской помощи. Одной из главных проблем людей пожилого возраста являются болезни и ухудшение здоровья (считают 45% россиян), причем молодежь до 24 лет разделяет данное утверждение в большей степени, чем представители третьего возраста (54% к 47%)¹⁰.

Распространенность хронических заболеваний с возрастом увеличивается: о наличии хронических заболеваний сообщили 13,3% россиян трудоспособного возраста и 56,5% – старше трудоспособного возраста (в том числе среди лиц старше 70 лет значение показателя максимально – 71,1%). Здоровье влияет на образ жизни пожилых, им приходится снижать и социальную активность, например отказываться от туристической или экскурсионной

⁶ Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2020). Росстат. 2020. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.02.2023).

⁷ Там же.

⁸ Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях. 16 августа 2022. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения: 20.02.2023).

⁹ Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2020). Росстат. 2020. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁰ «Срок дожития» и другие перлы, или о старости в России. ВЦИОМ. 06 октября 2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/srok-dozhitiya-i-drugie-perly-ili-o-starosti-v-rossii?ysclid=lfy609h2968725560> (дата обращения: 20.02.2023).

поездки по состоянию здоровья¹¹. Ограниченный доступ или отсутствие качественной медицинской помощи усугубляет проблемы со здоровьем пожилых, снижая в целом качество их жизни. Например, основной проблемой для пожилых, проживающих в сельской местности, является ограниченная доступность медико-социального обслуживания, что актуализирует поиск альтернативных вариантов лечения заболеваний [Галкин, 2023а].

Стереотипы формируются как в обществе в целом, так и в его различных сферах. Например, в медицинской среде негативные стереотипы в отношении пожилых приводят к медиализации с позиции работников профильных учреждений, данную проблему пожилые люди определили как наиболее распространенную и в то же время наиболее болезненную [Галкин, 2023б].

Анализ ассоциаций. Респондентам предлагалось выбрать из списка три ассоциации, которые у них возникают при словосочетании «пожилой человек», при этом 17,8% не отметили ни одной позитивной характеристики, а у 27% среди названных ответов не встретилось ни одной негативной. Каждый десятый опрошенный старше 60 лет ассоциирует пожилых только с негативными аспектами, а среди представителей средних возрастов (30–44 года и 45–59 лет) таковых вдвое больше. В то же время 39,5% опрошенных старше 60 лет ни одной негативной ассоциации не назвали, подобного подхода придерживался каждый третий из группы 45–59 лет (34%), каждый четвертый в возрасте от 18 до 29 лет (24%) и каждый пятый от 30 до 44 лет (22,6%).

В российском обществе пожилых считают прежде всего мудрыми и опытными людьми (табл. 1). Представители старших возрастов склонны давать себе положительные характеристики чаще остальных, особенно в сравнении с респондентами от 30 до 44 лет¹². О мудрости пожилых чаще заявляют сельские жители (65,5 к 56,7% – среди городских), респонденты с детьми (61,7 к 53,5% у бездетных).

Таблица 1

Ассоциации со словосочетанием «пожилой человек», ранжировано по среднему значению показателя, в % опрошенных

Ранг	Ассоциация	В среднем по выборке	18–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60+ лет
1	Мудрый	59,7	58,1	54,0	61,2	64,9*
2	Опытный	53,8	55,2	45,1	53,9	61,5*
3	Слабый	27,7	34,0*	37,4*	28,6*	13,0
4	Нуждающийся	27,4	30,6*	30,4*	29,2	20,5
5	Ворчливый	26,0	30,0*	28,3	27,1	19,8
6	Больной	21,9	18,9	29,8*	19,4	18,4
7	Долгожитель	20,7	24,1	22,4	22,0	15,3
8	Одинокий	17,5	14,7	17,6	14,0	22,8*
9	Ветеран	17,1	10,5	15,2	17,4	23,1*
10	Самостоятельный	16,7	11,0	10,4	17,1	26,5*
11	Недееспособный	5,5	6,4	3,6	5,4	6,9
12	Другое	6,0	6,5	5,7	4,8	7,4

Примечания. Ассоциации получены на основе ответов на вопрос: «Укажите три ассоциации, которые у вас возникают, когда вы слышите “пожилой человек”?» * Отмечены статистически значимые отличия, $p < 0,05$.

¹¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2020). Росстат. 2020. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.02.2023).

¹² Здесь и далее описываются статистически значимые отличия, $p < 0,05$.

Ассоциации, носящие негативный характер, заняли в перечне характеристик пожилого человека с третьей по шестую позиции. Слабыми, нуждающимися или ворчливыми представляет пожилых людей каждый четвертый опрошенный. И в данном случае представители третьего возраста (60 лет и более) реже прочих соглашаются с данными утверждениями в свой адрес. О слабости пожилых нередко говорят респонденты, не состоящие в зарегистрированном браке (сожительство – 45,8%, никогда не состояли в браке – 34,5%, загсовый брак – 23,5%) или бездетные (33,1 к 26%), а также более обеспеченные респонденты в сравнении с теми, кто оценил свой доход «как у всех» (35,1 к 25,4%).

Женщины чаще говорят о пожилых людях как о нуждающихся (30,7 к 23,3% среди мужчин), подобного мнения придерживаются и респонденты с детьми (32,8 к 25,6% – не имеющих детей), опрошенные с более высоким уровнем образования (30,1 к 23,8%), а также трудоустроенные участники опроса (29,9%) в сравнении с неработающими пенсионерами (19,5%). О ворчливости пожилых заявляет молодежь до 29 лет (30%) в противовес самой возрастной когорте (60 лет и более) (19,8%), а также мужчины и женщины, состоящие в зарегистрированном браке (28,9%) в отличие от разведенных и разошедшихся (20,3%), более обеспеченные граждане (самооценка дохода выше среднего – 31,1%, ниже среднего – 20,1%) и трудоустроенные респонденты в отличие от пенсионеров (28,3% к 18,4%).

Респонденты со средним образованием и ниже чаще высокообразованных участников характеризуют пожилых как людей самостоятельных (19,8 к 14,7%) и долгожителей (25,1 к 17,7%). Последний аспект нередко вспоминают супруги в отличие от сожителей (22,6 к 7,2%), а также сельские жители (24,3 к 18,8%) и лица со средней самооценкой дохода в сравнении с менее доходными группами (23,4 к 15,8%). Каждый четвертый пенсионер отмечает одиночество как одну из характеристик пожилых людей (24,7 к 16,2% – трудоустроенные, 13,1% – не занятые (не пенсионеры)). Подобного мнения чаще придерживаются женщины (19,5 к 15,0% у мужчин), а также сожители (26,8%), разведенные или разошедшиеся респонденты (24,2%) в сравнении с супругами, чей брак официально зарегистрирован (12,8%), к ним же можно отнести опрошенных с уровнем дохода ниже среднего в отличие от тех, кто оценил уровень своего благосостояния «как у всех» (23,3% к 15,8%).

Стереотипы о пожилых в оценках социальных групп. Наиболее устойчивыми стереотипами восприятия пожилых являются утверждения о сложности в изменении привычного образа жизни – 71,8% (сумма ответов по «4» баллам – «согласен с утверждением» и «5» баллам – «совершенно согласен»), данный стереотип можно отнести к нейтральному (рис. 1). В ТОП-5 вошли два суждения, которые заключают в себе позитивное отношение к пожилым людям – о наличии большого жизненного опыта у пожилых людей (65,8%) и о присущей им доброте и щедрости (65,4%). Помимо этого, большинство респондентов согласны, что неправомерно намеренно отправлять пожилых людей на пенсию, в случае если они выражают желание продолжать трудовую деятельность (66,8%). Мнение о том, что пожилые часто сталкиваются с одиночеством и бедностью поддерживают около половины опрошенных (48,6 и 42,6% соответственно). Следующая пара утверждений разделила респондентов на три практически равные группы: около трети опрошенных согласны и столько же не согласны с тем, что у пожилых часто портится характер, что делает сложным общение с ними, а также с тем, что пожилому возрасту свойственна сниженная работоспособность. Респонденты достаточно единодушны в своем несогласии с тем фактом, что пожилых характеризует сниженная мотивация к профессиональной деятельности (44,5% в целом не согласны).

Обнаруживается дифференциация ответов по полу. Так, женщины чаще соглашаются с утверждением о проблеме одиночества, присущей пожилым людям (51,2% по сравнению с 45,4% у мужчин), о неправомерности ускорения выхода на пенсию в угоду желаниям человека (70,2 против 62,5%), а также отмечают снижение работоспособности представителей третьего возраста (38,2 против 29,5%). Действительно, согласно половозрастной структуре населения с проблемой вдовства гораздо чаще сталкиваются женщины, нежели мужчины.

Рис. 1. Степень согласия и несогласия с суждениями о различных аспектах жизнедеятельности пожилых людей, в %

А сниженный возраст выхода на пенсию возможно приводит к тому, что женщины чаще оказываются в ситуации, когда их вынуждают оставить место работы и выйти на пенсию.

Респонденты разного возраста демонстрируют существенные отличия в степени согласия с утверждениями о доброте и щедрости пожилых, а также о негативных изменениях в их характере. Обращает на себя внимание закономерность, что ответы респондентов самой младшей (18–29 лет) и самой старшей (60+ лет) возрастных групп достаточно близки: 67,7 и 74,6% согласны с утверждением о щедрости и доброте пожилых, а 30,6% молодых и 31,9% пожилых отмечают негативные изменения в характере представителей третьего возраста. При этом мнения респондентов в возрасте 30–44 лет и 45–59 лет статистически значимо отличаются в сторону более негативного отношения к пожилым в целом. Только 55,9% респондентов от 30 до 44 лет считают пожилых щедрыми, а среди опрошенных от 45 до 59 лет таковых 64,2%. Аналогично среди опрошенных средних возрастных групп выше доля тех, кто соглашается, что у пожилых часто портится характер и с ними становится сложно иметь дело (43,3 и 43,5% соответственно).

Жители городов чаще, чем представители сельской местности, говорят, что пожилых людей неправомерно «выгонять на пенсию» (68,9 против 62,5%), что пожилым свойственна низкая работоспособность (37,1 против 28,6%), что им сложно менять привычный образ жизни (74,2 против 66,5%). В то время как сельские жители чаще соглашались с тем, что представители третьего возраста обладают большим жизненным опытом и мудростью (73,1 против 62,1%).

Анализ представлений о людях пожилого возраста: факторный анализ. При помощи метода главных компонент, после исключения двух утверждений, которые

давали значимый вклад в обе компоненты и не могли быть корректно дифференцированы («Большинство пожилых людей – бедны» и «Пожилым людям сложно менять привычный образ жизни»), было получено две компоненты, отраженные в таблице, которые по смыслу дифференцировали все утверждения на две группы: положительные характеристики пожилых и отрицательные (табл. 2).

В целях визуализации стереотипов о пожилых людях, разделяемых представителями различных социально-демографических групп, была построена двумерная карта, где по одной оси откладывались значения факторных нагрузок для компоненты положительных характеристик, а по другой – отрицательных (рис. 2). Учитывая, что исходная шкала (5-балльная) предполагала оценку степени согласия – более высоким факторным нагрузкам соответствует более высокая степень согласия. Таким образом, левый верхний квадрант (I) соответствует наиболее позитивному взгляду на пожилых (согласие с положительными и несогласие с отрицательными стереотипами), такое представление у респондентов в возрасте 60 лет и старше, сельских жителей и людей со средним образованием и ниже среднего. Правый нижний (III) соответствует наиболее отрицательному представлению о пожилых, что свойственно более молодым респондентам и городским жителям, людям с высшим образованием. В правом верхнем (II) отразились взгляды, где в равной мере представлены и плюсы, и минусы пожилого возраста, а левый нижний (IV) сосредотачивает в себе неприятие каких бы то ни было стереотипов. Каждая точка на карте представлена координатами значений каждого из факторов для соответствующей социально-демографической группы. Таким образом, те группы респондентов, которые в наибольшей степени демонстрировали согласие с положительными и несогласие с отрицательными стереотипами, будут располагаться в I квадранте, в то время как респонденты, придерживающиеся наиболее негативного взгляда на старость, будут в III квадранте. Наибольший интерес для анализа представляют достаточно удаленные от центра точки, которые говорят о наличии дифференцированных взглядов.

Наиболее дифференцировано восприятие пожилых респондентами разных возрастных групп: полярных точек зрения придерживаются опрошенные в возрасте 30–44 лет (наиболее негативные представления о пожилых) и, соответственно, люди старше 60 лет (наиболее позитивные представления). При этом для молодежи (18–29 лет) и лиц от 45

Таблица 2

Результаты факторного анализа утверждений о пожилых людях (факторные нагрузки)

№	Суждения	1 компонента – отрицательные стереотипы	2 компонента – положительные стереотипы
1	У пожилых людей низкая работоспособность	0,745	0,039
2	Пожилые люди, как правило, слабые и больные	0,718	–0,004
3	Пожилых характеризует низкая мотивация к профессиональной деятельности	0,644	–0,101
4	У пожилых часто портится характер, с ними становится сложно иметь дело	0,643	–0,082
5	Пожилые люди часто страдают от одиночества	0,612	0,130
6	Пожилые отличаются добротой и щедростью по отношению к своим детям и внукам	0,019	0,798
7	Большинство пожилых – это люди с большим жизненным опытом (мудростью)	–0,025	0,764
8	Если пожилой человек хочет продолжать работать, никто не должен «выгонять» его на пенсию	–0,002	0,663

Примечание. Факторный анализ проведен методом главных компонент, жирным шрифтом отмечены значимые факторные нагрузки. Общий % объясненной дисперсии 49,6%.

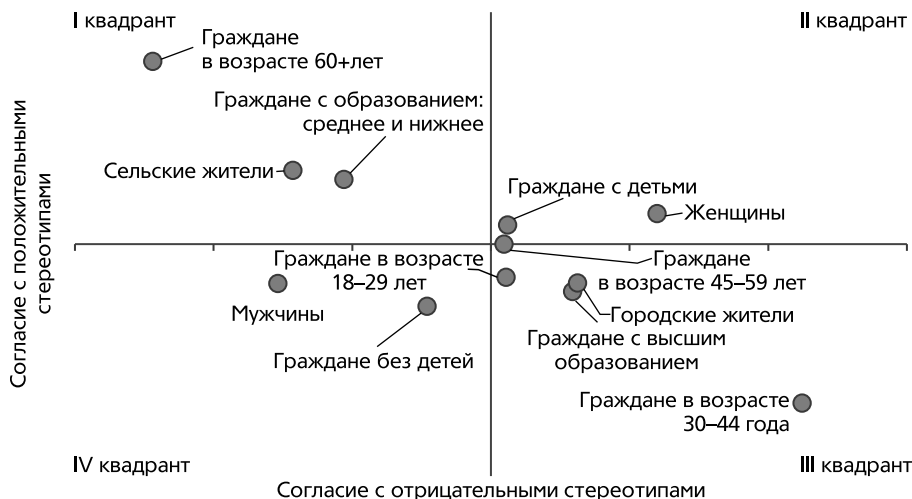

Рис. 2. Обобщенная характеристика стереотипов восприятия пожилых людей респондентами разных социально-демографических групп

до 59 лет характерна достаточно нейтральная позиция в оценках различных аспектов жизни пожилых людей. При средней длине поколения 25 лет можно сказать, что в представлениях о пожилых заметен конфликт «отцов и детей», который проявляется при достижении «отцами» пожилого возраста (60+ лет). Данный феномен уже был упомянут выше, где именно респонденты в возрасте 30–44 лет чаще всех остальных соглашались с утверждением, что у пожилых портится характер и возникают трудности в общении. Это важное изменение, с которым нередко приходится сталкиваться людям среднего возраста, чьи родители стареют, а отношения между ними окончательно перестают быть «детско-родительскими». Внутрисемейные интеракции трансформируются таким образом, что взрослые дети становятся родителями для своих престарелых отцов и матерей, ухаживая и заботясь о них. Подобное изменение привычных ролей может приводить к нарастанию психологической напряженности в отношениях, смене характера коммуникации, что в свою очередь будет трактоваться как то, что у пожилых «портится характер».

Психологические исследования взаимоотношений взрослых детей со своими родителями выделяют несколько важных изменений: это и освобождение от родительских комплексов, и смена доминанты отношений на заботу и уход, вызванные постепенным снижением физического и психического здоровья старшего поколения. Однако на фоне ослабевающих межпоколенных связей недостаток заботы и необходимости выстраивания новых отношений с отцом и матерью может вызывать чувство вины [Воронина, 2016]. Отношения взрослых детей и их родителей характеризуются достаточно высокой степенью амбивалентности, когда на фоне любви, о которой говорят «дети», в отношениях часто присутствует и критика, и обида, и даже опека свысока со стороны взрослых детей [Трубицына и др., 2022].

Закключение. В российском обществе преобладают ценности уважительного отношения к старшим с позитивной оценкой их вклада в социум. Пожилой человек в отражении общественного мнения – это человек мудрый, опытный, добрый, щедрый, которого не следует увольнять с работы в силу его возраста. Больше половины граждан (58,8%) согласны с тем, что пожилые люди заслуживают в разной степени позитивных характеристик. Несмотря на то что позитивных ассоциаций и характеристик пожилых людей было названо больше, чем негативных, риском представляется то, что у существенной доли

опрошенных устойчиво закреплены негативные стереотипы в отношении пожилых, которые не всегда соответствуют действительности.

Сами представители старшего поколения отзываются о себе преимущественно в позитивном ключе, подобную тенденцию поддерживает и молодежь. Большая часть пожилых людей видят в своем возрасте больше позитивного. Вместе с тем существует десятая часть пожилых людей, которые не видят в своем положении ничего хорошего, можно предположить, что именно эти люди испытывают наибольшую депривацию. Позитивной тенденцией сохранения традиционных ценностей можно считать доброе отношение молодежи к своим бабушкам и дедушкам, а также людей предпенсионного возраста, которые понимают, что завтра и они станут пожилыми людьми.

Конфликтная группа – меньшая часть общества (периферия), которая не назвала ни одной позитивной характеристики пожилых людей, составляет 17,8%, практически каждый четвертый указал на единственный позитивный аспект в жизни представителей старшего возраста (23,4%). Эти люди считают пожилых ворчливыми, нуждающимися, слабыми, больными или нетрудоспособными. Меньше всего эмпатии испытывают к представителям старшей группы «дети», а именно респонденты в возрасте 30–44 лет, которые чаще остальных соглашались с утверждением, что у пожилых портится характер и возникают трудности в общении. У каждого пятого из них возникают исключительно негативные ассоциации в отношении пожилых. Риски видятся в значительных разногласиях по поводу отношения к старшему поколению представителями 30–44 лет в сравнении с иными возрастными когортами. Подобное может выступать причиной для конфликтов в обществе и трудовом коллективе, скорее всего именно данная категория граждан будет склонна к различным видам дискриминации пожилых в обществе, в том числе к их увольнению.

Исследование, представленное в данной статье, подтвердило в большем масштабе те психологические эффекты, которые неоднократно отмечались в более узких психологических исследованиях. Таким образом, дальнейшее изучение стереотипов восприятия различных аспектов жизни пожилых людей именно в сравнении среднего и старшего возрастов видится важным направлением, учитывая, что зачастую именно взрослые дети становятся главными в жизни своих постаревших, одиноких родителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блехарская Е.В. Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека // Педагогическое образование в России. 2017. № 12. С. 36–43.
- Ваганова-Наймушина Л.А. Особенности состояния здоровья лиц пожилого возраста и социально-медицинская работа // Вестник Шадринского госпедун-та. 2017. № 2 (34). С. 6–12.
- Воронина М.Е. Взрослые дочери и стареющие родители: особенности отношений // Вестник Костромского госун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 2. С. 84–49.
- Галкин К.А. Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст // Наука. Культура. Общество. 2023а. Т. 29. № 1. С. 130–142. DOI: 10.19181/nko.2023.29.1.10.
- Галкин К.А. Особенности медиализирующего поведения в отношении пожилых людей при взаимодействиях с врачами и социальными работниками // Гуманитарий Юга России. 2023б. Т. 12. № 2. С. 14–27. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.2.1.
- Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8.
- Дорлинг Д., Гител-Бастен С. Почему важна демография / Пер. с англ. А. Писарева; под науч. ред. Э. Сафронова. М.: ВШЭ, 2022.
- Касьянова Т.И., Воронина Л.И., Резер Т.М. Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста // Образование и наука. 2020. № 22(2). С. 121–142.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4. С. 46–63.
- Корнилова М.В. Компьютерные и интернет-технологии в жизни пожилых людей: возможности и риски // Власть. 2018. № 6(26). С. 62–69.

- Кучмаева О.В. Социальная активность пожилых россиян и перспективы реализации политики «активного старения» // *Население и экономика*. 2018. Т. 2. № 4. С. 47–84.
- Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчунова; под ред. К.А. Левинсона, К.В. Петренко. М.: ФОМ, 2004.
- Медков В.М. Демография. М.: Инфра-М, 2008.
- Осипов Г.В. (ред.) Энциклопедический социологический словарь. М.: ИСПИ РАН, 1995.
- Павлова И.А., Недоспасова О.П., Барышева Г.А. Комплексная оценка социально-экономической вовлеченности граждан старшего поколения в региональный социум на примере трудовой активности // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2020. № 4(39). С. 48–84. DOI: 10.18799/26584956/2020/4(39)/1060.
- Прохорова Л.В. Пожилые люди и «серебряное» волонтерство: реальные кейсы // *Вестник НГУЭУ*. 2019. № 3. С. 248–259. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-248-259.
- Трубицына Л.В., Журавлева Ю.В. Психологические особенности отношения взрослых людей к своим родителям // *Психолог*. 2022. № 6. С. 88–97. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.6.39542.
- Шмерлина И.А. Возрастные конструкты и стиль жизни в старшем возрасте. Часть II. Точка отсчета старости и построение жизни на зрелых этапах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014. № 2(120). С. 190–198. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.013.
- Ashmore R.D., Del Boca F.K. Conceptual Approaches to Stereotypes and Stereotyping. Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior / edited by D.L. Hamilton. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1981. P. 1–35.
- Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation // *Sociological Perspectives*. Vol. 44 (1). 2001. P. 45–65.
- Tajfel H., Jahoda G., Nemeth C., Rim Y., Johnson N. The Devaluation by Children of Their Own National and Ethnic Group: Two Case Studies // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. Vol.11 (3). 1972. P. 235–243.

Статья поступила: 28.06.23. Финальная версия: 02.08.23. Принята к публикации: 25.09.23.

FEATURES OF ELDERLY PEOPLE PERCEPTION IN RUSSIAN SOCIETY

LYALIKOVA S.V.*, NAZAROVA I.B.*, KARPOVA V.M.**

*Institute of Socio-Economic Problems of Population FNIETs RAS, ** Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Russia

Sofia V. LYALIKOVA, Researcher (lyalikova@socio.msu.ru); Inna B. NAZAROVA, Dr. Sci. (Econ.), Main Researcher (inna-nazarova@mail.ru). Both – Institute of Socio-Economic Problems of Population FCTAS RAS; Vera M. KARPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University (wmkarpova@yandex.ru). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to Anatoly I. Antonov, Doctor of Philosophy, Honored Professor of Moscow State University, for organizing an initiative sociological study “When does old age begin?” and valuable comments on publications.

Abstract. The demographic structure of Russian society is undergoing significant changes: the proportion of older people is increasing, the boundaries of the retirement age are shifting, and the structure of the labor market is also changing. The problem is that stereotypes about older people, formed in scientific and public discourse, often have a negative connotation. The purpose of the work is to explore the stable representations of various social groups in relation to older people. Based on the author's empirical research, the paper presents an analysis of the associations that arise with the phrase “elderly person”, and also analyzes the degree of agreement and disagreement of the study participants with various judgments about the nature and lifestyle of the elderly. Factor analysis showed which categories of the population are the most loyal and speak positively about the elderly, and which are negatively disposed. Young people show more empathy for the older generation, people of pre-retirement age and the elderly themselves. Negative characteristics of the elderly are attributed to “children” – respondents aged 30–44 years. The core of the consensus in Russian society is represented by the majority, who believe that older people deserve only positive or mostly positive assessments. They see older people as mentors – wise and experienced people who may have squandered some of their physical potential.

Keywords: elderly people, pensioners, stereotypes about the elderly, lifestyle of older people.

REFERENCES

- Ashmore R.D., Del Boca F.K. (1981) *Conceptual Approaches to Stereotypes and Stereotyping. Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior*. Ed. by D.L. Hamilton. New York: Lawrence Erlbaum Associates: 1–35.
- Blekharskaya E.V. (2017) Elderly age as a stage of the life cycle of a person. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. No. 12: 36–43. (In Russ.)
- Dorling D., Gietel-Basten S. (2022) *Why Demography Matters*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Encyclopedic Sociological Dictionary* (1995). Ed. G.V. Osipov. Moscow: ISPI RAN. (In Russ.)
- Galkin K.A. (2023a) Activity and strategies for caring for the health of the elderly: urban and rural context. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. 2023. Vol. 29. No. 1: 130–142. (In Russ.)
- Galkin K.A. (2023b) Features of medicalizing behavior towards the elderly in interactions with doctors and social workers. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 12. No. 2: 14–27. (In Russ.)
- Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O. (2019) Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakti, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 12. No. 5: 124–140. (In Russ.)
- Kasyanova T.I., Voronina L.I., Rezer T.M. (2020) Educational potential of Russian senior citizens. *Obrazovanie i nauka* [The Education and science journal]. No. 22(2): 121–142. (In Russ.)
- Kornilova M.V. (2018) Computer and internet technologies in the lives of older people: opportunities and risks. *Vlast* [The Authority]. No. 6(26): 62–69. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) Social isolation and loneliness in older age. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika* [Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika]. Vol. 10. No. 4: 46–63. (In Russ.)
- Kuchmaeva O.V. (2018) Social activity of elderly Russians and prospects of implementation of the “active ageing” policy. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 2. No. 4: 47–84. (In Russ.)
- Lippman W. (2004) *Public Opinion*. Moscow: FOM. (In Russ.)
- Medkov V.M. (2008) *Demography*. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Pavlova I.A., Nedospasova O.P., Barysheva G.A. (2020) Comprehensive assessment of socio-economic involvement of older generation in the regional society on the example of labor activity. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Journal of Wellbeing Technologies]. No. 4 (39): 48–84. (In Russ.)
- Pitchford S.R. (2001) Image-making movements: welsh nationalism and stereotype transformation. In: *Sociological Perspectives*. Vol. 44 (1): 45–65.
- Prokhorova L.V. (2019) Elderly people and silver volunteering: real cases. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM]. No. 3: 248–259. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2014) Age constructs and life style in older age. Part II. Starting point of senility and life at ripe old age. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(120): 190–198. (In Russ.)
- Tajfel H., Jahoda G., Nemeth C., Rim Y., Johnson N. (1972) The Devaluation by Children of Their Own National and Ethnic Group: Two Case Studies. *British Journal of Social and Clinical Psychology*. Vol. 11(3): 235–243.
- Trubitsyna L.V., Zhuravleva Yu.V. (2022) Psychological features of the attitude of adults to their parents. *Psiholog* [Psychologist]. No. 6: 88–97. (In Russ.)
- Vaganova-Naimushina L.A. (2017) The health characteristics of the elderly and medical-social care. *Vestnik Shadrinskogo gospedun-ta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University]. No. 2(34): 6–12. (In Russ.)
- Voronina M.E. (2016) Adult daughters and aging parents: relationship features. *Vestnik Kostromskogo gos-un-ta. Ser.: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. No. 2: 84–89. (In Russ.)

Received: 28.06.23. Final version: 02.08.23. Accepted: 25.09.23.

© 2023 г.

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ, В.В. КОЗЛОВСКИЙ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: ВКЛАД Ш.Н. ЭЙЗЕНШТАДТА

БРАСЛАВСКИЙ Руслан Геннадьевич – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе (r.braslavsky@socinst.ru); КОЗЛОВСКИЙ Владимир Вячеславович – доктор философских наук, директор; профессор Санкт-Петербургского государственного университета (v.kozlovskiy@socinst.ru). Оба – Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье освещается вклад Ш.Н. Эйзенштадта (1923–2010) в разработку ключевых социологических идей цивилизационного анализа современных обществ. Обращение к такому подходу современной социологии вызвано теоретико-методологическим дефицитом в понимании национальных, региональных, локальных и глобальных социокультурных конфигураций динамичной современности. В ряду ученых, внесших свой вклад в цивилизационный анализ современных обществ, одной из самых значимых фигур, сыгравших решающую роль в повороте современной социологии к цивилизационному анализу, является Ш.Н. Эйзенштадт. Сформулированные им концепции «цивилизационного измерения», «осевых цивилизаций», «множественных модерностей», «цивилизации модерности» задали ключевые вопросы повестки дня современного цивилизационного анализа.

Ключевые слова: цивилизационный анализ • социология • осевое время • множественные модерности • цивилизация • модерность • Ш. Эйзенштадт

DOI: 10.31857/S013216250028309-2

Цивилизационный поворот в истории социологии и биографии ученого. Израильский социолог Шмуэль Ной Эйзенштадт (1923–2010) прошел на более чем полувековом творческом пути несколько этапов, отмеченных сменой исследовательских областей и эволюцией теоретических представлений. На каждом этапе выходили труды, постепенно создавшие ему имя выдающегося ученого и мыслителя. В настоящей статье предметом рассмотрения являются ключевые идеи Эйзенштадта, относящиеся к длительному и плодотворному заключительному периоду его исследовательской деятельности, посвященному разработке социологической программы цивилизационного анализа.

В 1970-е гг. Эйзенштадт стал одним из главных инициаторов «цивилизационного поворота» в социологии. Усилиями его и американского социолога Б. Нельсона (1911–1977) [Nelson, 1981] была заново открыта и продолжена традиция сравнительной истории и теории цивилизаций, восходящая к классическому наследию, с одной стороны, М. Вебера, с другой – Э. Дюркгейма и М. Мосса. Мощный импульс в возрождение цивилизационного анализа в социологии в это же время внесла теория процесса цивилизации Н. Элиаса (1897–1990). Его основополагающий двухтомный труд «О процессе цивилизации» был

опубликован на немецком языке в Швейцарии в 1939 г. и получил признание с конца 1960-х гг. после переиздания на языке оригинала и выхода английского перевода.

Воссоздаваемая социологическая программа цивилизационного анализа представляла собой альтернативу теориям линейной модернизации и локальных цивилизаций. В настоящее время цивилизационный анализ признан одним из основных направлений в исторической и сравнительной социологии [Шпон, 2014: 62–64]. Огромная заслуга в этом принадлежит Эйзенштадту. До рубежа XX–XXI вв. он занимал центральную позицию в социологических дискуссиях по цивилизационной проблематике, благодаря сформулированным им концепциям «цивилизационного измерения», «осевых цивилизаций», «множественных модерностей» и «модерности как нового типа цивилизации». Развитие и критика его идей наряду с вовлечением новых теоретических ресурсов привели в 2000-е гг. к дальнейшей дифференциации поля цивилизационного анализа.

Цивилизационный поворот в социологии происходил на волне всеобщего пересмотра концептуальных оснований научной дисциплины, вызванного распадом ортодоксального консенсуса первых двух послевоенных десятилетий середины XX в., сложившегося под доминирующим влиянием структурного функционализма. В период своего господства структурно-функциональная школа не только не вытеснила полностью другие течения в социологии, хотя и наложила определяющий отпечаток на дисциплинарный облик науки, но и внутри самой себя не была единой и неизменной, как это пытались представить ее оппоненты, в особенности, когда давали ретроспективные оценки. На пороге цивилизационного поворота в своем творчестве Эйзенштадт утверждал (с соавтором), что «внутри этой школы возникло множество внутренних противоречий, споров и “открытий”» [Eisenstadt, Curelaru, 1976: 180]. Он писал об этом со знанием дела, поскольку в этом описании видел и свое положение в рамках школы структурного функционализма, обеспечившей его исходной теоретико-методологической базой исследований в начале научной карьеры. Эйзенштадт был учеником философа М. Бубера и последователем версии Э. Шилза в рамках структурно-функциональной школы в большей степени, чем непосредственно Т. Парсонса. Он получил в Израиле опыт жизни в неевропейском обществе, находящемся в состоянии строительства государства в историческом регионе с большим культурным разнообразием и сложной конфигурацией геополитических отношений. Эйзенштадт в работах 1950-х гг. представил «неортодоксальную версию теории модернизации... более чувствительную к разнообразию ситуаций, траекторий и результатов» [Arnason, 2015: 148]. Отказ от дихотомического взгляда на соотношение традиции и модерности в анализе социокультурной динамики современных обществ стал важной концептуальной предпосылкой будущего открытия им цивилизационной перспективы.

Следующим шагом Эйзенштадта на пути к цивилизационному повороту стало сравнительное исследование «исторических бюрократических империй» [Eisenstadt, 1963]. Оно было осуществлено им еще в рамках структурно-функциональной теории, хотя и с нехарактерным для нее вниманием к противоречиям, кризисам и непредвиденным обстоятельствам. На этом этапе исследовательской деятельности Эйзенштадта наиболее отчетливым намеком на его будущую всепоглощающую заинтересованность цивилизационной проблематикой стало рассмотрение символических ориентаций и их влияния на имперские стратегии мобилизации «свободных ресурсов». Новую область исследований Эйзенштадта, предшествовавшую его обращению к цивилизационному теоретика, составила сравнительная социология революций. На этот раз культурные предпосылки социальных изменений явным образом оказались в центре внимания ученого. «Великие революции» (английская, французская, американская, русская, китайская и некоторые другие) рассматривались им как особый тип социальных преобразований, в ходе которых осуществлен переход к модерности, но который также может происходить и в иных формах [Эйзенштадт, 1999]. Столь широкий по охвату сравнительный подход, как и придаваемое им значение трансформации фундаментальных культурных ориентаций в революционных

общественных переменах, подтолкнул Эйзенштадта к использованию цивилизационного подхода в социологическом анализе.

При разнообразии исследовательских областей, включая цивилизационный анализ, через которые Эйзенштадт последовательно прошел в научной биографии, сквозной темой его творчества, согласимся с Дж. Александером, была проблема институционализации [Alexander, 1992: 86]. Подход к ее решению существенно менялся от ранней к поздней фазе исследовательской работы ученого. Цивилизационный поворот 1970-х гг. основывался, по словам Эйзенштадта, на сдвиге в сравнительном анализе институтов, означившем окончательный разрыв со структурным функционализмом и эволюционизмом [Eisenstadt, 2000b: 1]. У самого Эйзенштадта этот сдвиг принял отчетливо выраженный культурный поворот. Рассмотрим ключевые концепции его проекта цивилизационного анализа, которые перечислены выше, уделяя внимание их критической оценке и развитию.

Цивилизационное измерение обществ. По словам Эйзенштадта, теоретические интенции цивилизационного поворота в социологии в середине 1970-х гг. лучше всего могут быть поняты как стремление к обоснованию относительной автономии культуры в противовес функционалистским, структуралистским, системным способам объяснения социальных феноменов [Eisenstadt, 1987: 605–606; 2000b: 1]. Центральную метатеоретическую проблему отношений культуры с агентностью и социальной структурой Эйзенштадт рассматривал в контексте более общей проблематики человеческой креативности и ее ограничений в социальной и культурной сферах [Eisenstadt, 1998: 39]. Его проект цивилизационной теории основывался на представлении о фундаментальной неопределенности человеческого существования и, как следствие, непрерывном конструировании социального и культурного порядков [Eisenstadt, 2000b: 18–20].

Эйзенштадт ввел понятие «цивилизационного измерения обществ», которое определил через выделение двух различных, но взаимосвязанных аспектов: с одной стороны, культурной интерпретации мира, или «онтологических или космологических видений», с другой – определения, разграничения и регулирования сфер, или «арен», социальной жизни [Eisenstadt, 2000b: 2]. В соотношении интерпретативного и институционального аспектов цивилизационного измерения он акцентировал моменты автономии и контингентности вразрез любым разновидностям одностороннего – социального или культурного – редукционизма и детерминизма.

В противоположность метаисторической теории локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Р. Кулборн, К. Куигли, Ф. Бэбби и др.) Эйзенштадт подчеркивал не гомогенность и внутреннюю согласованность, а амбивалентность и антиномичность культурных предпосылок цивилизационных формаций. Вопреки используемому им термину «культурная программа» он не считал, что культурные ориентации цивилизаций предопределяют институциональное устройство обществ. Некоторые из них кристаллизуются в сравнительно стабильные и доминирующие культурные модели – ортодоксии, но наряду с ними неизменно присутствуют гетеродоксальные артикуляции, которые в определенных исторических обстоятельствах могут играть важную роль в осуществлении социальных трансформаций. Для более адекватного понимания выделяемых Эйзенштадтом базовых культурных онтологий цивилизационных формаций Арнасон предлагает использовать понятие «проблематика» – констелляция тем, проблем и перспектив, открытая для различных и часто противоречивых интерпретаций. В отличие от нагруженного функционалистскими коннотациями термина «культурная программа», понятие культурной проблематики подчеркивает качества неопределенности и креативности.

Несмотря на то что цивилизационный поворот привел Эйзенштадта к решительному разрыву со структурным функционализмом, следы последнего сохранились не только в использовании подчас терминов, не отвечающих новым концептуальным представлениям, но и в не до конца преодоленном нормативно-институциональном редукционизме. Наиболее лаконичная формулировка цивилизационного измерения «подчеркивает переплетение структурных аспектов социальной жизни с ее регулятивным и интерпретативным контекстом» [Eisenstadt,

2000b: 1]. Эйзенштадт проводит отчетливое различие между культурным, институциональным и социоструктурным аспектами социальной жизни. Более развернутое определение цивилизационного измерения фокусируется, как мы видели, на комбинации интерпретативных и регулятивных рамок, оставляя открытым вопрос о соотношении образованной такой комбинацией цивилизационной формации с социальной структурой.

Рассматривая метатеоретическую проблему соотношения культуры и социальной структуры, Эйзенштадт был склонен последнюю сводить к «институциональному измерению», или «организационным рамкам», представляющим собой «наборы правил и норм» (напр.: [Eisenstadt, 1989: 101]). Он отказался от ортодоксального социологического понятия культуры как «норм и ценностей» в пользу расширенной концепции, подчеркивающей интерпретативное измерение культуры, т.е. ее роль в раскрытии и артикуляции мира. В то же время институциональная трактовка социальной структуры как «правил и норм» сохранила у него доминирующее значение. На уровне построения более конкретных моделей цивилизационной динамики Эйзенштадт уделял больше внимания анализу коалиций и конфронтаций различного типа элит и других ключевых акторов. Но в целом социальная структура в «субстанциально-реляционном», а не «нормативном» отношении осталась им явно недостаточно концептуализирована и исследована. Х. Йоас и В. Кнёбль обращают внимание на то, что многие «структурные данности» не играют в анализе Эйзенштадта существенной роли, например, роль колониализма и связанного с ним применения открытого насилия в процессах становления цивилизации модерности и ее множественных форм [Йоас, Кнёбль, 2011: 475–476]. В более поздних работах Эйзенштадт, как правило, отличал «институциональные рамки» от «паттернов социальных отношений» (напр.: [Эйзенштадт, 2012]).

Определения Эйзенштадта обладают потенциалом, который не в полной мере предусмотрен их автором, но создает возможности для восполнения дефицитов в теоретических построениях самого Эйзенштадта и для консолидации версий цивилизационного анализа. Этот интегративный потенциал отчетливо проявился в лаконичной «трехсторонней» формулировке цивилизационного измерения. Но и определение цивилизационного измерения, акцентирующее интерпретативно-институциональную взаимосвязь, содержит выход на социоструктурное измерение социальной жизни через понятие «арены» (во множественном числе). В отличие от нагруженного функционалистскими коннотациями термина «сферы» социальной жизни, оно отсылает к конфликтному образу общества, предполагая паттерны отношений власти, которые Элиас концептуализировал понятием социальной фигурации. Данное понятие обозначает сеть отношений взаимозависимости между акторами и воплощает реляционную концепцию власти [Elias, 1978: 131] – неотъемлемую часть процессуальной модели его цивилизационного анализа.

По сравнению с культур-ориентированным подходом Эйзенштадта понятие социальной фигурации Элиаса дает всеобъемлющий охват социоструктурного измерения цивилизационной динамики. Оно относится к меняющемуся балансу власти в отношениях между акторами и применимо ко всем уровням социальных отношений, от взаимодействия отдельных лиц до глобальных сетей. Однако властечетричная процессореляционная теория цивилизации Элиаса испытывает дефицит признания аналитической автономии и понимания конститутивной роли культуры в социальной жизни. Тем самым исследовательская программа цивилизационного анализа, тематизирующая отношения культуры с властью в качестве своей ключевой проблематики, нуждается в понятии цивилизационной формации Эйзенштадта и в понятии социальной фигурации Элиаса. Наиболее важным связующим звеном между ними выступают «культурные интерпретации власти».

В начале своего формирования цивилизационная аналитическая перспектива Эйзенштадта была подвергнута критике с позиции традиционного холистического подхода. Американский социолог В. Каволис, который одним из первых стал использовать термин «цивилизационный анализ», упрекнул Эйзенштадта в недостатке «цивилизационной ответственности» из-за слишком узкого фокуса его исследований на проблеме влияния

религии на политику, направленных на выявление вариаций в трансформационной способности социальных институтов. С точки зрения Каволиса, сведение разнообразия символических структур каждой цивилизации к пересечению нескольких схематических измерений организации социальных и культурных систем деформирует предмет цивилизационного анализа, подчиняя его социально-системной социологии [Kavolis, 1985: 38].

Недавние критики представляемой Эйзенштадтом версии цивилизационного анализа неоправданно объединяют ее с «эссенциалистской» концепцией цивилизаций Хантингтона, резко противопоставляя «реляционному» подходу Арнасона [Smith, 2017; Hall, Jackson, 2007: 5–6; Knöbl, 2011: 10]. Согласно Смит, Эйзенштадт разработал «интегративистскую» модель цивилизаций как «относительно стабильных и отдельных единств, что само по себе исключает широкий спектр контактов, связей и обменов между социальными формациями» [Smith, 2017: 52]. Эйзенштадт, хотя и отмечал значение межцивилизационных и транскивилизационных взаимосвязей и взаимодействий, действительно был склонен основное внимание уделять сравнительному исследованию динамики цивилизаций с точки зрения разработки ими своих особых культурных онтологий. Тем не менее выдвинутая им концепция «цивилизационного измерения» принципиально опровергает точку зрения холистского детерминизма на цивилизации как в высшей степени когерентные структуры и самодостаточные системы.

Арнасон считает сформулированное Эйзенштадтом определение «цивилизационного измерения человеческих обществ» наилучшим отправным пунктом для обсуждения и разработки программы цивилизационного анализа: «для социологии в целом и цивилизационного анализа в частности важно выйти за пределы перегруженных понятий с оттенком тотальности, но это необходимо сделать, не потеряв из виду скрывающейся за ними проблематики» [Арнасон, 2012: 20]. В возможности удержаться на этой тонкой грани заключается заслуга введенного Эйзенштадтом «аналитического», по сравнению с традиционным «субстанциальным», определения предметной области цивилизационного анализа. Интерпретация и обозначение созданного Эйзенштадтом образа цивилизаций как «интегративистского» полностью нивелирует этот решающий для конституирования социологической парадигмы цивилизационного анализа концептуальный сдвиг в осмыслении феномена цивилизаций и не позволяет принципиально отличить ее от других цивилизационных исследовательских программ.

Задаваемый определением «цивилизационного измерения» Эйзенштадта образ цивилизационных формаций более адекватно передается терминами «паттерн», «комбинация», «констелляция», «конфигурация», «комплекс», не «система» или «структура». Соответственно определяемая как *конфигурационистская* модель цивилизационного анализа Эйзенштадта акцентирует моменты контингентности, амбивалентности, противоречивости, вариативности, изменчивости, контекстуальности, открытости. Такой образ цивилизаций обладает большей гибкостью для конструктивных взаимоотношений с другими версиями цивилизационного анализа, в том числе *реляционной*, или *интеракционной*, которая фокусируется на широком спектре межцивилизационных и внутрицивилизационных взаимодействий.

В классический период социологии пространственно-временной аспект цивилизаций был концептуально разработан Э. Дюркгеймом совместно с М. Моссом [Durkheim, Mauss, 1971; Mauss, 2006]. Под цивилизациями они понимали «семейства обществ», т.е. широко-масштабные и долговременные формации, охватывающие некоторое множество сосуществующих или следующих друг за другом «взаимосвязанных политических тел». Таким образом, предложенное Эйзенштадтом понятие «цивилизационное измерение обществ», но принявшее у него одностороннее – «веберовское» направление разработки, оказалось хорошо приспособлено для интеграции в одной концептуальной модели немецких и французских классических источников социологической традиции цивилизационного анализа.

Осевые цивилизации и трансформации. Для Эйзенштадта «цивилизационное измерение» не только аналитическая конструкция, но и исторический феномен. В истории человечества цивилизационное измерение возникает в осевое время (между 800 г. до н.э.

и 200 г. н.э.), когда в разных регионах мира возникли онтологические представления о фундаментальной напряженности между трансцендентальным и обыденным порядками [Eisenstadt, 1982]. Кристаллизация и институционализация этих представлений привела к формированию множественных «осевых цивилизаций».

В отличие от философского понимания «осевого времени» К. Ясперсом (который ввел этот термин), его предложенная Эйзенштадтом социологическая концептуализация имела ключевое значение в теоретическом плане для определения феномена цивилизаций: взаимосвязанные интерпретативные и институциональные трансформации в течение этого периода сделали цивилизационное измерение впервые в истории человечества явным и рефлексивным.

В числе важнейших особенностей осевых цивилизаций Эйзенштадт отмечал: 1) стремление к реконструкции мира в соответствии с представлениями о выбранном пути преодоления фундаментальной напряженности между трансцендентальным и обыденным порядками; 2) тенденцию к экспансии, в которой миссионерские идеологические и религиозные мотивы соединялись с политическими и экономическими импульсами; 3) развитие внутренней способности к трансформации, которая иногда достигала кульминации во вторичных «осевых прорывах». Наиболее глубокая трансформация подобного рода произошла в рамках западноевропейской христианской цивилизации, приведя к возникновению «модерности», нового типа цивилизации с особыми культурными и институциональными программами, которая распространилась на другие регионы мира, вызвав появление «множественных модерностей» [Eisenstadt, 2000b].

Социологическая интерпретация Эйзенштадтом осевого времени, подчеркивающая взаимосвязь культурной и социальной динамики, вызвала широкую и многолетнюю, продолжающуюся до сих пор дискуссию о происхождении, формах и последствиях осевых цивилизаций и трансформаций [Eisenstadt, 1986; Arnason et al., 2005; Bellah, Joas, 2012; Arjomand, Kalberg, 2021].

В историзирующей перспективе объектами анализа являются конкретные исторические формации – «осевые цивилизации» и их культурные ориентации, которые кристаллизуются в осевое время и его хронологически менее отдаленных, чем это допускается при типологическом подходе, «вторичных прорывах» (в последнем случае возникновение ислама может служить примером «осевой цивилизации», которая сформировалась за рамками собственно осевого времени). В рамках исторического подхода подчеркивается разнообразие конституирующих осевые цивилизации культурных предпосылок, а также сложность их взаимосвязей с социальной и политической динамикой.

Б. Виттрок попытался расширить проект цивилизационного анализа Эйзенштадта, предложив концепцию трех глобальных «культурных кристаллизаций» в истории человечества [Wittrock, 2001]. Полная культурная кристаллизация включает не только идеациональные сдвиги, но и макроинституциональные трансформации, охватывающие ширококомасштабные трансрегиональные и трансцивилизационные конфигурации. После космологических и интеллектуальных сдвигов и сопряженных с ними институциональных изменений третьим фокусом предлагаемой Виттроком расширенной концептуализации осевого времени являются паттерны торговли, завоевания и религиозной конверсии между городскими цивилизациями и кочевыми народами, которым Эйзенштадт уделял недостаточное внимание [Wittrock, 2001: 34]. Между осевым временем и формированием модерности (конец XVIII – начало XIX в.) Виттрок выделяет эпоху экуменического ренессанса (IX – середина XIII в.), в которую произошло воссоздание фундаментально трансформированных экуменических и имперских порядков после их упадка, вызванного завоеваниями кочевых народов. Для традиционных научных представлений в отношении двух крайних периодов глобальной культурной кристаллизации характерны противоположные подходы. Если осевое время интерпретируется, прежде всего, как культурная реконфигурация, то формирование модерности – преимущественно как институциональная трансформация. Виттрок соединяет, по примеру Эйзенштадта, обоснование теоретического подхода

с анализом конкретного исторического феномена. Выдвигая гипотезу экуменического ренессанса, он стремится показать, что «космологические и культурные трансформации оказывают прямое влияние на возникновение макроинститутов» [Wittrock, 2001: 38].

Модерность: множественная и единая. Теория множественных модерностей Эйзенштадта [Eisenstadt, 2000a] получила признание и развитие в трудах ряда исследователей, среди которых Й. Арнасон [Arnason, 2000], Б. Виттрок [Wittrock, 2000], П. Вагнер [Wagner, 2008; Wagner, 2010; Wagner, 2011], Й. Терборн [Therborn, 2003] и др. Менее замеченной другими и разработанной Эйзенштадтом оказалась его концепция модерности как «новой цивилизации», или, в более радикальной формулировке, «нового типа цивилизации».

Общепринятое понимание модерности как цивилизации традиционно исходит из унитарной концепции цивилизации, в которой модерность трактуется в стадийно-эволюционистском духе как универсальная цивилизация. Эйзенштадт, напротив, понятие модерности основывал на плюралистической концепции цивилизации, в рамках которой модерность предстает особой цивилизацией, получившей глобальное распространение и представленной множественными культурно-институциональными формами, причем не идентифицируемыми исключительно с более старыми цивилизационными традициями, сохранившимися в различных регионах мира. Множественные конфигурации модерности складываются в пространственно-временных контекстах различного масштаба: от локального и национального до регионального и глобального.

Культурная ориентация на человеческую автономию конституирует модерность как новый тип цивилизации [Eisenstadt, 2001: 322]. Эту ориентацию, изменяющую структуру человеческого бытия в мире, следует понимать в широком смысле, включая «осознанное воздействие на мир и методическое стремление к пониманию его устройства, расширившееся господство над миром и радикальную реконструкцию общества» [Арнасон, 2012: 26]. Согласно Арнасону, «идея множественности модерностей предполагает и определяет понятие модерности как цивилизации» [Арнасон, 2017: 65]. Он уделил особое внимание разработке концепции модерности как нового типа цивилизации, которая была лишь в самых общих чертах и подчас весьма противоречиво очерчена Эйзенштадтом. Новый цивилизационный паттерн, несущий в себе источники плюрализации форм социальной жизни, взаимодействует с сохраняющимся более или менее длительное время на разных уровнях и в разных сферах общественной жизни наследием прежних цивилизаций [Арнасон, 2012: 26]. Однако существующее культурное и институциональное разнообразие современных обществ не может быть отнесено всецело на счет влияния исторически сложившихся цивилизационных традиций, т.е. объяснено зависимостью от прошлого пути, как подчас односторонне интерпретировали цивилизационный подход Эйзенштадта (напр.: [Knöbl, 2010]).

По мнению Виттрока, в эпоху модерности все еще можно говорить о различных цивилизациях в разных частях мира. Однако модерность как таковая, с его точки зрения, не является «новой цивилизацией», как полагал Эйзенштадт, а представляет собой «глобальное условие, которое влияет на все наши действия, интерпретации и привычки» [Wittrock, 2001: 46]. Современное глобальное состояние модерности определяется не столько универсальными тенденциями к конвергенции и повсеместным распространением нескольких базовых социетальных институтов, сколько всеобщим «референциальным» значением культурно конституируемых структурирующих принципов. В роли последних выступают «долговые обязательства» социополитических макроинститутов [Виттрок, 2002: 144–146]. Данные структурирующие принципы и связанные с ними концептуальные представления и ожидания выступают всеобщими точками отсчета в политических дискуссиях и столкновениях, установлении социальных связей, построении коллективных идентичностей и выработке институциональных форм, что в результате приводит к складыванию множественных модерностей.

В конкретно-исторических цивилизационных конфигурациях культурные интерпретации широко понимаемой социальной власти могут придавать автономное и даже

доминирующее значение сферам общественной жизни, для которых артикуляция смысла не является фокусом институционализированной деятельности. С приходом модерности усиливается автономная динамика экономической и политической сфер социальной жизни. Наличие этой тенденции, с одной стороны, расширяет поле применения в рамках цивилизационного анализа фигурационной теории, концентрирующейся на полюсе широко понимаемого феномена социальной власти, но, с другой стороны, не ведет к умалению влияния цивилизационных контекстов. Культурные определения неизбежно входят в построение экономической и политической сфер. Не только в условиях модерности, но и в прежние исторические эпохи некоторые культурные определения были особенно совместимы с более или менее автономной политической и экономической динамикой, что особенно хорошо видно на исследованных Эйзенштадтом примерах строительства империй, а также проанализированных Ф. Броделем мир-экономик [Arnason, 2010: 78, 81].

Заключение. Сформулированные Эйзенштадтом концепции определили в существенных чертах ключевые вопросы повестки дня современного цивилизационного анализа в социологии. Продолжающиеся вокруг них дискуссии, сопровождаемые подчас их решительной критикой, как и их разработка, даже выходя за рамки исследовательской программы цивилизационного анализа, лишь подтверждают фундаментальную значимость социологических идей Эйзенштадта, не имеющей ничего общего с исследовательской конъюнктурой и теоретической модой. Существующие напряжения и противоречия между версиями исследовательской программы цивилизационного анализа скорее свидетельствуют не о возникающих расколах, а о продолжающемся диалоге. Примечательная особенность цивилизационного анализа заключается в его способности выступать ареной схождения и переплетения теоретических направлений, которые в иных своих проявлениях и в других контекстах воспринимаются как дивергентные и конфликтующие.

Цивилизационный подход стал местом встречи и сопряжения веберианской и дюркгеймианской, а также парсонсианской и марксистской линий, традиционно соотносимых с противоположными социологическими парадигмами: например, «социальных дефиниций» (М. Вебер) и «социальных фактов» (Э. Дюркгейм); или «консенсуса» (Т. Парсонс) и «конфликта» (К. Маркс). Два признанных лидера современного цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон пришли к этой исследовательской программе, выйдя: первый из девиантной версии структурного функционализма, второй – из феноменологического ответвления марксистской теории. Не стоит видеть в этих фактах обещание всеобъемлющего теоретического синтеза в социологии на основе цивилизационной парадигмы, которая, сама – по самооценке ее ведущих представителей – находится только в процессе формирования и, более того, по принципиальным соображениям даже не стремится к достижению нового подобия «ортодоксального консенсуса». Цивилизационный анализ способен выступить одной из арен теоретического диалога в качестве альтернативы дисциплинарной разобщенности социальных наук и их постмодернистской антидисциплинарной фрагментации, предложить модель продуктивного трансдисциплинарного взаимодействия множественных концептуальных позиций, объединенных общей проблематикой. На этой арене фигура Ш.Н. Эйзенштадта может быть причислена с полным основанием к новому поколению классиков после М. Вебера и Э. Дюркгейма в цивилизационном анализе и в социологии в целом. Интеллектуальное наследие Эйзенштадта символизирует единство научной дисциплины и служит источником множественных, подчас конфликтующих интерпретаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Арнасон Й. Понимание цивилизационной динамики: вводящие замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 18–29. [Arnason J.P. (2012) Making sense of civilizational dynamics: introductory remarks. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15. No. 6: 18–29. (In Russ.)]

- Арнасон Й. Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 5. С. 37–69. [Arnason J.P. (2017) *Revolutions, Transformations, Civilizations: Prolegomena to a Paradigm Reorientation. Neprikosnovenniy zapas. Debaty o politike i kulture* [Emergency ration. Debate about politics and culture]. No. 5: 37–69. (In Russ.)]
- Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 141–159. [Wittrock B. (2002) *Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 1: 141–159. (In Russ.)]
- Йоас Х., Кнёбл В. Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2011. [Joas H., Knöbl W. (2011) *Social Theory: Twenty Introductory Lectures*. St. Petersburg: Aleteyia. (In Russ.)]
- Шпон В. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 2. С. 55–69. [Spohn W. (2014) *Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World. Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 17. No. 2: 55–69. (In Russ.)]
- Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1(30). С. 33–56. [Eisenstadt S.N. (2012) *The New Religious Constellations in the Frameworks of Contemporary Globalization and Civilizational Transformation. Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 1(30): 33–56. (In Russ.)]
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. [Eisenstadt S.N. (1999) *Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)]
- Alexander J.C. (1992) *The Fragility of Progress: An Interpretation of the Turn toward Meaning in Eisenstadt's Later Work. Acta Sociologica*. Vol. 35. No. 2: 85–94.
- Arjomand S.A., Kalberg S. (eds) (2021) *From World Religions to Axial Civilizations and Beyond*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Arnason J.P. (2000) *Communism and Modernity. Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 61–90.
- Arnason J.P. (2010) *The Cultural Turn and the Civilizational Approach. European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 1: 67–82.
- Arnason J.P. (2015) *Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation. Social Imaginaries*. Vol. 1. No. 2: 146–176.
- Arnason J.P., Eisenstadt S.N., Wittrock B. (eds) (2005) *Axial Civilizations and World History*. Leiden; Boston: Brill.
- Bellah R.N., Joas H. (eds) (2012) *The Axial Age and Its Consequences*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
- Durkheim E., Mauss M. (1971) *Note on the Notion of Civilization [1913]. Social Research*. Vol. 38. No. 4: 808–813.
- Eisenstadt S.N. (1963) *The Political Systems of Empires*. New York: The Free Press.
- Eisenstadt S.N. (1982) *The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of the Clerics. European Journal of Sociology*. Vol. 23. No. 2: 294–314.
- Eisenstadt S.N. (1987) *Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions. Contemporary Sociology*. Vol. 16. No. 5: 602–609.
- Eisenstadt S.N. (1989) *Structure and History: Introductory Observations. International Political Science Review*. Vol. 10. No. 2: 99–110.
- Eisenstadt S.N. (1998) *Comparative Studies and Sociological Theory: Autobiographical Notes. The American Sociologist*. Vol. 29. No. 1: 38–58.
- Eisenstadt S.N. (2000a) *Multiple Modernities. Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 1–29.
- Eisenstadt S.N. (2000b) *The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven*. Vol. 62. No. 1: 1–21.
- Eisenstadt S.N. (2001) *The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. International Sociology*. Vol. 16. No. 3: 320–340.
- Eisenstadt S.N. (ed.) (1986) *The Origins and Diversity of Axial Age Civilisations*. New York: SUNY Press.
- Eisenstadt S.N., Cúrelaru M. (1976) *The Forms of Sociology: Paradigms and Crises*. New York: Wiley.
- Elias N. (1978) *What is Sociology?* New York: Columbia University Press.
- Hall M., Jackson P.T. (2007) *Introduction: Civilizations and International Relations Theory. In: Hall M., Jackson P.T. (eds) Civilizational Identity: The Production and Reproduction of "Civilizations" in International Relations*. N.Y.: Palgrave Macmillan: 1–12.
- Kavolis V. (1985) *Civilization Analysis as a Sociology of Culture. Sociological Theory*. Vol. 3. No. 1: 29–38.
- Knöbl W. (2010) *Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks. European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 1: 83–97.

- Knöbl W. (2011) Contingency and Modernity in the Thought of J.P. Arnason. *European Journal of Social Theory*. Vol. 14. No. 1: 9–22.
- Mauss M. (2006) Civilizations, Their Elements and Forms [1929/1930]. In: Mauss M. *Techniques, Technology and Civilisation*. N.Y.; Oxford: Durkheim Press: 54–78.
- Nelson B. (1981) *On the Roads to Modernity: Conscience, Science and Civilizations*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield.
- Smith J. (2017) *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.
- Therborn G. (2003) Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. Vol. 6. No. 3: 293–305.
- Wagner P. (2008) *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity.
- Wagner P. (2010) Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology. *Thesis Eleven*. Vol. 100. No. 1: 53–60.
- Wagner P. (2011) From Interpretation to Civilization – and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities. *European Journal of Social Theory*. Vol. 14. No. 1: 89–106.
- Wittrock B. (2000) Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 31–60.
- Wittrock B. (2001) Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations. *Thesis Eleven*. Vol. 65. No. 1: 27–50.

Статья поступила: 26.07.23. Финальная версия: 31.08.23. Принята к публикации: 04.09.23.

CIVILIZATIONAL TURN IN THE CONTEMPORARY SOCIOLOGY: THE CONTRIBUTION OF S.N. EISENSTADT

BRASLAVSKIY R.G.*, KOZLOVSKIY V.V.**

*Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia; **St. Petersburg State University, Russia

Ruslan G. BRASLAVSKIY, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Science (r.braslavsky@socinst.ru); Vladimir V. KOZLOVSKIY, Dr. Sci. (Philos.), director; Prof., St. Petersburg State University (v.kozlovskiy@socinst.ru). Both – Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-01067.

Abstract. The article highlights the contribution of Shmuel Noah Eisenstadt (1923–2010) to the elaboration of key sociological ideas in civilizational analysis. The appeal to the civilizational approach in contemporary sociology is caused by theoretical and methodological deficit in understanding multiple national, regional, local and global sociocultural configurations of dynamic modernity. The sociological tradition of civilizational analysis is represented by M. Weber, E. Durkheim, M. Mauss, P.A. Sorokin, N. Elias, B. Nelson, E. Tiryakian, S. Arjomand, J. Arnason and other scholars. Among them, a most significant figure who played key role in turning contemporary sociology towards civilizational analysis is S.N. Eisenstadt. His concepts of “civilizational dimension of societies”, “axial civilizations”, “multiple modernities”, “civilization of modernity” set the agenda of contemporary civilizational analysis.

Keywords: civilizational analysis, sociology, Axial Age, multiple modernities, civilization, modernity, S.N. Eisenstadt.

Received: 26.07.23. Final version: 31.08.23. Accepted: 04.09.23.

Л.А. ЛЕБЕДИНЦЕВА, П.П. ДЕРЮГИН, ЛЮ ЦЗЮАНЬ

ПРОФЕССОР С.М. ШИРОКОГОРОВ: РУССКИЕ ИСТОКИ КИТАЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ЛЕБЕДИНЦЕВА Любовь Александровна – доктор социологических наук, профессор; ассоциированный научный сотрудник (lbebedintseva879@gmail.ru); ДЕРЮГИН Павел Петрович – доктор социологических наук, профессор; ассоциированный научный сотрудник (ppd333@rambler). Оба – факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; ЛЮ Цзюань – доктор философских наук, профессор Цзянсуского океанологического университета, Ляньюньгань, КНР (liujuan1971@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному российской социологической аудитории ученому Сергею Михайловичу Широкогорову (1887–1939). Взгляды его содержат характерное понимание природы социального, – на основе этнического. Авторами статьи показаны приоритеты исследований социальных явлений С.М. Широкогоровым: (1) реализация принципов целостности и системности, направленность исследования на гармоничное изучение социальных явлений в единстве с биологическими, культурными и другими переменными; (2) приоритет и синтезирующее начало биологического в понимании социального. Творческая деятельность С.М. Широкогорова может быть разделена на российский и китайский периоды. В рамках первого периода происходит становление ученого, выбор приоритетов научных исследований как в определении объектов исследования, так и методологии, методов и принципов; публикация первых результатов исследований. В китайский период публикационная и преподавательская активность С.М. Широкогорова достигает своего пика. Он знакомится с Фэй Сяотунем, ставшим его учеником, впоследствии оказавшим большое влияние на развитие китайской социологии. Разработанные ученым подходы нашли свое развитие в теоретических и прикладных исследованиях китайской школы социологических исследований индигенизации. Базовые идеи этих исследований развивали взгляды С.М. Широкогорова о том, что этнические единицы возникают как результат множества адаптационных процессов во взаимодействии с факторами окружающей внешней среды.

Ключевые слова: Сергей М. Широкогоров • этнолого-социологическая теория • Фэй Сяотун • индигенизация

DOI: 10.31857/S013216250028310-4

В отечественных научных кругах С.М. Широкогоров известен как первоклассный этнограф и антрополог. Самым значимым результатом его научного творчества стало авторство понятия «этнос» [Йохансен, 2002: 139]. Наряду с этим концептуальные взгляды С.М. Широкогорова содержат характерную позицию в понимании природы социального, выступающего на основе этнического. Такая позиция кажется закономерной, поскольку, по признанию самого Сергея Михайловича, его путь в науку начался с изучения социологии, экономики и истории во время учебы во Франции: студент Широкогоров разделял научные идеи М. Мосса и Э. Дюркгейма [Shirokogoroff, 1935]. Это не могло не сказаться на понимании социологии как системной интегративной науки, объединяющей знания многих научных дисциплин. В центре этой системы – живой реальный человек, на основе физиологических признаков которого складываются этнические группы, а они в свою очередь интегрируются в определенную социальность.

Российский период. Сергей Михайлович Широкогоров (кит. 史禄國; Shi Luguó – Ши Луго) родился 19 июня (1 июля) 1887 г. После получения образования в университетах Франции С.М. Широкогоров прожил в России с 1910 по 1922 г. Результаты работы этого периода позволяют охарактеризовать его как блестящего молодого ученого. Первым рабочим местом Сергея Михайловича стал Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), где он занимал должность заведующего тунгусским подотделом музея и одновременно преподавателем в Санкт-Петербургском университете. Революционные события 1917 г. существенно повлияли на его судьбу – он переезжает во Владивосток. Исследователи творчества и профессиональной биографии С.М. Широкогорова по-разному объясняют причины отъезда в Китай.

Результаты его деятельности за этот период ошеломляют. В фондах Музея антропологии и этнографии хранятся более четырех тысяч предметов, связанных с описанием им быта малых народов, шаманским культом, а также археологическая коллекция. Отечественный этап творчества ученого ознаменован такими важными научными трудами, как «Отчет о командировках к тунгусам и ороchonам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг.» (1914); «Задачи антропологии в Сибири» (1915); «О методах разработки антропологических материалов» (1919); «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов» (1920); «Место этнографии среди наук и классификация этносов» (1922) и др. В опубликованных в эти годы трудах С.М. Широкогорова был сформулирован концептуальный взгляд на общество как на взаимосвязи биологического и социального, которые были исследованы и подтверждены его многочисленными эмпирическими данными.

С 1922 г. начинается китайский период его жизни и творчества. Обстоятельства его отъезда в Китай описываются по-разному. Одни авторы указывают, что «во избежание репрессий, грозивших ему со стороны большевистских властей, он вынужден был оставить Владивосток и жить на положении эмигранта в Китае» [Кочешков, 1999: 151]. По другой версии, Широкогоров был уволен из университета 26 октября 1922 г. в результате инцидента в движении, представляющем группу антибольшевистских организаций на Дальнем Востоке. Опасаясь политических преследований, которым они могли подвергнуться, он и его жена уехали из Владивостока в Шанхай [Anderson et al., 2019]. Некоторые исследователи биографии и профессионального пути пишут о том, что в сентябре 1922 г. Дальневосточный университет командировал Широкогорова в Шанхай для издания его трудов, в том числе «Этноса...» и «Социальной организации маньчжур», где его и застало установление советской власти в Приморье [Кузнецов, 2017; 2001; Ермакова, 2001]. Есть и такая версия: Широкогоров, не вышедший на работу после установления советской власти во Владивостоке, наряду с другими, был уволен из университета. Узнав об этом, он пишет заявление ректору: «15 сего декабря я получил известие от Вас от 29 ноября за № 640 о том, что я отчислен от занимаемой мною должности от 26 октября сего года, как добровольно покинувший университет. С этим решением Совета я не могу согласиться... 15 декабря 1922 года» (цит. по: [Кузнецов, 2017: 112]). Ответа не последовало; начался эмигрантский период его жизни. Как бы то ни было, революционные события 1917 г. существенно повлияли на его судьбу – с 1922 г. он начинает работать в Китае.

Базовые взгляды ученого. С.М. Широкогоров начинал путь в профессии ученого с работ в области антропологии. Он видит отправной точкой исследования любых социальных явлений самого человека, человеческое тело, при этом физическая антропология ни в коем случае не ограничивается соматологией (антропометрией). В своей теории этноса он подчеркивает, что в сложившихся этнических единицах (этносах) изменяется не только сам человек: «происходит процесс аккультурации, в котором передаются и изменяются генетические факторы и в котором, в самом широком смысле этого слова, происходит процесс биологической адаптации» [Широкогоров, 2017: 198]. Непрерывное биологическое рефлексирование становится условием успешной социальной адаптации человека, одновременно порождая те или иные социальные формы. На базе

биологического складывается менталитет, на основе которого далее формируется особое социальное пространство – взаимосвязи между людьми.

В качестве доказательства Широкогоров рассматривает феномен шаманства тунгусов, которое понимается как посредник между биологическим и социально-общественным, социально-культурным. В то время как многие другие исследователи оценивали шаманизм только как суеверие, Широкогоров занимает позитивистскую позицию, он показывает шаманизм как физический и психокультурный феномен, который первоначально складывается на уровне ментальности, но впоследствии эффект шаманства поддерживает социальную группу и способствует объективным обстоятельствам не только биологических изменений, но и социальности. В итоге С.М. Широкогоров выходит на понимание единства эволюции человека, природы, общества и всей Вселенной. Эволюция сопровождается развитием социальных форм организации социума.

К концу российского периода жизни С.М. Широкогорова его социологическая концепция включала несколько основных позиций. Общество начинает формироваться на уровне *семейной организации*. Семейная организация составляет единицу родовой организации, которая в свою очередь возникает как необходимость биологического и экономического воспроизводства. Сфера полномочий семьи естественным образом далее ограничена родовыми отношениями, поскольку семья – это единица рода. *Родовая организация* – особая форма социальности: «Род представляет собой группу людей, объединенных сознанием общности своего происхождения от предка или предков мужского пола; группа эта также объединяется признанием своего общего кровного родства и общностью своего наименования, а также признанием ряда запретов, главным из которых является запрещение браков между членами своего рода – экзогамия» [Широкогоров, 2017: 201]. Исходя из этого определения, видно, что у всякого рода есть собственная история (короткая или длинная). В родовой организации существует строго установленная система обычаев, прав, практик и обязанностей – социальных связей. Далее формируется *социальная организация*. Это комплекс этнографических элементов, который регулируется общими интересами «постоянной совокупности индивидов», на основании чего возникают обычаи и более широкая социальная организация [Широкогоров, 2017: 30–31].

Наиболее важную роль в функциях тунгусской социальной организации играют психические и наследственные характеристики. Экономическая система является результатом комплексов социальной организации первичной среды и подразумевает формирование социальных институтов. Главное в понимании и анализе социальной организации, с точки зрения ученого, – глубокая погруженность в материальную культуру, религиозную, психическую, умственную и социально-культурную среду этноса.

Система родства предполагает социально-ролевую структуру и составляет основу родовой организации и, как пишет С.М. Широкогоров, «точнейшим образом определяет место и права каждого члена рода» [Широкогоров, 2017: 286]. Разделение труда в семье и роде основано на принципе наилучшего использования человеческих возможностей, что означает довольно строгое закрепление статуса и роли [там же: 420]. Система вариации семьи зависит от экономических причин, потому что семья – это прежде всего социально-экономическая единица. С.М. Широкогоров всегда выводит взаимосвязь социальной организации и экономической системы. Без первой не может существовать вторая, и наоборот [там же: 40]. На основе взаимосвязей социальной и экономической структуры этноса складываются социально-ролевые позиции. Чаще всего ролевые функции показаны на примере семьи. Семья всегда состояла из двух активных членов – охотника-мужчины и работницы-женщины, причем мужчины играли в ней активную, главную роль. Ограничение женщин на занятия другими видами труда имело место вследствие ее относительной физической слабости [Фадеева, 2001]. Всегда присутствовали внешние знаки уважения к женщинам. В свою очередь вопросы защиты рода, определение его внутренних и внешних отношений всегда решались мужчинами. *Социальным механизмом распространения межэтнических отношений и культуры выступает подражание*. В письме В.М. Алексеева от 17 июля 1931 г.

С.М. Широкогоров написал: «Культурные явления в сильной степени распространяются путем имитации и могут быть, так сказать, “заразительны”, поражая совершенно “здоровые” этносы» (цит. по: [Решетов, 2001: 24]). С другой стороны, распространение этнической культуры во многом обусловлено непрестанной борьбой.

Широкогоров обращает внимание на хозяйственные занятия и множественность форм собственности примитивных сообществ: племенной, родовой, семейной и индивидуальной. У исследуемых сообществ вполне развито представление о наследственном владении определенными пространствами. Такое владение условно может быть названо «племенной собственностью», однако формально такой единицы, как «племя», не существует. Поскольку, пишет Широкогоров, «объединения тунгусов подвержены большим изменениям, а иногда они не стабилизированы вовсе» [Широкогоров, 2017: 474], постольку с территорией, находящейся в постоянном пользовании у родов (или этнических единиц), могут быть осуществлены следующие действия: отстаивание права на проживание; уступка своей территории какому-нибудь другому роду для установления хороших отношений; пользование территорией обща: будучи экзогамной единицей, род не может функционировать в одиночку.

Семейная собственность, как правило, состоит из владения домашним скотом, а также складов, иногда запасов пищи, юрт и предметов общего пользования. Присутствует и личная (индивидуальная) собственность: у мужчин одежда, предметы личного пользования (ножи, мешки, ружья, иногда лошади и олени), у женщин одежда, юрты, все хозяйственные предметы и утварь. По выражению С.М. Широкогорова, «тунгусское обычное право» и «принципы справедливости» выступают условиями распределения участков и охотничьих угодий между членами группы: «если охотнику не удастся найти дичь или пушных зверей, он присоединяется к другим, которые распределяют между собой определенную местность или образуют охотничью артель» [там же: 482].

Обобщая характер научного творчества С.М. Широкогорова в российский период, следует особо подчеркнуть стремление ученого *реализовывать два приоритета исследований социальных явлений*. (1) Стремление к целостности и системности, направленность исследования на гармоничное изучение социальных явлений в единстве с биологическими, культурными и другими. (2) Очевиден приоритет и синтезирующее начало биологического в понимании социального. Реализация принципов единства и целостности в совокупности с приоритетным пониманием роли биологического начала в рассмотрении исследуемых элементов социальной жизни тунгусов позволяли ему выявить и описать подчас парадоксальные характеристики связей биологического и социального и сделать неожиданные для современников выводы о природе этнического. Показанные направления исследований С.М. Широкогоров смог успешно реализовать, работая в Китае.

Эволюция взглядов в китайский период. Свидетельств о пребывании Широкогорова в Китае сохранилось не так много. Преимущественно они отражены в личных переписках с русскими учеными [Арзютов, Андерсон, 2021]. Сведения об обстоятельствах жизни Широкогорова в Пекине содержатся также в воспоминаниях китайского социолога профессора Фэй Сяотуна [费孝通, 1994].

С.М. Широкогоров в Китае много преподавал: выступал с лекциями в Королевском азиатском обществе (Лондон), в университетах Шанхая и Амоя (сегодня – Сямьский университет), в Кантоне – до 1930 г., в Университете Сунь Ятсена, в историко-филологическом институте при Центральной исследовательской академии, далее в пекинских университетах Фуйен и Циньхуа. Самое значимое педагогическое влияние Широкогоров оказал на становление своего китайского ученика Фэй Сяотуна, который впоследствии стал директором института социологии Академии общественных наук Китая и профессором социологии Пекинского университета.

Китайский исследователь биографии Фэй Сяотуна, Мэй Фанцюань, образно пишет о роли Широкогорова и его влиянии на ученого как о проблеске света в темных временах, сравнивает его «с тем, как эксперт по лошадям распознал бы быстрого скакуна»

[梅方权, 2001: 73]. В широких научных кругах социологи Китая признают, что «одним из наиболее значимых наследий Широкогорова является его вклад в профессиональное становление Фэй Сяотуна», благодаря которому впоследствии стало возможным развитие многих областей социологического знания в Китае [梅方权, 2001: 74]. Сам Фэй Сяотун писал, что Широкогоров предложил ему три этапа обучения на шесть лет. На первом этапе изучалась физическая антропология, на втором – лингвистика, на третьем – культурная антропология. План повторял собственный опыт Широкогорова и его понимания исследования природы социального.

Совместная работа двух талантливых людей оказалась весьма плодотворной. По воспоминаниям Фэй Сяотуна, Широкогоров не мог проводить социальные опросы из-за незнания китайского языка, тем не менее он активно использовал свою базовую подготовку для проведения антропометрических измерений в различных локациях. За два года – с 1924 по 1925 г. – было опубликовано три научных отчета об исследовании физической конституции китайцев, результаты которых впоследствии использовались для изучения истории и миграции китайского населения [费孝通, 1994].

По словам Фэй Сяотуна, взаимосвязь биологического и социального Широкогоров рассматривал весьма рационально и практически с арифметической точностью. Самый блестящий анализ его тезиса заключается в том, что единицу этноса можно выразить в арифметической формуле [费孝通, 1994]. Формула представляет собой сочетание трех переменных единиц: земли (地), людей (人) и культуры (文). Земля состоит из пространства и ресурсов, люди – из количества и качества участников, а культура – это рукотворная среда, включающая социальную структуру и культурные накопления. Взаимосвязь между тремя переменными характеризуется усилением и ослаблением центростремительных и центробежных сил. Достижение или потеря энергетического баланса между соприкасающимися единицами приводит к изменениям в подъемах и спадах. Этнос сам по себе постоянно изменяется, а антропология позволяет изучать процесс изменений в этносе.

Особое место в этой подготовке уделялось эмпирическим исследованиям. Широкогоров убежденно считал, что теоретические и эмпирические исследования взаимодополняют друг друга и только через их комбинацию можно сделать точные выводы. Он предоставил Фэй Сяотуну полный набор антропометрических инструментов для его первой полевой работы (физическое обследование национальности яо в горах Даяо в Гуанси). Знания, полученные Фэй Сяотуну в ходе обучения заявленным дисциплинам, можно проследить в оставленных им трудах [费孝通, 1994].

В качестве научного руководителя Широкогоров, помимо проведения полевых работ, активно развивал у Фэй Сяотуна навык самостоятельного решения проблем. Он не давал ему четких указаний, но скорее ставил перед ним цели и создавал условия для исследований. В ходе своих курсов по физической антропологии Широкогоров не читал своему ученику систематических лекций, но постепенно развивал его исследовательские навыки, позволяя анализировать собственные работы и другие материалы. Он предоставил Фэй Сяотуну доступ к лаборатории, чтобы тот мог самостоятельно работать. Несмотря на редкие встречи, Широкогоров регулярно проверял работу Фэй Сяотуна, оставлял комментарии, указывал на ошибки и просил переработать эксперименты. Такой подход воспитал в Фэй Сяотуне скрупулезность и терпение, что сделало его более требовательным в своих исследованиях.

После 1935 г. пути Широкогорова и Фэй Сяотуна более не пересекались. Несмотря на то что Фэй Сяотун обучался под руководством русского профессора всего два года, по его собственному признанию, это время оказало самое глубокое влияние на все его последующие исследования городского и сельского населения.

Реализация идей С.М. Широкогорова в творчестве Фэй Сяотуна. В частности, полученные им знания нашли свое развитие в теоретических и прикладных работах Китайской школы социологических исследований (кит. Шцзюй яньцзю сюэпай). Эта школа сложилась в 1930-х гг., ее основателем был У Вэньцзао, с которым активно сотрудничал Фэй Сяотун.

Основными объектами исследований школы стали локализованные большие и малые социальные группы, которые характеризовались единым этническим началом. По сути, базовые идеи социолокальных исследований развивали идеи Широкогорова о том, что этнические единицы возникают как результат множества адаптационных процессов во взаимодействии с многочисленными факторами окружающей внешней среды, которая превращается в этнический комплекс, в результате формируется некоторое социальное объединение.

Этнолого-социологическая теория базируется на понятии этнических единиц, которые становятся источником социального [Широкогоров, 2017: 30]. Этническая единица – это единица, в которой происходят процессы изменения этнографических элементов и их передача последующим поколениям как биологических изменений [Shirokogoroff, 1929]. Такие единицы всегда находятся в процессе медленных или быстрых изменений. Рассматривая интенсивность изменений во времени, он отмечает два главных условия в характеристике этнической единицы. Во-первых, *общность реакций этнической единицы* как психической приспособляемости к разным формам жизнедеятельности, они являются неизбежно наследственными. В таком случае, если этническая единица оказывается неспособной изменить свои привычки, она вступает в конфликт с изменениями, которые находятся вне ее контроля. Во-вторых, *межэтническое давление* – действительная сила этнической единицы, выраженная в плотности населения и в количественном развитии культуры и территории, усиливается под влиянием комбинированных импульсов к переменам, являющимся следствием межэтнического давления [Широкогоров, 2017: 23].

На основе интеграции этнических единиц складывается этнографический комплекс. На основе него возникают особые социальные взаимосвязи и складывается история становления ряда социальных институтов. Широкогоров считает, что природа социальных явлений является особыми формами биологической приспособляемости этнических единиц. Социальные явления как частный случай этнографических явлений являются восприимчивыми проявлениями функций этнографического комплекса [там же: 32].

Подобные идеи лежат в основании анализа социальности последователями Китайской школы социолокальных исследований. Стратегии социолокального подхода к изучению социальных объединений предполагали три основы, из которых складывается некоторое сообщество. Во-первых, это община. Во-вторых, наличие территории. В-третьих, особый быт, деятельность и специфическая культура. Обобщенная культура социолокации объединяет ряд элементов в единую структуру, включающую символическую и материальную культуру, духовную культуру и социальную организацию. Подчас взаимодействие этих элементов конфликтно, подчас между ними наступают периоды гармонии и единства. Так развивается социальная структура.

Анализируя особенности научных принципов Китайской школы социолокальных исследований, авторы не просто отмечают их сходство с принципами научного анализа в исследованиях этносов Широкогорова. В некоторых публикациях особо подчеркивается, что школа исходила из признания необходимости изучать этнические общности и межэтнические отношения, в чем проявилось воздействие на нее идей Широкогорова, это касается и эмпирической части исследований школы, работы которой посвящались изучению малых этнических групп – культуры и социальной организации малых народов Китая (Ван Тунхуэй – яо, Линь Яохуа – ицзу).

По многочисленным признаниям, наибольшим успехом этой школы стала работа Фэй Сяотуна «Сельская жизнь в Китае» (д. Кайсяньгун, провинция Цзянсу). Исследование получило высокую оценку Б. Малиновского (Лондон, 1939 г.), посчитавшего, что работу следует воспринимать как важную веху в истории полевых исследований и что прочитал он ее «с истинным восхищением, несвободным подчас от чувства зависти»¹.

Вслед за своим учителем Фэй Сяотун не разделял народы на «дикие» и «цивилизованные» (вэнье чжибе 文野之别), это ознаменовало переход к рассмотрению этих социальных

¹ URL: <http://china-history.ru/books/item/f00/s00/z0000002/st001.shtml>. (дата обращения: 12.07.2023).

групп как уникальных социальных единиц сообщества. С одной стороны, важно изучать малые социальные образования как организмы со сложной структурой и тысячелетней историей развития, с другой – такой подход позволял исследовать общества, которые не имели «прямого отношения к индустриальной цивилизации» [Хаснулина, Чжоу Сяохун, 2020: 764]. Для изучения китайского общества настоящее положение оказалось весьма значимым. Несколько позже исследования малых городов указали на особый, незападный путь модернизации, характерный для социалистического Китая. Взгляды Фэй были широко поддержаны другими социологами и правительственными чиновниками, что в конечном итоге привело к «Исследованию малых городов в провинции Цзянсу» – первому социологическому исследовательскому проекту, включенному в пятилетний план (1980–1985) [Li, Qiu, 1989]. Проект превратился в крупномасштабное обследование 190 городов при поддержке местных органов власти.

Одновременно С.М. Широкогоров в Китае проводил большую эмпирическую работу в ряде провинций (Фукиань, Кантон, Янань, северо-восточная часть Китая) [费孝, 1994; Кузнецов, 2017; 2001; Ермакова, Кузнецов, 2001]. Особое внимание уделялось проведению сравнительных исследований физиогномики тунгусов и китайцев, что стало значимым в этой области. Сергей Михайлович активно развивал и пропагандировал важность эмпирических методов и полевой работы в своей преподавательской и исследовательской деятельности, что оказало глубокое влияние на китайских ученых.

«Золотые правила» работы социолога при исследовании этнических феноменов. Обобщая опыт работы по изучению этнических феноменов и социальной жизни малых народов, Широкогоров формулировал правила, ориентация на которые остается актуальной и сегодня: объект следует изучать в рамках реальности; не следует использовать «удобные» объяснительные теории (будущая идея индигенизации науки); тактичность в общении с людьми, подлежащими исследованию, доброе отношение к ним, наблюдательность, непредвзятость; соблюдение строгости в использовании классификаций видов полевых работ [Shirokogoroff, 1942].

Важно и то, что социальная жизнь этноса, с точки зрения С.М. Широкогорова, хотя и складывается на основе биологического, но обладает определенной степенью независимости и самостоятельности: самостоятельность этноса относительно независима от социальной организации. Так, в одной из своих работ Широкогоров приводит показательный пример: фактически исчезающий этнос – маньчжуры – потерял свое этническое равновесие и был поглощен другим (лидирующим) китайским этносом, но благодаря сохранению древней социальной организации сумел удержаться от полной ассимиляции китайским этносом [Ревуненкова, Решетов, 2003: 108].

В китайский период жизни публикационная активность С.М. Широкогорова была необыкновенно многогранной. Он написал десятки работ на английском, немецком и французском языках, и по этой причине долгое время о нем мало что было известно в российском научном сообществе [Ревуненков, Решетов, 2003: 101]. В Китае он написал наиболее значимые труды, касающиеся самых различных сторон жизни социума, в том числе «Социальная организация маньчжуров: исследование клановой организации маньчжуров» (1924) и «Социальная организация северных тунгусов» (1928). Эти работы представляют собой репрезентативные исследования, в которых Широкогоров исследовал социальные структуры и организацию различных этнических групп. В целом же, Широкогоров за свою жизнь издал более 50 работ на четырех языках. Кроме этого, он оставил ряд подготовленных к печати и большое количество черновых материалов, с которыми еще только предстоит ознакомиться широкой аудитории.

Закключение. Отдельные ученые советского периода критически относились к публикациям С.М. Широкогорова (впрочем, как и в Китае). Только в последние годы, когда все более очевидно сближение социальной антропологии и социологии, внимание к его работам усиливается, в особенности в европейской социологической науке [Мюльман, 2002: 144–155]. По мнению некоторых ученых, такая ситуация становится актуальной

по причинам не только научного, но и политического порядка [Арзютов, 2017: 123–141], и прежде всего потому, что этнические начала национальных сообществ все более начинают признаваться как заметные факторы основных трендов формирования глобального сообщества [Кузнецов, 2011], сохранения самобытности и суверенитета².

Объективную оценку роли научного вклада С.М. Широкогорова вынесет история. Все отчетливее видно, что «научное движение», которое своими идейными замыслами связано с процессами индигенизации в современной социологии и которое массово разворачивается в последние два десятилетия в России и Китае, отражает идеи Широкогорова, в частности, в отношении изучения китайских общин [Котельникова, 2010]. С 2000-х гг. Китайская Академия общественных наук взяла на себя ведущую роль в новаторских исследованиях социальной стратификации и крупномасштабных социальных преобразованиях, основанных на исследованиях многочисленных локальных групп в Китае [Веселова и др., 2018]. Несомненно, что в современных научных подходах к таким исследованиям прослеживается влияние научных позиций проф. Широкогорова. Такие же тренды выявляются в векторах становления социологии в других регионах Востока, в том числе в Гонконге [Цзинь Ц. и др., 2020: 129–135], в поисках коллективной идентичности жителей острова [Chiu, Lui, 2003], где направления изучения социальности смещаются на качественные исследования культурных традиций локальных сообществ [Cheung, 2007]. Похожие закономерности фиксируются в объяснении путей становления социологии, нацеленных на объяснение культурной самобытности малых этносов на Тайване [Chen, 2014: 298–302; Но, 2012: 412–418; Цзинь и др., 2019: 127–134]. В современных исследованиях подчеркивается важность обращения к изучению элементов локальности, гетерогенности и очерченной пространственности в повседневном понимании *shequ* (сообщества) [Chuang, 2005: 379–382; Chuang, Chen, 2013: 255–260; Lu, 2002]. В России, учитывая огромный вклад С.М. Широкогорова в развитие мировой науки, Дальневосточный государственный университет принял решение о проведении в ДВГУ с октября 2001 г. научной конференции «Широкогоровские чтения» [Ермакова, 2001].

Личность Сергея Михайловича Широкогорова и его судьба примечательны и во многом отражают характерные противоречия становления социологического знания в России. Профессор Ши Луго оказал существенное влияние на китайских ученых, в частности на тех, кто теперь считается основоположниками китайской социологии. 19 октября 1939 г. в возрасте 52 лет Сергей Михайлович умер и был похоронен в Пекине. После его смерти в течение полувека информация о его жизни и научном вкладе постепенно исчезла из материалов академического сообщества Китая, и только в 1990-х гг. Фэй Сяотун написал и опубликовал воспоминания о научной деятельности своего учителя, восстанавливая тем самым его статус в среде китайской научной общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арзютов Д.В. Антрополог или политик? Политические пристрастия и теоретические построения Сергея Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 123–141.
- Арзютов Д.В., Андерсон Д.Д. Целые части: транснациональные траектории архивов Сергея и Елизаветы Широкогоровых // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 175–198.
- Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиций // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
- Ермакова Э.В. Личное дело антрополога С.М. Широкогорова в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 9–12.
- Ермакова Э.В., Кузнецов А.М. Приват-доцент восточного факультета ГДУ С.М. Широкогоров // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 7–10.

² URL: <https://emigrant.amursu.ru/novosti/23469/> (дата обращения: 15.05.2023).

- Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
- Котельникова Т. В. Исследование территориальных общин в современной китайской науке // Вестник ЧитГУ. 2010. № 2. С. 141–148.
- Кочешков Н. В. Забытое имя. Сергей Михайлович Широкогоров как этнограф // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 150–155.
- Кузнецов А. М. Кто вы, профессор Широкогоров? // Вестник антропологии. 2017. № 4(40). С. 107–118.
- Кузнецов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров – обретенное наследие российской антропологии // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 5–9.
- Кузнецов А. М. Станут ли международные отношения действительно международными? (К вопросу о роли этнического фактора в становлении нового миропорядка) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2011. № 1. С. 7–19.
- Миссонова Л. И. Новый этап возвращения наследия С. М. Широкогорова: страницы интеллектуальной биографии (1912–1913–1939 гг.) // Этнография. 2020. № 2. С. 184–203.
- Мюльман В. Э. С. М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 144–155.
- Ревуненкова Е. В., Решетов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.
- Решетов А. М. О письмах С. М. Широкогорова к В. М. Алексееву // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 22–24.
- Фадеева Е. В. С. М. Широкогоров о положении женщины у северных тунгусов и маньчжур Дальнего Востока // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 24–27.
- Хаснулина К. А., Чжоу Сяохун. Фэй Сяотун и китаизация социальных наук в первой половине XX века // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 752–768.
- Цзинь Ц., Дерюгин П. П., Веселова Л. С., Лебединцева Л. А. История и современное состояние социологии Тайваня // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 126–136. DOI: 10.31857/S013216250007753-1.
- Цзинь Ц., Дерюгин П. П., Веселова Л. С., Лебединцева Л. А. Социология в Гонконге: вызовы и перспективы // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 128–138. DOI: 10.31857/S013216250010723-8.
- Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения этих групп) / Пер. с англ. М.: Наука – Восточная литература, 2017.
- 梅方权, 史禄国与中山大学人类学, 中山大学研究生学刊(社会科学版), 2001, № 4, 73–79页.
- 费孝通: 《人不知而不愠——缅怀史禄国老师》// 《读书》. 1994. 第4期
- Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S. (eds.) Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. DOI: 10.11647/OBP.0150.
- Chen J.-H. Building a New Society on the Base of Locality. Transformation of Social Forces in Taiwan during the 1990s // Inter-Asia Cultural Studies. 2014. No. 15 (2). P. 291–305.
- Cheung S.-K. Gender and Community under British Colonialism. Emotion, Struggle, and Politics in a Chinese Village. New York: Routledge, 2007. DOI: 10.4324/9780203942406.
- Chiu S. W. K., Lui T.-L. Hong Kong. Becoming a Chinese Global City. London/New York: Routledge, 2003. DOI: 10.4324/9780203005507.
- Chuang Y.-C. Place, Identity, and Social Movements. Shequ and Neighborhood Organizing in Taipei City // Positions. East Asia Cultures Critique. 2005. No. 2. P. 379–410.
- Chuang Y.-C., Chen S.-J. Studying Taiwan. The Academic Politics of Bentu in Post-Authoritarian Taiwan // Journal of Historical Studies. 2013. No. 45. P. 253–278.
- Ho M.-S. Sponsoring Civil Society. State and Community Movement in Taiwan // Sociological Inquiry. 2012. No. 3. P. 404–423.
- Li S., Qiu Z. "Small Town Studies", in Annals of Chinese Sociology 1979–1989. Beijing: Chinese Encyclopedia Press, 1989.
- Lu H.-Y. The Politics of Locality. Making a Nation of Communities in Taiwan. New York: Routledge, 2002. DOI: 10.4324/9780203820285/.
- Shirokogoroff S. M. Ethnographic Investigation of China // Folklore Studies. 1942. Vol. 1. P. 1–8. DOI: 10.2307/3182923.
- Shirokogoroff S. M. Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, 1935. (Reprinted in 1982 by AMS Press, New York).
- Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai: The Commercial Press, 1929. (Reprinted in 1966 by Anthropological Publications, Oosterhaut N. B.).

Статья поступила: 04.03.23. Финальная версия: 07.08.23. Принята к публикации: 20.09.23.

PROFESSOR S.M. SHIROKOGOROFF: RUSSIAN ORIGINS OF CHINESE SOCIOLOGY

LEBEDINTSEVA L.A.***, DERIUGIN P.P.***, LIU JUAN***

*St. Petersburg State University, Russia; **Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia; ***Jiangsu Oceanological University, China

Liubov A. LEBEDINTSEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.; Associate researcher (llebedintseva879@gmail.com); Pavel P. DERIUGIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.; Associate researcher (ppd1@rambler.ru). Both – St. Petersburg State University, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Juan LIU, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Jiangsu Oceanological University, Lianyungang, China (liujuan1971@yandex.ru).

Abstract. The article offers an analysis of scientific views of Sergei Mikhailovich Shirokogoroff not well known to the Russian sociological audience. The S.M. Shirokogoroff conceptual views contain a characteristic position in understanding the nature of the social, as built on the basis of the ethnic. The authors of the article identified two priorities of research of social phenomena by S.M. Shirokogoroff: (1) the desire for integrity and consistency, the focus of research on the harmonious study of social phenomena in unity with biological, cultural and other; (2) priority and synthesizing principle of the biological in the understanding of the social. It is noted that in the views of the scholar there are implemented the principles of unity and integrity in conjunction with a prime understanding of the role of the biological principle in the studied elements of social life. The creative activity of S.M. Shirokogoroff is divided into two periods: Russian and Chinese ones. During the first period, the views of the scholar are formed, the priorities in scientific research are chosen both in determining the objects of research, and methodology, methods and principles; in publishing research results. During the Chinese period, the publication activity of S.M. Shirokogoroff becomes extremely multifaceted; he teaches at a number of universities. His contacts with Fei Xiaotong, a the most famous sociologist in China today, becomes important for the subsequent development of Chinese sociology. The scientific approaches developed by the scientist found their development in the theoretical and applied research of the Chinese School of Sociological Research in the 1930s. Its basic ideas developed the ideas of S.M. Shirokogoroff: the nature of social phenomena is a special form of biological adaptability of ethnic units.

Keywords: S.M. Shirokogoroff, ethnological and sociological theory, Fei Xiaotong, indigenization.

REFERENCES

- Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. (2019) *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge, UK: Open Book Publishers. DOI: 10.11647/OBP.0150.
- Arzyutov D.V. (2017) Anthropologist or Politician? Political Bias and Theoretical Constructions of Sergei M. Shirokogoroff. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 123–141. (In Russ.)
- Arzyutov D.V., Anderson D.D. (2021) Whole Parts: Transnational Life Histories of the Archives of Sergei and Elizabeth Shirokogoroff. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. No. 51: 175–198. (In Russ.)
- Chen J.-H. (2014) Building a New Society on the Base of Locality. Transformation of Social Forces in Taiwan during the 1990s. *Inter-Asia Cultural Studies*. No. 15(2): 291–305.
- Cheung S.-K. (2007) *Gender and Community under British Colonialism. Emotion, Struggle, and Politics in a Chinese Village*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203942406.
- Chiu S.W.K., Lui T.-L. (2003) *Hong Kong. Becoming a Chinese Global City*. London/New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203005507.
- Chuang Y.-C. (2005) Place, Identity, and Social Movements. Shequ and Neighborhood Organizing in Taipei City. *Positions. East Asia Cultures Critique*. No. 13(2): 379–410.
- Chuang Y.-C., Chen S.-J. (2013) Studying Taiwan. The Academic Politics of Bentu in Post-Authoritarian Taiwan. *Journal of Historical Studies*. No. 45: 253–278.
- Ermakova E.V. (2001) Personal file of anthropologist S.M. Shirokogoroff. In: *Russian State Historical Archive of the Far East in Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 9–12. (In Russ.)
- Ermakova E.V., Kuznetsov A.M. (2001) Privat-Docent of Faculty of Oriental Studies (State Far Eastern University) S.M. Shirokogoroff. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal]. No. 6: 7–10. (In Russ.)
- Fadeeva E.V. (2001) S.M. Shirokogoroff on the Status of Women in the Northern Tunguses and Manchus of the Far East. In: *Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 24–27. (In Russ.)

- Fei Xiaotong (1994) People don't know but don't be sullen-remembering Teacher Shi Luguo. *Reading Books*. Iss. 4.
- Ho M.-S. (2012) Sponsoring Civil Society. State and Community Movement in Taiwan. *Sociological Inquiry*. No. 3: 404–423.
- Jin J., Deriugin P.P., Veselova L.S., Lebedintseva L.A. (2019) History and Current State of Sociology in Taiwan. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 126–136. DOI: 10.31857/S013216250007753-1. (In Russ.)
- Jin J., Deriugin P.P., Veselova L.S., Lebedintseva L.A. (2020) Sociology in Hong Kong: Challenges and Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 128–138. DOI: 10.31857/S013216250010723-8. (In Russ.)
- Johansen U. (2002) The influence of Sergei Mikhailovich Shirokogoroff on German ethnology. *Ethnographic review*. No. 1: 139–143.
- Khasnulina K.A., Zhou Xiaohong (2020). Fei Xiaotong and the Sinification of social sciences in the first half of the XX century. In: *Society and the State in China*. Ch. 1. Moscow: IV RAN: 752–768. (In Russ.)
- Kocheshkov N.V. (1999) The forgotten name Sergey Mikhailovich Shirokogorov as an ethnographer. *Rossya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region]. No. 4: 150–155. (In Russ.)
- Kotelnikova T.V. (2010) The study of territorial communities in modern Chinese science. *Vestnik ChitGU* [Bulletin of ChitSU]. No. 2: 141–148. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. (2001) Sergey Mikhailovich Shirokogorov – the found heritage of Russian anthropology. In: *Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 5–9. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. (2011) Will international relations really become international? (On the role of the ethnic factor in the formation of a new world order). *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law]. No. 1: 7–19. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. (2017) Who are you, Professor Shirokogoroff? *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 4 (40): 107–118. (In Russ.)
- Li S., Qiu Z. (1989) "Small Town Studies", in *Annals of Chinese Sociology 1979–1989*. Beijing: Chinese Encyclopedia Press.
- Lu H.-Y. (2002) *The Politics of Locality. Making a Nation of Communities in Taiwan*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203820285.
- Mei Fangquan (2001). Shi Luguo and Anthropology of Sun Yat-sen University. *Journal of Graduate Studies of Sun Yat-sen University (Social Sciences Edition)*. No. 4: 73–79.
- Missonova L.I. (2020) A new stage of the return of the heritage of S.M. Shirokogoroff: pages of intellectual biography (1912–1913–1939). *Etnografiya* [Ethnography]. No. 2: 184–203. (In Russ.)
- Mulman V.E. (2002) S.M. Shirokogoroff. Obituary (with the attachment of letters, photographs and bibliography). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 1: 144–155. (In Russ.)
- Reshetov A.M. About the letters of S.M. Shirokogoroff to V.M. Alekseev In: *Russian State Historical Archive of the Far East in Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 22–24. (In Russ.)
- Revunenkov E.V., Reshetov A.M. (2003) Sergey Mikhailovich Shirokogoroff. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3: 100–119. (In Russ.)
- Shirokogoroff S.M. (1929) *Social Organization of the Northern Tungus*. Shanghai: The Commercial Press. (Reprinted in 1966 by Anthropological Publications, Oosterhaut N.B.).
- Shirokogoroff S.M. (1935) *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, 1935. (Reprinted in 1982 by AMS Press, New York).
- Shirokogoroff S.M. (1942) Ethnographic Investigation of China. *Folklore Studies*. Vol. 1: 1–8. DOI: 10.2307/3182923.
- Shirokogoroff S.M. (2017) *The social organization of the northern Tunguses (with introductory chapters on the geography of the settlement of these groups)*. Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura.
- Veselova L.S., Deriugin P.P., Lebedintseva L.A. (2018) Vectors of Chinese Sociology Becoming: Pragmatic Orientation and Maintaining of Tradition. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8. (In Russ.)

Received: 04.03.23. Final version: 07.08.23. Accepted: 20.09.23.

© 2023 г.

Л.В. КЛИМЕНКО, А.В. ВЕРЕЦАГИНА

АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: ДИНАМИКА ЭТНОГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК НА ЮГЕ РОССИИ

КЛИМЕНКО Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, доцент, профессор Института туризма, сервиса и креативных индустрий (lucl@yandex.ru); ВЕРЕЦАГИНА Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, профессор Института социологии и регионоведения (anrietta25@mail.ru). Обе – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследований, проведенных в шести субрегионах Юга России в 2004, 2010 и 2020 гг. Сделаны выводы о том, что по основаниям содержания установок в отношении публичных форм активности женщин, степени совпадения взглядов мужчин и женщин, а также вектора динамики этногендерных установок субрегионы Юга России дифференцируются на три типа – традиционный, переходный и модернизированный. Традиционный тип (Ингушетия, Дагестан) характеризуется высокими показателями консерватизма гендерных установок мужчин и женщин, которые достаточно устойчивы. Переходному типу (Кабардино-Балкария, Адыгея, Карачаево-Черкессия) присущи более высокие показатели одобрения публичной активности женщин с выраженным разрывом между оценками мужчин и женщин, когда последние чаще ориентированы на деконструкцию традиционного гендерного дисплея. Модернизированный тип (Ростовская область) сопряжен с более устойчивым уровнем эгалитаризации установок в обеих гендерных подгруппах. Несоответствие этногендерных установок населения в сфере публичной активности женщин затрудняет макроуровневую интеграцию и снижает эффективность использования человеческого капитала полиэтнического Юга России.

Ключевые слова: этногендерные установки • полиэтничность • Юг России • Северный Кавказ • публичная сфера • карьера

DOI: 10.31857/S013216250028311-5

Постановка проблемы. Исследования демонстрируют значительные расхождения в гендерных отношениях в контексте влияния различных этнических культур населяющих Россию народов [Почебут, Шмелева, 2015]. Особым этнокультурным и социально-экономическим разнообразием отличается Юг России, к которому в настоящее время относятся территории двух федеральных округов – Южного и Северо-Кавказского. В южном макрорегионе экономически развитые административно-территориальные субъекты с социальными отношениями современного типа (Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области) соседствуют с территориями с демодернизированной экономикой, низкими показателями уровня жизни и традиционалистским типом социальных отношений (большая часть республиканского сегмента). С постсоветского периода на Северном Кавказе наблюдается рост значимости этнических традиций в регулировании гендерных отношений [Сиражудинова, 2022; 2015; Текуева, 2019]. Однако степень традиционализации гендерных моделей может различаться в зависимости от типа республики, социальной

и демографической страты, а также области жизнедеятельности (приватной – семья, брак, этноэтикет и публичной – экономика, политика) [Клименко, 2021б].

На современном этапе северокавказские семьи характеризуются преимущественной ориентацией на многодетность, ролевой асимметрией с главенством мужчины, межполовым разделением труда [Клименко, 2021а; Стародубровская, 2019; Сиражудинова, 2022]. Воспроизводство гендерной иерархии в республиках связывают также с влиянием фактора исламизации [Сиражудинова, 2021; 2015]. В ряде республик распространяются практики многоженства, раннее замужество [Верещагина, Загирова, 2022], рост значимости старшего мужчины в семье [Клименко, 2021а], что в совокупности можно трактовать как тенденции архаизации. С другой стороны, распространение массовой культуры, необходимость экономической адаптации, миграционные процессы расширяют границы гендерных ожиданий, особенно среди женщин и в сфере их трудовой самореализации [Шоранова и др., 2021; Клименко, 2021б].

Аргументируется идея о том, что определенные традиционные нормы могут долгое время присутствовать в жизни социума, но общая логика социально-экономического прогресса сопряжена с распространением целерациональных ценностей современного типа [Inglehart, Baker, 2022; Аузан и др., 2019; Культура..., 2002]. В свою очередь, несовпадение установок и моделей поведения населения поликультурных территорий может препятствовать социально-экономическому росту и макроуровневой интеграции региона. Рассмотрим динамику этногендерных установок населения Юга России в отношении публичной активности женщин в контексте социетальной интеграции макрорегиона.

Эмпирическая база. Используются материалы социологических опросов, реализованных в шести субрегионах Юга России в три этапа – 2004, 2010 и 2020 гг. На первом этапе в исследовании приняло участие 880 человек (Карачаево-Черкессия $N = 334$, Ингушетия $N = 270$, Ростовская область $N = 276$). На втором – 862 человека (Ингушетия $N = 300$, Кабардино-Балкария $N = 262$, Ростовская область $N = 300$). На третьем этапе – 1531 человек (Адыгея $N = 331$, Дагестан $N = 420$, Кабардино-Балкария $N = 373$, Ростовская область $N = 407$). Опрос 2020 г. проведен при поддержке гранта РФФИ. Опрашивалось население столиц национальных республик и областных центров. Выборка опроса – типологическая (когда отбираются и сравниваются субрегионы Юга России из одной типологической группы) и квотно-пропорциональная (по основным социально-демографическим подгруппам жителей столиц республик и областных центров на момент опроса).

Типологический параметр выборки опирается на классификацию социально-экономической модернизированности территорий Юга России: 1) субрегионы с высоким регулирующим значением этнических традиций и демодернизированной экономикой (Ингушетия (ПИ), Дагестан (РД), Чечня (ЧР)); 2) республики, характеризующиеся промежуточным уровнем социально-экономического развития (Кабардино-Балкария (КБР), Адыгея (РА), Карачаево-Черкессия (КЧР), Северная Осетия-Алания (РСО-А)); 3) субрегионы, в которых экономика и социальные отношения больше всего тяготеют к обществу современного типа (Краснодарский (КК) и Ставропольский края (СК), Ростовская область (РО)). Данная типология обоснована в работах Денисовой Г.С., Уланова В.П., Дмитриева А.В., Клименко Л.В., Лапина Н.И. [Денисова, Уланов, 2003; Денисова и др., 2010; Атлас, 2016]. Как отмечают многие специалисты, социокультурная динамика в этих республиках, краях и областях схожа, что дает основания для сравнения разных субрегионов из одной типологической группы [Межэтнические, 2020; Матишов и др., 2008; Авксентьев и др., 2008].

Региональные особенности занятости и оплаты труда на Юге России. Многолетняя официальная статистика и различные исследования показывают наличие сегрегации женщин в сфере труда и социально-политической активности. На Юге России показатели трудоустройства выше у мужчин, чем у женщин, фиксируется асимметрия в уровне оплаты труда. По данным Росстата, в целом по России в 2021 г. уровень занятости женщин составляет 75 против 81% у мужчин. В ЮФО показатели трудоустройства близки к общероссийским (73 против 80%). В то же время по СКФО на фоне более низкого уровня

Рис. 1. Уровень занятости в трудоспособном возрасте в 2021 г., в %

Источник: составлено по: Женщины и мужчины России. 2022: Стат.сб./ Росстат. М., 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215>

занятости гендерная асимметрия в показателях трудоустройства имеет иной характер: 58% – среди женщин и 69% – среди мужчин. Ниже всего на Юге России уровень женской занятости в Ингушетии (49%) и Дагестане (48%), выше – в Ростовской и Волгоградской областях (по 75%) (рис. 1).

Отношение женской зарплаты к мужской составляет в России 73%. В ЮФО этот показатель равен общероссийскому, в СКФО он составляет 83%. В некоторых республиках отношение заработной платы мужчин и женщин сближается и превышает 90% в Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Объяснение данной ситуации не связано с гендерным равенством, а сопряжено с общими низкими показателями оплаты труда в данных субрегионах. В частности, по данным Росстата, средняя зарплата в России среди женщин составляла в 2019 г. 48,6 тыс. руб., среди мужчин – 67,1 тыс. руб. На этом фоне в СКФО женщины получали в среднем 27,9 тыс. руб., а мужчины – 33,7 тыс. руб. В Ингушетии, например, средняя заработная плата составляла 24 тыс. и 25 тыс. руб. соответственно [Женщины..., 2020]. Невысокие показатели уровня жизни населения, а также «влияние религиозного фактора (ислама); воздействие традиционных установок и семейных ценностей; дискриминация по видам деятельности и необходимость получения разрешения на работу от мужчины; консервативность в государственной политике» [Хаджалова, Абдулаева, 2019: 1464] усиливают патриархальность и гендерные границы в северокавказских республиках [Клименко, 2021б; Стародубровская, 2019; Сиражудинова, 2015].

Динамика этногендерных установок населения Юга России. Наши исследования 2004–2020 гг. показывают несовпадение гендерных конструктов по этнотерриториальным и демографическим подгруппам населения.

Советская экономическая модернизация сделала распространенной и нормативной модель работающей женщины [Темкина, Роткирх, 2002]. Вместе с тем остаются устойчивыми социокультурные установки о гендерной дифференциации профессий. На Юге России труд женщин в образовании и медицине – культурная норма. Степень одобрения профессиональной карьеры женщин в этих областях в 2004 и 2010 гг. составляет от 72 до 95% в разных подгруппах и выше среди женщин. Во время опроса 2020 г. показатели одобрения

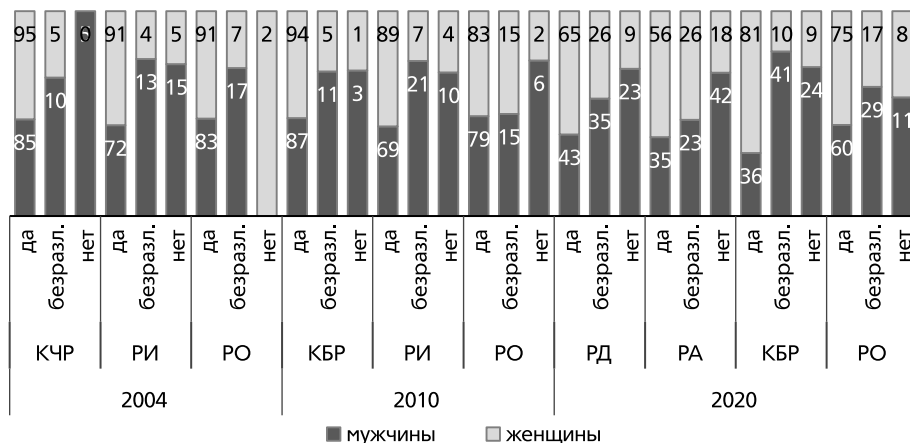

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Одобряете ли вы карьерное продвижение женщины в области медицины и образования?», в %

снижаются, что особенно заметно среди мужчин республик Северного Кавказа, более выраженным становится разрыв в оценках мужчин и женщин (рис. 2).

Бизнес-карьера женщин находит меньшее одобрение среди южно-российского населения и особенно среди северокавказских мужчин. На этом фоне фиксируется рост положительных оценок среди респондентов-мужчин «традиционалистских» республик (Ингушетия, Дагестан) (отрицательное восприятие в 2004 г. разделяло более двух третей опрошенных, а в 2020 г. – не более трети). Можно предположить, что обостряющиеся трудности экономического развития республик этого типа отчасти нормализуют потребность трудовой активности женщин. В то время как среди мужчин республик «переходного» типа (КЧР, КБР, РА), наоборот, отмечается определенное снижение степени одобрения женского предпринимательства (примерно с половины до четверти опрошенных). На разных этапах опроса женщины, проживающие в республиках Северного Кавказа, демонстрируют по большей части положительное восприятие (от 65 до 82%). В Ростовской области растет уровень одобрения женской бизнес-карьеры и менее выражен разрыв в оценках мужчин и женщин (рис. 3).

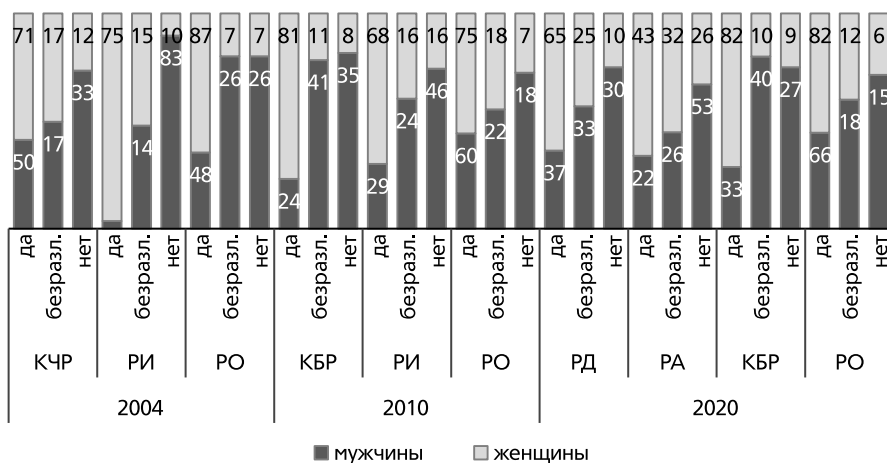

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Одобряете ли вы карьерное продвижение женщины в области бизнеса?», в %

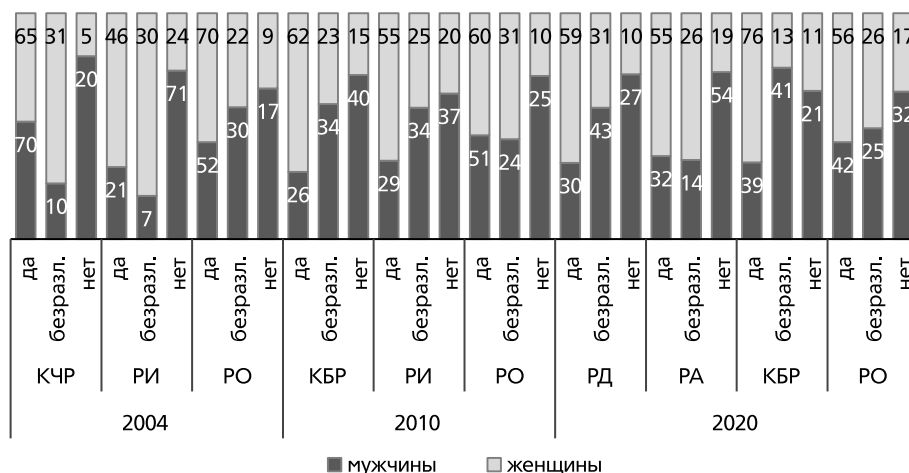

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Одобряете ли вы карьерное продвижение женщины в производственной деятельности?», в %

Профессиональные траектории женщин в производственной деятельности неоднозначно оцениваются населением Юга России на разных этапах исследования. В целом, этот вид профессиональной активности менее всего одобряется мужчинами традиционалистских республик (РИ, РД) и в большей степени – женщинами переходных (КЧР, КБР, РА) и модернизированных (РО) субрегионов Юга России. В динамике от 2004 г. к 2020 г. также фиксируется небольшое увеличение поддержки в республиках традиционного типа и уменьшение – в РО (рис. 4).

Наиболее ярко наличие гендерного типа сегрегации проявляется в установках относительно карьерного продвижения женщин в политике и силовых ведомствах. В частности, большинство мужчин не готовы рассматривать политику и власть как сферу гендерного партнёрства, тогда как женщины позитивнее относятся к политической карьере (наивысшие показатели одобрения фиксировались среди женщин в 2010 г.: 63% в КБР и 29% в РО). Но в республиканских сегментах от первого ко второму этапу исследования показатели одобрения увеличиваются, а к третьему – снижаются. Среди женщин Ростовской области уровень позитивного восприятия достаточно устойчив (рис. 5).

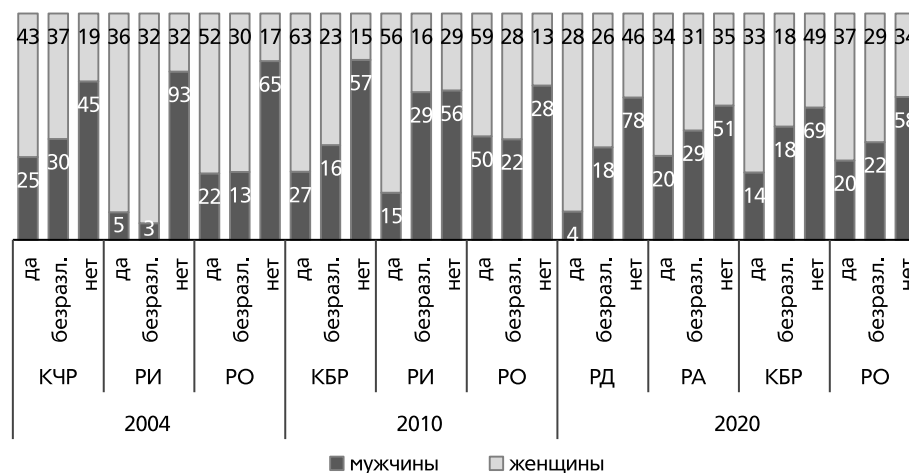

Рис. 5. Ответы на вопрос: «Одобряете ли вы карьерное продвижение женщины в политике?», в %

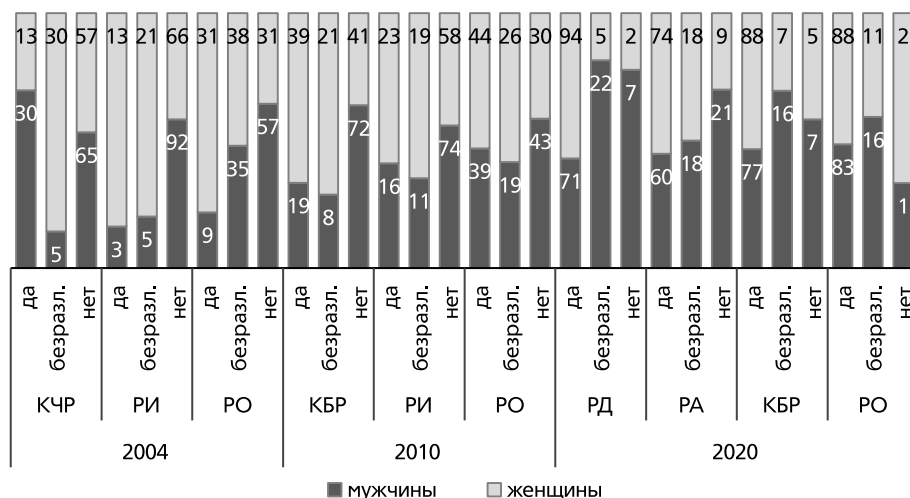

Рис. 6. Ответы на вопрос: «Одобряете ли вы карьерное продвижение женщины в силовых ведомствах?», в %

Карьера женщин в силовых ведомствах не является культурной нормой для населения Юга России (одобрение не выше 44%). Наименьшие показатели положительных оценок фиксируются среди мужчин Ингушетии и Дагестана, а наивысшие – среди женщин Ростовской области. В динамике фиксировался небольшой рост положительного восприятия среди мужчин и женщин в 2010 г. и опять снижение – в 2020 г. В отношении силовых структур разница в ответах мужчин и женщин менее выражена по сравнению с оценками по другим профессиональным сферам (рис. 6).

Таким образом, исследования демонстрируют выраженный консерватизм установок мужчин традиционалистских республик, который немного ослабевает в отношении участия женщин в предпринимательстве и производстве. В республиках переходного типа более высокие показатели одобрения публичной активности женщин и за исследуемый период они укрепились. Устойчив разрыв в оценках северокавказских мужчин и женщин: значительная часть женщин ориентирована на деконструкцию традиционного гендерного дисплея. Тенденции эгалитаризации гендерных установок фиксировались до 2010 г. в Ростовской области, но стали немного снижаться к 2020 г., и более выраженной стала разница в оценках гендерных подгрупп.

Закключение. Результаты опроса в совокупности с материалами исследований приватной сферы [Клименко, 2021а, б] позволяют аргументировать наличие трех социокультурных типов развития субрегионов Юга России – традиционного, переходного и модернизированного. В качестве оснований дифференциации выступают 1) содержание установок в отношении публичных форм активности женщин; 2) уровень разрыва оценок мужчин и женщин; 3) вектор динамики этногендерных установок. В республиках традиционного типа (Ингушетия, Дагестан) воспроизводится гендерная сегрегация в оценках как мужчин, так и женщин. Субрегионы переходного типа (Кабардино-Балкария, Адыгея, Карачаево-Черкессия) характеризуются «размыванием» гендерных границ: женщины чаще ориентированы на деконструкцию традиционных экспектаций, при более консервативной позиции мужчин. Модернизированному типу социокультурной динамики (Ростовская область) присуща большая равновесность гендерных установок.

Определение вектора социокультурных трансформаций и оснований интеграции многосоставных социумов невозможно без оценки параметров гендерных систем. Анализ человеческого потенциала (особенно женщин) сопряжен с включением этногендерных проекций. Рассогласованность или противоречия в гендерных конструктах затрудняют

социетальную интеграцию полиэтничных макрорегионов. Результаты исследований выявляют гендерные барьеры в традиционалистских субрегионах Юга России, которые блокируют запрос со стороны значительной части женщин на пересмотр консервативных гендерных границ. Более активная позиция женщин субрегионов переходного типа принесла определенные подвижки в деконструкции этногендерных установок. Традиционные границы в публичной сфере здесь уже рассматриваются в перспективе гендерного диалога. Территории с модернистской траекторией развития закрепили подобный диалог в гендерной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М.: Альфа-М, 2008.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.
- Аузан А.А., Антонов Е.В., Брызгалов В.А. и др. Социокультурные факторы инновационной активности населения. М.: ИНП, 2019.
- Верещагина А.В., Загирова Э.М. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 117–128. DOI: 10.31857/S013216250016856-4.
- Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М.: Альфа-М, 2010.
- Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-н/Д.: РГПУ, 2003.
- Женщины и мужчины России. 2020: Стат. сб. М.: Росстат, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215>
- Клименко Л.В. Гендерные отношения на Юге России: этносоциологический анализ. Ростов-н/Д.: ФНО, 2021б.
- Клименко Л.В. Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2021а. № 3. С. 99–116. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.8.
- Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисон, С. Хантингтон. М.: МШПИ, 2002.
- Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2008.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (итоги 2019 г.) / Под общ. ред. Г.С. Денисовой. Ростов-н/Д.: ФНО, 2020.
- Почебут Л.Г., Шмелева И.А. Гендерные отношения в разных этнических культурах России // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 66–75.
- Сиражудинова С.В. Гендер и фронт на Северном Кавказе // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 128–140. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140.
- Сиражудинова С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 56–67. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5.
- Сиражудинова С.В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе // Женщина в российском обществе. 2015. № 1(74). С. 53–61. DOI: 10.24412/2500-221X-2015-174-53-61.
- Стародубовская И.В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39–56. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>.
- Текуева М.А. Мир чувственных переживаний кавказской женщины // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 22–38. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38.
- Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 4–15.
- Хаджалова Х.М., Абдулаева З.З. Гендерные особенности рынка труда в республиках Северного Кавказа // Экономика труда. 2019. № 4. С. 1463–1474. DOI: 10.18334/et.6.4.41228.
- Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Уч. пос. М.: Гардарики, 1998.
- Шоранова З.В., Виндижева А.О., Желегтова Р.М., Решетникова Н.Н. Деконструкция традиционного гендерного порядка в северокавказском обществе в начале XXI века // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 2. С. 138–149. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.12.
- Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. No. 2 (65). P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.

WOMEN'S ACTIVITY IN THE PUBLIC SPHERE: DYNAMICS OF ETHNOGENDER ATTITUDES IN THE SOUTH OF RUSSIA

KLIMENKO L.V.*, VERESHCHAGINA A.V.*

*Southern Federal University, Russia

Liudmila V. KLIMENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Prof. of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries (lucl@yandex.ru); Anna V. VERESHCHAGINA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Prof. of the Institute of Sociology and Regional Studies (anrietta25@mail.ru). Both – Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. Determination of the vector of development and sources of integration in multi-ethnic societies should include an assessment of gender systems. The South of Russia is distinguished by a specific ethno-cultural and socio-economic diversity. Nowadays, it includes the territories of two federal districts – the Southern and the North Caucasian (9 national republics and more than 40 nationalities). Economically developed territories and modern social relations coexist with territories with a demodernized economy, low living standards and a traditionalist type of social relations. Official statistics and various studies show the segregation of women in the work sphere and socio-political activity. The article discusses the results of sociological research conducted in six sub-regions of the South of Russia in three stages (2004, 2010 and 2020 years). On the grounds for the content of attitudes regarding the public forms of activity of women, the degree of coincidence of the views of men and women, as well as the vector of the dynamics of ethno-agricultural installations, the subregions of the South of Russia are differentiated into three types – traditional, transition and modernized. The traditional type (Ingushetia, Dagestan) is characterized by high indicators of conservatism of gender attitudes of men and women who are quite stable. The transition type (Kabardino-Balkaria, Adygea, Karachay-Cherkessia) has higher indicators of the approval for the public activity of women with a pronounced gap between the estimates of men and women, while the latter are more often focused on the deconstruction of the traditional gender display. The modernized type (Rostov region) is associated with a more sustainable level of egalitarization of attitudes in both gender subgroups. The inconsistency of ethno-agricultural attitudes in the field of public activity of women complicates the macro-level integration and reduces the efficiency of the use of human capital in the polyethnic south of Russia.

Keywords: ethnogender attitudes, polyethnicity, South of Russia, North Caucasus, public sphere, career.

REFERENCES

- Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems.* (2016) Comp. and ed. by N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Auzan A.A., Antonov E.V., Bryzgalin V.A. et al. (2019) *Sociocultural factors of innovative activity of the population.* Moscow: NP. (In Russ.)
- Avksentiev V.A., Gritsenko G.D., Dmitriev A.V. (2008) *Regional conflictology: concepts and Russian practice.* Moscow: Alfa-M. (In Russ.)
- Chesnov Ya.V. (1998) *Lectures on historical ethnology: Textbook.* Moscow: Gardariki. (In Russ.)
- Culture Matters: How Values Drive Societal Progress* (2002). Ed. by L. Harrison, S. Huntington. Trans. from Eng. by A. Zakharova, ed. N. Gayamova. Moscow: MShPI. 2002. (In Russ.)
- Denisova G.S., Dmitriev A.V., Klimenko L.V. (2010) *South Russian identity: factors and resources.* Moscow: Alfa-M. (In Russ.)
- Denisova G.S., Ulanov V.P. (2003) *Russians in the North Caucasus: An Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status.* Rostov-on-Don: RGPU. (In Russ.)
- Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change, and the persistence of Traditional Values. *American Sociological Review.* No 2 (65): 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
- Interethnic relations and religious situation in the Southern Federal District. Expert report (results of 2019).* (2020) Gen. ed. By G.S. Denisova. Rostov-on-Don: FNO. (In Russ.)
- Khadzhalova Kh.M., Abdulaeva Z.Z. (2019) Gender characteristics of the labor market in the republics of the North Caucasus. *Ehkonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics]. No. 4: 1463–1474. DOI: 10.18334/et.6.4.41228. (In Russ.)
- Klimenko L.V. (2021a) Family in the multicultural space of the South of Russia: ethno-gender dimension. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3: 99–116. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.8. (In Russ.)

- Klimenko L.V. (2021b) *Gender relations in the South of Russia: an ethno-sociological analysis*. Rostov-on-Don: FNO. (In Russ.)
- Matishov G.G., Avksentiev V.A., Batiev L.V. (2008) *Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia*. Rostov-on-Don: YuNC RAN. (In Russ.)
- Pochebut L.G., Shmeleva I.A. (2015) Gender relations in different ethnic cultures of Russia. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 36. No. 6: 66–75. (In Russ.)
- Shoranova Z.V., Vindizheva A.O., Zhelegotova R.M., Reshetnikova N.N. (2021) Deconstruction of the traditional gender order in the North Caucasian society at the beginning of the XXI century. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia]. Vol. 10. No. 2: 138–149. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.12. (In Russ.)
- Sirazhudinova S.V. (2015) Gender Boundaries and Prospects for Gender Dialogue in the North Caucasus. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 1(74): 53–61. DOI: 10.24412/2500-221X-2015-174-53-61. (In Russ.)
- Sirazhudinova S.V. (2021) The gender system of Muslim society: on the example of the republics of the North Caucasus. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2021. No. 1: 56–67. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5. (In Russ.)
- Sirazhudinova S.V. (2022) Gender and frontier in the North Caucasus. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 2: 128–140. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140. (In Russ.)
- Starodubrovskaya I.V. (2019) The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17. No. 1: 39–56. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56. (In Russ.)
- Tekueva M.A. (2019) The world of sensory experiences of a Caucasian woman. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 3 (47): 22–38. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38. (In Russ.)
- Temkina A., Rotkirch A. (2002) Soviet gender contracts and their transformation in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 1: 4–15. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. (2022) Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 2: 117–128. DOI: 10.31857/S013216250016856-4. (In Russ.)
- Women and men of Russia. 2020: Stat. sb.* (2022) Moscow: Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (In Russ.)

Received: 15.05.23. Accepted: 24.06.23.

Г.Ф. БАЛАКИНА, М.М.-Б. ХАРУНОВА

ТУВИНЦЫ-ТОДЖИНЦЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

БАЛАКИНА Галина Федоровна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия (balakina.gal@yandex.ru); ХАРУНОВА Марианна Монге-Байыровна – кандидат исторических наук, заведующая Отделом аспирантуры, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (ondar18@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются процессы социокультурной динамики коренного малочисленного народа, тувинцев-тодджинцев, проживающего в Тоджинском районе Республики Тыва. На основе материалов социологического опроса жителей района (2021–2022 гг.) и данных официальной статистики определены основные черты социального самочувствия тувинцев-тодджинцев: предпочтения в трудовой и социальной сферах, специфика восприятия трансформаций. Сделаны выводы о приверженности традиционному укладу жизни и труда, оленеводству как базису жизни, традиционным ценностям при возрастании роли современных реалий в сознании молодых представителей народа, что детерминирует необходимость целевого подхода к сохранению этнокультурного многообразия страны на региональном и муниципальном уровнях управления.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера • тувинцы-тодджинцы • Республика Тыва • традиции • оленеводство

DOI: 10.31857/S013216250028312-6

Актуальность исследования. Сохранение культуры этносов в ее многообразии становится частью государственного регулирования развития России и регионов, включая населяющие их коренные народы. Изучению вклада коренных народов в социальную и экологическую гармонизацию общечеловеческого существования, особенностей восприятия современных социокультурных реалий, встраивания в рыночные процессы, трудовых мотиваций, специфики моделей адаптации тувинцев-тодджинцев посвящена данная статья. Изменения в жизни коренных малочисленных народов (КМНС), к которым в настоящее время относятся тувинцы-тодджинцы, и связанные с этим процессы стали основой нашего исследования. Современные процессы, происходящие в жизни тувинцев-тодджинцев, имеют свою специфику, требующую изучения и осмысления.

По данным нашего исследования, тувинцы-тодджинцы стремятся сохранить традиционное оленеводство в новых социально-экономических реалиях, т.е. наблюдается процесс формирования неотрадиции с целью этнокультурного самосохранения. Государство осознает необходимость решения проблем коренных малочисленных народов, разрабатываются различные меры их поддержки, что формирует не только законодательную основу, но и своего рода теорию неотрадиционализма.

Эмпирическая база. В Республике Тыва к местам проживания малочисленных народов Севера отнесены Тоджинский и Тере-Хольский кожууны (административные районы). На 1 января 2007 г. численность тувинцев-тодджинцев составляла 4876 человек. По предварительным данным ВПН 2020 г., численность тувинцев-тодджинцев составила 7189 человек¹. Наблюдается рост численности тувинцев-тодджинцев.

Исследование осуществлялось авторами на базе данных официальной статистики и результатов опроса населения Тоджинского кожууна, являющегося основным местом проживания тувинцев-тодджинцев. В опросе приняли участие 300 тувинцев-тодджинцев

¹ Материалы Всероссийской переписи населения РФ 2020 г. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn_popul/tom5/tab1/vpn-2020\(3\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/vpn_popul/tom5/tab1/vpn-2020(3).xlsx) (дата обращения: 03.11.2022).

в селах Адыр-Кежиг, Чазылары, Тоора-Хем и Салдам. Анкетный опрос проходил в сентябре-октябре 2021 г. и январе 2022 г. Анкета состояла из 51 вопроса. Состав респондентов в основном соответствует основным характеристикам генеральной совокупности: среди опрошенных 44,7% мужчин и 55,3% женщин; 26,6% респондентов в возрасте 18–30 лет, 59,2% – 31–50 лет, 14,2% в возрасте 51 год и старше; 50,3% респондентов имеют среднее и неполное среднее общее образование, 25% – среднее специальное и 23,7% – начальное профессиональное, 1% – незаконченное высшее образование.

Современные исследования, направленные на изучение социально-экономических реалий тувинцев-тоджинцев, показывают, что распад СССР вызвал социально-экономические потрясения, проявившиеся не только в резком снижении поголовья оленей [Монгуш, 2013: 65] и увеличении числа оленеводов, забросивших свое традиционное занятие, но и повышении уровня безработицы, сокращении продолжительности жизни, роста алкоголизации и преступности [Донахо, 2006: 129–130]. Процессы социальной адаптации населения Тоджинского кожууна проходят трудно и болезненно [Биче-оол, Самдан, 2012: 119], что обусловлено низким уровнем доходов, нерешенностью проблем материального обеспечения оленеводов, отставанием уровня их образованности от средне-республиканских показателей [Балакина, 2008]. Поддержание родовых общин оленеводов способствовало бы этнокультурной устойчивости тувинцев-тоджинцев [Литвиненко, 2015: 80–83].

Особенности социального самочувствия. В ходе анализа полученных данных выяснилось, что 62,5% опрошенных относятся к экономическим изменениям, происходящим в последние годы, положительно, что выше, чем в среднем по республике (55,8%), это обусловлено высоким уровнем толерантности и лояльным отношением к власти. Подавляющее большинство респондентов в возрасте 25–30 лет (81,8%), а также люди 56–60 лет (80%) поддерживают проводимую экономическую политику. Чуть менее трети (32,7%) в сумме выразили отрицательное (13,2%) и безразличное отношение к происходящим изменениям (19,5%). При этом 60% молодежи от 18 до 24 лет не смогли дать свою оценку в этом вопросе: 40% затруднились с ответом и 20% относятся безразлично. При оценке социально-экономического положения более четверти опрошенных (28%) отмечают признаки стабилизации экономики, с сохранением роста социальной напряженности: данный вариант ответа выбрали 56%; 27,4% затруднились оценить социально-экономическое положение, из них большинство молодых людей в возрасте 18–24 лет.

На вопрос «Какие чувства проявились, окрепли у людей за последний год?» затруднились ответить 19,7% респондентов; 28% опрошенных отметили «чувство собственного достоинства», 28,3% – «надежду», 13% – «гордость за свой народ» (80% людей в возрасте 56–60 лет выбрали этот ответ), «озлобленность и агрессивность» – 11%. При оценке динамики уровня жизни более половины опрошенных (60%) считают, что их материальное положение не изменилось, его ухудшение отметили 19,7%. Половина респондентов (50%) предполагают, что их материальное положение останется без изменений, а треть (32,3%) – надеется на улучшение. Таким образом, результаты опроса позволяют сделать вывод: вектор социального самочувствия тувинцев-тоджинцев имеет положительную направленность.

Социокультурные и ценностные ориентации. Исследование выявило высокую степень обеспокоенности тувинцев-тоджинцев, связанной с возможностью утраты части традиционной культуры. Так, 52,7% респондентов ответили, что традиционный образ жизни, обычаи, язык и культура постепенно теряются, но их можно возродить; 27,7% считают, что угрозы потерь традиций и обычаев не существует, основные составляющие традиционной культуры КМНС хорошо сохранились, 12,3% отметили, что ряд традиций и обычаев утеряны безвозвратно, 7,3% затруднились с ответом. Перечень привлекательных занятий в основном совпадает с традиционными способами хозяйствования: хотели бы заниматься оленеводством и отгонным животноводством, если бы другой работы не было, свыше 75%; производством национальной одежды и изготовлением изделий из войлока шерсти, кожи – 25%; сбором и заготовкой дикорастущих трав, плодов и ягод занялись

бы 32,1% респондентов. При этом для следующих поколений также сохраняются ожидания в привлекательности традиционного образа жизни. На вопрос «Хотели бы вы, чтобы Ваши дети вели традиционный образ жизни оленеводов-тоджинцев?» утвердительно ответили 52,7% тоджинцев, отрицательно – 25% и затруднились ответить 22,3%, среди женщин процент отрицательных ответов несколько выше (26,3% женщин и 23,1% мужчин не хотели бы, чтобы их дети стали оленеводами).

При высокой степени склонности к традиционному хозяйствованию, включающему собирательный (присваивающий) образ жизни (охота, собирательство, рыболовство) и производящий (оленеводство, отгонное животноводство), значительная часть респондентов (75,7%) указала, что не готова активно включаться в рыночные процессы, только 1,9% отметили, что начали искать свою нишу в современной действительности, а 22,4% вынужденно меняют свой жизненный уклад в ходе социальных трансформаций. Одновременно тоджинцы демонстрируют стремление остаться в прежнем статусе: ни при каких обстоятельствах не согласны менять род занятий 43,7%, среди мужчин такой модели придерживаются 45%. Однако 56,3% предпочитают много работать и хорошо зарабатывать без каких-то гарантий в будущем или иметь собственное дело.

Материальная основа жизни оленеводов с 1990-х гг. претерпела существенные трансформации. Была деструктурирована комплексная поддержка оленеводства: свернута деятельность оленеводческих совхозов, предприятий сбыта продукции леса, пунктов торговли товарами первой необходимости. Ветеринарное обслуживание отрасли при переводе на платную основу значительно ослабло, что при нестабильной оплате труда привело к резкому снижению поголовья оленей², которых животноводы вынуждены были забивать для продажи мяса и получения ресурсов для выживания.

К неоднозначным последствиям социокультурных трансформаций можно отнести особенности встраивания в рыночные процессы – значительную зависимость от специфики и инструментов государственной поддержки оленеводства. В республике действует государственная программа «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2021–2023 годы»³, включающая подпрограмму поддержки КМНС. Однако она достаточно поверхностна и ситуативна и предусматривает только проведение организационно-культурных мероприятий, финансирование участия тувинцев-тоджинцев в выставках и фестивалях и т.д. Также в республике осуществляется выплата субсидий на поголовье оленей по линии Министерства сельского хозяйства. Применение других мер федеральной поддержки жизни и труда оленеводов респондентами отрицается, поскольку они о ней ничего не знают.

Заключение. В ходе анализа были выявлены характерные черты социальных процессов развития тувинцев-тоджинцев как проявление противоречивых последствий современных социокультурных трансформаций. Так, наблюдается значительная межпоколенная приверженность тувинцев-тоджинцев традиционному бытовому укладу с приоритетностью оленеводства. Достаточно высок уровень позитивного восприятия действительности и особенностей современных социально-экономических процессов, при явном отставании уровня жизни от среднего по Туве. Это может объясняться тем, что на социальное самочувствие тувинцев-тоджинцев в большей степени влияет возможность ведения традиционного уклада жизни и хозяйствования, нежели доступность современных, комфортных условий. При этом отметим, что молодые тоджинцы, при вербально высоком уровне приверженности традиционным занятиям, в реальной жизни только помогают родителям-оленеводам, не избирая эту сферу как основное занятие.

² Согласно данным Минсельхозпрода Республики Тыва поголовье оленей снизилось с 17 тыс. голов в 1980-х гг. до 1960 голов в 2022 г.

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 23 апреля 2020 г. № 174. URL: <https://rtyva.ru/page/3901.html> (дата обращения: 03.11.2022).

Выявленная пониженная психологическая готовность тувинцев-тоджинцев к новшествам в социально-экономической сфере региона констатирует сложности адаптации к рыночным изменениям, не соответствующие современным реалиям. Эту проблему возможно разрешить как за счет роста активности самих тувинцев-тоджинцев по сохранению традиционной культуры и самобытности, так и посредством системной государственной поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балакина Г.Ф. Современная региональная политика и развитие коренных малочисленных народов Севера в Республике Тыва // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) / Ред.-сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина; общ. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 275–295.
- Биче-оол С.М., Самдан А.А. Современное состояние оленеводства в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 111–121.
- Донахо Б. Оленеводство тувинцев-тоджинцев сегодня // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов / Сост. А.О. Дыртык-оол, У.П. Опей-оол. Кызыл: ТКИ, 2006. С. 121–132.
- Литвиненко Т.В. Развитие оленеводства и возникновение общин коренных малочисленных народов в южной Сибири в постсоветский период (на примере Тоджинского района Республики Тыва) // Проблемы региональной экологии. 2015. № 4. С. 78–84.
- Монгуш М.В. О двух экспедициях в Тоджу // Новые исследования Тувы. 2013. № 1. С. 49–71.

Статья поступила: 27.02.23. Финальная версия: 09.06.23. Принята к публикации: 03.07.23.

TODZHA TUVANS IN CONTEMPORARY SITUATION

BALAKINA G.F.*, KHARUNOVA M.M.-B.**

**Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources of SB RAS, Russia; **Institute of Oriental Studies of RAS, Russia*

Galina F. BALAKINA, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources of SB RAS, Kyzyl, Russia (balakina.gal@yandex.ru); Marianna M.-B. KHARUNOVA, Cand. Sci. (Hist.), Head, Postgraduate Department, Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia (ondar18@mail.ru).

Abstract. The article discusses the processes of socio-cultural dynamics among the indigenous small people, the Todzha Tuvans living in the Todzhinsky district of the Republic of Tuva. Basing on the materials of a sociological survey of residents in the district (2021–2022) and official statistics, we analyze the features of socio-economic processes, preferences in the labor sphere of the Todzha Tuvans, desirability of engaging in traditional types of labor, the tendency to increase the level of education, specific perception of market economy and attitudes towards changes in society. Conclusions are made about adherence to the traditional way of life and work, reindeer herding as the basis of life, traditional values with the increasing role of modern realities in the minds of young representatives of the people, which determines the need for a targeted approach to preserving the country's ethno-cultural diversity at the regional and municipal levels of government.

Keywords: indigenous peoples of the North, Todzha Tuvans, Republic of Tuva, traditions, reindeer herding.

REFERENCES

- Balakina G.F. (2008) Modern regional policy and development of indigenous peoples of the North in the Republic of Tyva. In: *Ethnoregional adaptation models (post-Soviet practices)*. Moscow: IEA RAN: 275–295. (In Russ.)
- Biche-ool S.M., Samdan A.A. (2012) A modern state of deer farming in Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva]. No. 1: 111–112. (In Russ.)
- Donahoe B. (2006) Reindeer husbandry of Tuvinians-Todzhins today. In: *Issues of studying the history and culture of the peoples of Central Asia and neighboring regions*. Kyzyl: TKI: 121–132. (In Russ.)
- Litvinenko T.V. (2015) Development of reindeer herding and the emergence of the communities of indigenous minority peoples in southern Siberia: a case study of the Todzhinsky district, the Tuva Republic. *Problemy regionalnoy ekologii* [Problems of Regional Ecology]. No. 4: 78–84. (In Russ.)
- Mongush M.V. (2013) About two expedition to Todzha. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva]. No. 3. 1: 49–71. (In Russ.)

Receives: 27.02.23. Final version: 09.06.23. Accepted: 03.07.23.

А.Ю. ТРУФАНОВ, А.И. САМСОНОВ, М.С. ЛУБЯНОЙ

РОССИЙСКИЙ РЕГИОН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (на примере Нижегородской области)

ТРУФАНОВ Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (taypfis@gmail.com); САМСОНОВ Андрей Иванович – научный сотрудник (cipt@mail.ru). Оба – Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; ЛУБЯНОЙ Максим Сергеевич – кандидат философских наук, директор АНО «Институт проблем социального управления» (0479917@mail.ru). Все – Нижний Новгород, Россия.

Аннотация. На основе социологических опросов 2021–2022 гг. анализируются оценки своего материального благополучия жителями Нижегородской области, в том числе ее изменение после введения антироссийских санкций. Авторами также рассматривается общественное мнение нижегородцев о путях преодоления возникших кризисных явлений. Изучаемые показатели были стабильны на протяжении последних лет. В частности, доля удовлетворенных своим материальным положением нижегородцев постоянно превышала 60%. Это позволяет говорить о стабильно низкой степени социальной напряженности в нижегородском региональном социуме, на которую почти никак не повлияли кризисные события 2022 г. В кризисные периоды нижегородцы были чаще всего (55–60% респондентов) озабочены ростом цен, и среди требований к власти они чаще всего (33–36%) называли контроль за ценообразованием.

Ключевые слова: общественное сознание • кризис • материальное благополучие • социально-экономическая политика

DOI: 10.31857/5013216250028313-7

События 2022–2023 гг., включая введенные странами «коллективного Запада» антироссийские санкции, стали катализатором существенного изменения привычного образа жизни россиян. Это касается не только трансформации материального благополучия, но и изменений в общественном сознании.

Для выяснения, насколько велики были эти изменения в Нижегородской области, авторами использовались данные социологических исследований, проведенных в июне 2021 г. и июне 2022 г. Приволжским филиалом ФНИСЦ РАН совместно с Научно-исследовательским институтом проблем социального управления¹. Полученные результаты показывают динамику изменений уровня материального благополучия населения Нижегородской области на протяжении двух лет, когда постепенно отменялись ковидные ограничения, но им на смену пришли новые проблемы и ограничения, связанные с СВО на Украине. В качестве дополнительного источника для сравнительной оценки ситуации в постсанкционный период в России в целом использовались результаты всероссийского исследования, проведенного ФОМ в марте 2022 г.

Самооценки материального положения. Во время опроса в июне 2022 г., через несколько месяцев после начала СВО, чаще всего (49,2%) участников опроса оценивали свое личное материальное положение как «скорее хорошее», достаточно большая группа респондентов (17,2%) – как «хорошее». Вторая по относительной численности

¹ Выборка (комбинированная, общеобластная районированная) насчитывала в 2021 г. и в 2022 г. по 2196 респондентов. Методом сбора данных был опрос на улице по месту жительства респондентов. Доверительная вероятность 97%, доверительный интервал $\pm 3,2\%$. Подробнее см.: [Мониторинг социально-экономической ситуации в Нижегородской области, 2021; Мониторинг социально-экономической ситуации в Нижегородской области, 2022]. Мониторинг социально-экономической ситуации в Нижегородской области проводится Приволжским филиалом ФНИСЦ РАН с 2015 г.

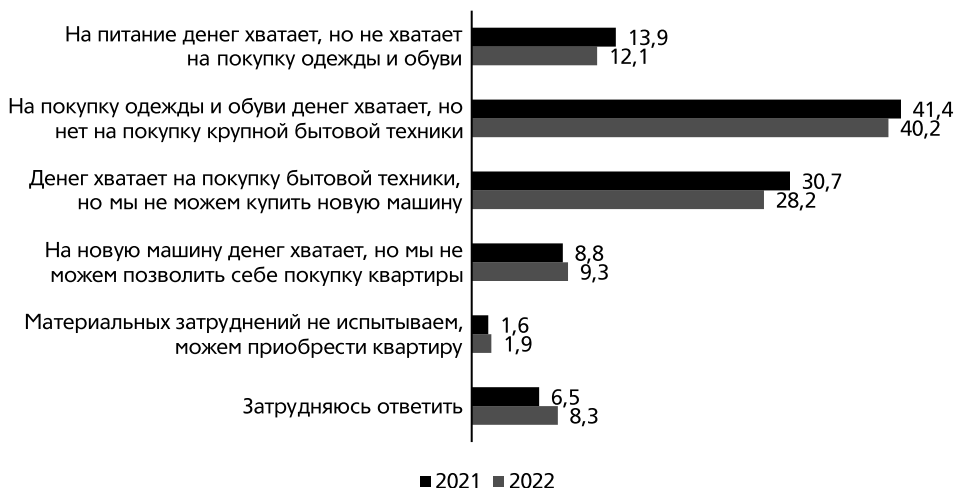

Рис. 1. Самооценки материального благополучия нижегородцев, в % от опрошенных

группа респондентов – те, кто считает свое материальное положение «скорее плохим» (26,9%). Группа жителей области, считающих свое материальное положение «плохим» или «скорее плохим», в сумме составила 33,6% – треть опрошенных нижегородцев. Это – неплохой результат, если учитывать все экономические трудности последних лет. Если сравнивать данные социологического опроса 2022 г. с аналогичными данными 2021 г., то разница в долях ответов находится в рамках статистической погрешности. Так, если в 2021 г. 68,4% респондентов материальное положение своей семьи оценили как хорошее и скорее хорошее, то в 2022 г. этот показатель снизился до 66,4%.

Рассматривая влияние санкций на материальное благополучие жителей Нижегородской области, нужно отметить, что большинство респондентов оценивали свое благополучие как стабильное. Чаще всего отмечали, что на крупные покупки (машину, бытовую технику) им приходится деньги откладывать, но в целом ситуация не выглядит критической. Аналогичные оценки своего материального благополучия были и в июне 2021 г. (рис. 1).

Рассмотрим типичные для нижегородцев социальные страхи и опасения, которые играют значительную роль в формировании морально-психологического климата и социальной напряженности в регионе.

Как показал опрос, в июне 2022 г. лидером являлся «резкий рост цен на повседневные товары (услуги)», последовавший после начала СВО: 3/5 участников опроса выразили обеспокоенность этой проблемой (рис. 2). Ответы на вопрос о волнующих людей проблемах и опасностях показывали высокий общий фон социальной тревожности. Действительно, большинство проблем, связанных с материальным благополучием, волновали свыше 40% нижегородцев, только по трем из семи обозначенных проблем доля тех, кого они не волновали, превышала долю опасующихся. В частности, меньше всего нижегородцев волновала потеря подработки или иного дополнительного источника доходов, вероятнее всего, ввиду отсутствия у очень значительной части населения таких источников.

Сопоставление данных опросов 2021 (рис. 3) и 2022 гг. показывает, что пандемия COVID-19 и санкционный кризис породили у нижегородцев очень схожую структуру «страхов». В обоих опросах более половины респондентов боятся роста цен, а на втором-третьем местах по частоте – боязнь снижения доходов у себя и членов своей семьи. В сущности, речь идет об одной и той же опасности снижения потребительских возможностей при сохранении занятости; что касается безработицы, то ее опасаются реже.

Рис. 2. Структура мнений нижегородцев, в какой мере они опасаются различных проблем и опасностей, 2022 г., в % от опрошенных²

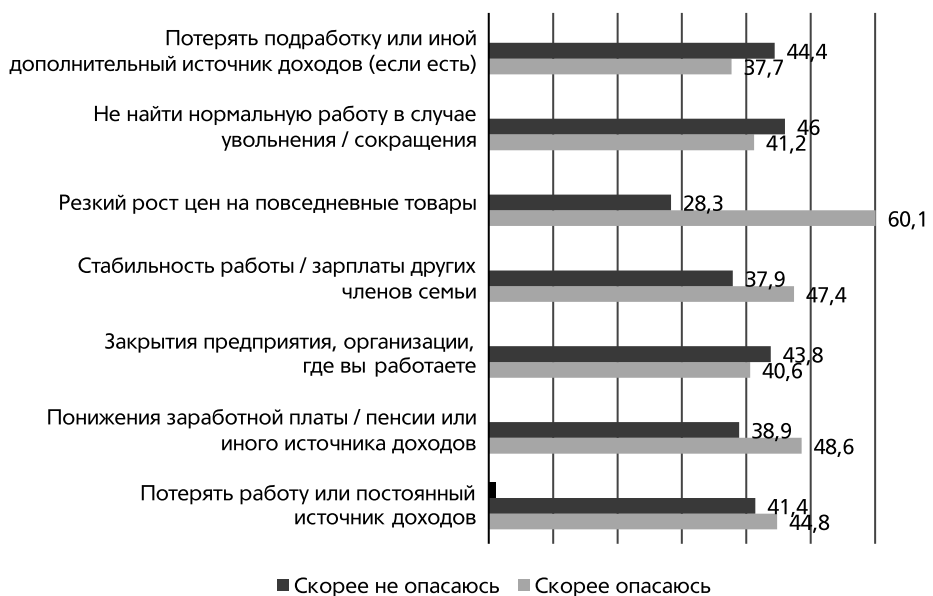

Рис. 3. Структура мнений нижегородцев, в какой мере они опасаются различных проблем и опасностей, 2021 г., в % от опрошенных

² На рис. 2 и 3 не показана доля респондентов, затруднившихся ответить, которая варьировалась от 10 до 18% выборки.

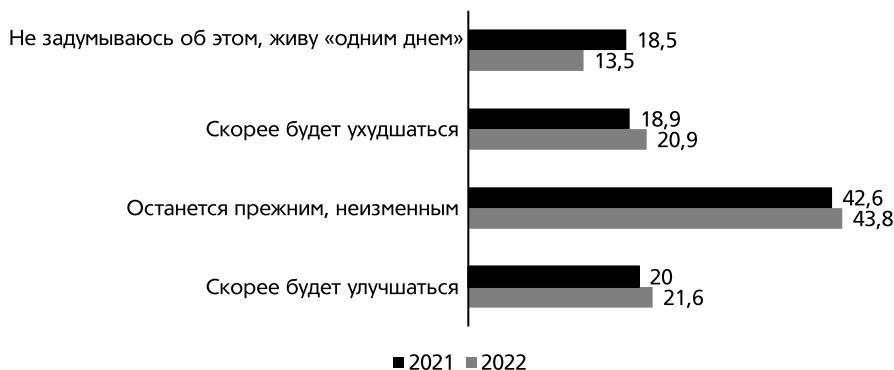

Рис. 4. Оценки нижегородцами перспективы изменений своего материального благополучия в ближайший год, в % от опрошенных

По вопросу о перспективах изменения личного материального благополучия ответы нижегородских респондентов распределились летом 2022 г. в определенной степени симметрично. Сторонники диаметрально противоположных позиций уравнивают друг друга: 21,7% считают, что их материальное положение в ближайший год изменится в лучшую сторону, а 20,9% – что оно, наоборот, скорее будет ухудшаться. Между этими крайностями мнений находится относительное большинство (43,8%), которые уверены в стабильности своего материального положения, а также те 13,6% нижегородцев, которые предпочитали вообще не задумываться над этим вопросом и «жить одним днем».

Практически аналогичные показатели были и при опросе жителей Нижегородской области в июне 2021 г. (рис. 4). Это можно объяснить тем, что население региона уже привыкло к различного рода катаклизмам и в своем большинстве надеется только на себя.

При этом в 2022 г. старшее поколение (55 лет и старше) несколько чаще других придерживалось оптимистической позиции (28,9%), люди среднего возраста (36–55 лет) – пессимистической (26,3%). В то же время респонденты, убежденные в неизменности своего положения, составляли относительное большинство (40–45%) во всех возрастных группах.

Реакция на санкционный кризис. Большинство россиян в 2022 г. считали, что антироссийские санкции по существу никак не повлияли на их повседневную жизнь, хотя респонденты осознавали наличие кризиса в экономике. Так, во время опроса в июне 2022 г. негативное влияние ухода иностранных фирм на качество своей повседневной жизни отметили менее 1/3 нижегородцев, причем из них лишь 8,1% сочли это влияние сильным, уже ставшим причиной резкого ухудшения их жизни, а другие 22,6% – незначительно ухудшившим жизнь. Еще 15,8% полагали, что хотя в настоящее время это на них не влияет, но в будущем ухудшит их жизнь; другие 18,4% считали, что этот уход и в будущем на них не повлияет. Наконец, были и оптимисты (18,5%), думающие, что от ухода из России западных фирм положительных последствий (видимо, от импортозамещения) будет больше, чем отрицательных.

Эти данные разительно отличаются от общероссийских результатов, приведенных ФОМ³. Согласно им, в марте 2022 г. 25% россиян считали, что санкции сильно скажутся на их материальном положении, и только 28% опрошенных заявляли, что санкции не скажутся на их повседневной жизни. Такая существенная разница в ответах респондентов

³ ФОМ. Влияние санкций на жизнь людей и экономику. 30 марта 2022. URL: <https://fom.ru/Экономика/14709/> (дата обращения: 31.05.2023). Репрезентативный опрос населения России от 18 лет и старше охватывал 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53-х субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

регионального и федерального масштабов объясняется, вероятно, разницей в понимании опрашиваемыми содержания задаваемых им вопросов. Когда у респондентов ФОМ уточняли, что именно их тревожит при введении санкций, то большинство отметило ограничения на поставку электроники в Россию (37%) и санкции в отношении крупнейших банков (27%). Озабоченность этими проблемами отличается от ситуации в регионах, где население в основном волнуется из-за роста местных цен.

Мнения нижегородцев в отношении поиска решения проблем, связанных с санкциями, разделились в 2022 г. следующим образом:

- более трети участников опроса уже нашли решение полностью (13,0%) или частично (22,0%);
- 20,1% респондентов уверены, что найдут решение;
- высока доля тех, кто не собираются искать решение возникших проблем (17,9%), либо убеждены в невозможности этого (9,0%);
- 17,9% заявили, что не имеют никаких проблем, связанных с санкциями.

Как видим, доля считающих себя серьезно пострадавшими от санкционного кризиса не превышала летом 2022 г. 1/10 жителей Нижегородской области. Чаще же всего они считали влияние на себя этого кризиса незначительным.

Требования к власти. Общественное мнение нижегородцев о главных задачах государственной власти в условиях нынешнего кризиса выглядит неоднозначно.

На первом месте оказались, как и в предыдущие годы, меры контроля ценообразования и регулирования цен на товары повседневного спроса: в июне 2022 г. их называли 32,7% респондентов (а в июне 2021 г. – 35,6%). Возможная причина – отмеченный участниками резкий рост потребительских цен после начала СВО. На втором месте закономерно оказались борьба с безработицей и проблемами предприятий, находящихся под угрозой закрытия (24,4% в 2022 г. в сравнении с 25,6% в 2021 г.). Третье место в 2022 г. поделили импортозамещение потребительских товаров и услуг (16,8%, хотя в 2021 г. – только 8,4%), а также индексация заработной платы, пенсий и пособий (14,1%, в 2021 г. – 15,6%). Несколькими годами раньше пункт об индексации доходов претендовал на первое место в опросах о государственной политике; снижение его популярности можно интерпретировать как переход общественного сознания нижегородцев к более четкому видению задач и функций государственного управления. Важно отметить, что либеральные соображения о желательности снизить госконтроль за частным бизнесом и дать больше экономических свобод очень мало популярно: в 2021 г. такой ответ выбрали лишь 3,9% нижегородцев, в 2022 г. – 4,2%.

При анализе возрастной дифференциации ответов на вопросы о желательной государственной политике нужно отметить, что большинство лиц старшего поколения высказалось за индексацию доходов. Позицию среднего поколения можно определить как неопределенную: ответы респондентов не позволили выявить какой-либо приоритет. Однако чем моложе респондент, тем выше процент ответов, отданных за развитие импортозамещения, а чем старше – тем выше процент выступающих за рост доходов и борьбу с безработицей.

Выводы. Таким образом, социологические опросы июня 2022 г. показали, что кризисные ограничения повлияли на повседневную жизнь нижегородцев, создали определенные неудобства, но кардинальных изменений большинство респондентов не заметило. Мнения нижегородцев при этом в целом коррелируются с общероссийскими социологическими данными.

При этом трудно выделить какую-то определенную категорию населения, где бы сильнее отмечались кризисные явления. В частности, старшее поколение больше беспокоит рост потребительских цен, а не некие виртуальные для них санкции. Именно эта возрастная группа в наименьшей степени была обеспокоена введенными против России санкциями, ее представители чаще всего вообще не видят для себя проблем после введения санкций и, соответственно, не ищут способа их решения.

На молодежь санкционный кризис в целом также не оказал существенного влияния. Единственное, что их отличает, – более высокие переживания по поводу ухода из России западных компаний, работавших в сфере услуг (включая индустрию развлечений) и в электронной промышленности, но такое недовольство не носит категоричного характера в силу осознания ими возможности использования заменяющих источников. Как и следовало ожидать, молодое поколение россиян, в отличие от предыдущих поколений, лучше приспособлено к «новой реальности» и более четко представляет себе пути решения возникших проблем.

В целом ответы респондентов Нижегородской области об оценке своего материального благополучия оказались мало зависящими от кризисных воздействий. Как показывают данные социологических исследований, проводимых в области на протяжении нескольких лет, уровень удовлетворенности жизнью в регионе стабильно сохраняется на уровне 60%. Сравнение ответов респондентов об их материальном благополучии в досанкционный и в санкционный периоды тоже показывает, что структура ответов не изменилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мониторинг социально-экономической ситуации в Нижегородской области 4–7 июня 2021 г. Н. Новгород: АНО НИИПСУ, 2021.

Мониторинг социально-экономической ситуации в Нижегородской области. 23–25 июня 2022 г. Н. Новгород: АНО НИИПСУ, 2022.

Статья поступила: 01.06.23. Финальная версия: 20.08.23. Принята к публикации: 22.08.23.

THE RUSSIAN REGION IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS (on the example of the Nizhny Novgorod Region)

TRUFANOV A.Yu.*, SAMSONOV A.I.*, LUBYANOV M.S.**

**Privolzhsky branch of the FCTAS RAS, Russia; **ANO "Institute for Social Management Problems", Russia*

Alexander Yu. TRUFANOV, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher (taypfis@gmail.com); Andrey I. SAMSONOV, Scientist (cipt@mail.ru). Both – Privolzhsky branch of the FCTAS RAS; Maksim S. LUBYANOV, Cand. Sci. (Phil.), Director of ANO "Institute for Social Management Problems" (0479917@mail.ru). All – Nizhny Novgorod, Russia.

Abstract. Based on sociological surveys 2021–2022 the paper analyzes the assessment of their material well-being by residents of the Nizhny Novgorod region, including its change after the introduction of anti-Russian sanctions. In addition, the authors study the public opinion of Novgorodians on ways to overcome the emerging crisis phenomena. The study of the structure and dynamics of respondents' answers showed that the studied indicators are stable over the past few years of observation. In particular, the share of those who are satisfied with their financial situation exceeds 60%. This allows us to speak about a consistently low degree of social tension in the regional society, which was almost not affected by the events of 2022.

Keywords: sanctions, sociology, economics, tension, material well-being.

REFERENCES

Monitoring of the socio-economic situation in the Nizhny Novgorod region. June 4–7, 2021. (2021) Nizhny Novgorod: ANO NIIPSO. (In Russ.)

Monitoring of the socio-economic situation in the Nizhny Novgorod region. June 23–25, 2022. (2022) Nizhny Novgorod: ANO NIIPSO. (In Russ.)

Received: 01.06.23. Final version: 20.08.23. Accepted: 22.08.23.

© 2023 г.

ТРАНСГРАНИЧЬЕ ВОСТОКА РОССИИ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В Республике Бурятия празднование 100-летия со дня возникновения первой государственности бурят отметили в конце мая проведением международной научной конференции «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.». Как известно, территория этнической Бурятии добровольно вошла в состав Российского государства еще в 1666 г. Государственность бурят была сформирована в течение длительного исторического развития России, поступательно преобразовываясь на разных этапах. Официальной датой создания республики считается 30 мая 1923 г., когда президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об объединении в одну Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока.

Организаторами выступили Правительство Республики Бурятия, Народный Хурал Республики Бурятия, Сибирское отделение РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), Российское историческое общество при поддержке Фонда «История Отечества». В рамках конференции работали три круглых стола и девять секций, в которых приняло участие свыше 250 участников из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Абакан, Барнаул, Благовещенск, Владивосток, Иркутск, Казань, Кызыл, Кяхта, Новосибирск, Улан-Удэ, Чита, Якутск), Монголии (Улан-Батор, Дархан), Китая (Пекин, Хух-Хото, Хулунбуир), Казахстана (Алматы) и Японии (Токио).

Научную часть пленарного заседания открыл доклад акад. РАН **Б.В. Базарова** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) «Республика Бурятия в ретроспективе 100-летия». Акад. РАН **В.Л. Ларин** (ИИАЭНДВ ДВО РАН, Владивосток) представил доклад «Парадоксы и перспективы российско-китайского трансграничного сотрудничества». Акад. РАН **И.В. Бычков**, проф. РАН **А.Л. Казаков** и **М.Л. Жарков** (ИДСУ СО РАН, Иркутск) в докладе «Железнодорожный транспортный коридор Китай – Монголия – Россия: текущее состояние и перспективы модернизации» озвучили результаты исследования, проведенного на основе математического и компьютерного моделирования. Доклад **Жамбалын Цэцэгмаа** (Международ. ун-т «Их Засаг» им. Чингисхана, Улан-Батор) был посвящен изучению монгольского периода в жизни известного бурятского ученого и общественного деятеля Цыбена Жамцарано (1881–1942), сыгравшего огромную роль в становлении и развитии академической науки и образования в Монголии.

Традиционно одной из самых многочисленных по количеству участников оказалась социологическая секция «Социальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке» (рук. **З.Т. Голенкова** (ИС ФНИСЦ РАН), **Е.В. Петрова** (ИМБТ СО РАН)). Доклады на секции были посвящены разным вопросам социально-экономического развития не только Бурятии, но и регионов Сибири и Дальнего Востока: новым формам занятости (**А.В. Бильтрикова**), женскому предпринимательству (**И.Н. Дашибалова**), социальному неравенству (**Е.В. Петрова**), перспективам развития системы здравоохранения (**Е.Ю. Башкуева**), моделям доходной стратификации (**И.Д. Ван**), социальному самочувствию (**О.В. Котоманова**), борьбе с алкоголизмом (**С.Г. Жамбалова**), профилактике семейного насилия (**А.М. Бадонов**). Были проанализированы особенности социально-демографического развития Бурятии, включая динамику и тенденции миграционных процессов (**А.В. Винокурова**),

сельско-городскую миграцию (**В.Г. Жалсанова**), особенности исследований студенческой молодежи (**А.Б. Цыденов**). **Ю.Г. Григорьева** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) представила доклад «Монгольская трудовая миграция в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие». **Н.Г. Канзычакова** (ХакНИИЯЛИ, Абакан) посвятила свое выступление схожим и отличительным особенностям профессиональной самореализации хакасов и бурят.

В отдельный блок можно выделить доклады, касающиеся темы урбанистики в Дальневосточном федеральном округе, куда с 2018 г. включена и Республика Бурятия. Наибольший интерес представляют доклады **А.С. Бреславского** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) «Городские агломерации на Дальнем Востоке России: “региональные фантазии” или отображение реальных трендов?», **Б.С. Будаева** (БГУ им. Д. Банзарова, Улан-Удэ) «Развитие системы управления столичных городов в субъектах ДФО», **А.Б. Меньжуровой** (ВСГУТУ, Улан-Удэ) «Паблик-арт как фактор формирования социокультурного пространства города».

Интересные дискуссии развернулись вокруг тем, касающихся социально-демографических вопросов в регионе. **Ю.Г. Бюраева** (БНЦ СО РАН, Улан-Удэ) представила анализ статистических данных государственных переписей населения, выявила особенности и перспективные тенденции изменения численности населения региона. В докладе **В.А. Кышпанакова** (ХакНИИЯЛИ, Абакан) по данным переписей 2002, 2010 и 2020 гг. проанализированы численность и размещение бурят по федеральным округам России в сравнении с народами Саяно-Алтая – алтайцами, тувинцами и хакасами. В его докладе отмечено, что «в основе миграций в отдаленные и экстремальные места лежат вовсе не романтические начала, а определенные материальные интересы». **Д.Д. Бадараев** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) отметил схожесть в становлении социальной стратификации русских и бурят, детерминированность социально-демографических процессов в этнической структуре республики от общероссийских тенденций, миграционного оттока населения, притока граждан из стран Средней Азии, увеличения титульного бурятского населения, а также роста доли населения, находящегося в пограничном состоянии.

С.Н. Иванова (БИПП СО РАН, Улан-Удэ) в своем междисциплинарном докладе представила комплекс критериев, по которым произведен анализ возможностей устойчивого развития региона в едином социуме Северной Азии. Бурятия характеризуется стабильным ранговым значением в группе регионов с низким интегральным индексом социальной устойчивости. По мнению докладчика, в регионах Северной Азии необходима разработка и реализация социальных технологий, направленных на повышение устойчивости.

Доклады **Ю.В. Голиусовой**, **А.Д.-Б. Самба**, **И.М. Ореховой**, **В.Б. Кефели** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), представленные в стендовой форме, были основаны на результатах социологических исследований последних нескольких лет в Республике Тыва и посвящены вопросам социальной структуры и занятости населения в соседнем трансграничном регионе. В докладах отмечена большая степень однородности поведенческих стратегий респондентов в области трудовых отношений, развитие неформальных форм занятости, отдельное внимание уделяется вопросам самозанятости и развитию региональных социальных программ на основе традиционных ценностей и форм хозяйствования.

Мотивационному поведению самозанятых и стратегиям адаптации предпринимателей в период пандемии посвящен доклад **Т.И. Гориной** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), в котором использованы данные опроса самозанятых жителей Москвы, согласно которым предпринимательство таит в себе огромный потенциал для развития экономики страны.

А.В. Роговая (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) продемонстрировала результаты исследования по изучению основных проблем и потенциала деятельности общественных организаций на примере малых городов Бурятии. Отмечена необходимость всесторонней поддержки общественных организаций со стороны органов власти. Контекст внимания и поддержки приграничных территорий и сообществ со стороны властей также подчеркнут в докладе **Э.К. Бийжановой** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), представившей анализ

исследований, проведенных в 2021–2022 гг. на приграничных территориях Приморского и Хабаровского краев, а также Еврейской автономной области.

Отдельного внимания участников секции привлекли доклады по теме цифровизации общества и digital-социологии. Совместный доклад **Ц. Цэцэнбилэг** и **О. Хатанболда** (ИФ МАН, Улан-Батор) «Цифровая социология: социум Бурятии и Монголии» обозначил ключевые аспекты и динамику цифровизации в Монголии и России, в частности Бурятии. Отмечено, что с цифровизацией возникает немало проблем, связанных, в частности, с цифровым неравенством (государств, обществ, отдельных индивидов), вопросами безопасности, проблемами социокультурного характера, чрезвычайно возросшими темпами социально-экономических процессов, непредсказуемостью общественного развития. В качестве обобщения авторы подчеркивают, что цифровизация в целом представляет собой весьма противоречивый феномен, который разительно изменил социумы и наложил заметный отпечаток на ценностно-поведенческие паттерны их членов.

Теме цифровых коммуникаций органов публичной власти Республики Бурятия также был посвящен доклад **А.В. Кузьмина** (ВСГУТУ, Улан-Удэ). **Л.Н. Чукреева** и **Э.С. Гунтыпова** (АНО «Диалог регионы», Улан-Удэ) в докладе «Фейки как угроза социальной безопасности (по материалам социологических исследований)» отметили, что эффективными средствами противодействия фейкам и минимизации его негативных последствий являются широкая медиаграмотность населения и информационная гигиена медиааудитории.

Социологическая направленность конференции также была представлена в работе круглого стола «Бурятия в системе международных и региональных гуманитарных связей» (модераторы: **Т.Б. Бадмацыренов** (БГУ им. Д. Банзарова, Улан-Удэ) и **Г.Н. Чимитдоржиева** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)), где были обсуждены актуальные проблемы истории международного сотрудничества в научных учреждениях Бурятии, роли советского и российского образования в Монголии, российских образовательных стратегий и проектов в развитии международных и региональных гуманитарных связей, региональных просветительских инициатив. Признано перспективным изучение роли и места Бурятии в реализации восточного вектора внешней политики России, ее значение в межрегиональном сотрудничестве с Монголией и Китаем в условиях современной международной обстановки.

Юбилейные мероприятия в Республике Бурятия еще будут продолжаться в течение года, согласно ранее принятому плану празднования 100-летия. Значимость научной составляющей юбилея не раз подчеркнута на всех уровнях региональной и федеральной власти. Конференция получила широкий отклик научной общественности в российских регионах и за рубежом.

Д.Д. БАДАРАЕВ, Т.Б. БАДМАЦЫРЕНОВ

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич, д. социол. н., доц., вед. науч. сотр., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (damdin80@mail.ru); БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович, д. социол. н., доц., зав. кафедрой политологии и социологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (batorovitch@mail.ru). Оба – Улан-Удэ, Россия.

CROSS-BORDER AREA OF THE EAST OF RUSSIA IN THE MODERNIZATION PROCESSES

DOI: 10.31857/S013216250028314-8

Damdin D. BADARAEV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (damdin80@mail.ru); Timur B. BADMATSYRENOV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Chair of Political Science and Sociology, Banzarov Buryat State University (batorovitch@mail.ru). Both – Ulan-Ude, Russia.

© 2023 г.

РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Вторая международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях мирового кризиса» состоялась в Иркутске 16–17 июня 2023 г. В ее работе приняли участие ученые из Минска, Алматы, Москвы, Санкт-Петербурга, а также десяти городов Сибири и Дальнего Востока и 23 – Урала и европейской части России. В докладах участников были рассмотрены особенности развития экспертных институтов в современном мире, показаны возможности экспертных технологий в достижении мировой и региональной стабильности через преодоление угроз и вызовов.

Работа конференции началась вступительным словом проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, Иркутск). Она подчеркнула, что нынешнее мероприятие продолжает идеи конференции 2022 г., посвященной поиску путей развития экспертных институтов в современном турбулентном мире, росту значения и роли институтов экспертизы в управлении социальными процессами и формировании цивилизационных и цифровых концепций меняющегося мира.

И.А. Журавлева (ИГУ, Иркутск) обозначила, что развитие экспертных институтов характеризуется значительной вариативностью, предполагающей широкое обсуждение, которое традиционно обеспечивается участием в конференции ученых, практиков, представителей органов власти и общественности. Ректор ИГУ, проф. **А.Ф. Шмидт** указал, что его как вовлеченного в экспертную работу в первую очередь волнует культура, этика и ответственность экспертного сообщества, решающего крайне важные задачи. Поэтому через конференцию академическая и университетская среда призваны инициировать и стимулировать конструктивную работу институтов экспертизы и отдельных экспертов. Проф. **В.В. Шпрах** (ОП ОИ, ИГМАПО, Иркутск) отметил, что в современных условиях особый статус приобретают центры совместной деятельности, реализующие свои задачи на принципах консенсуса. Поэтому экспертные оценки становятся инструментами, формирующими базу для принятия адресных управленческих решений, открывают возможности для измерения комфортности социальной среды и выступают средством выдвижения и продвижения гражданских инициатив. Проф. **Л.А. Василенко** (РАНХиГС, Москва) и проф. **В.В. Зотовым** (МФТИ, Москва) в докладе «Организация экспертной экосистемы на цифровой платформе с использованием симбиотического интеллекта» предложена инфраструктура применения технологий искусственного интеллекта и обозначены основные этапы проведения экспертизы в условиях экосистемы. По мнению докладчиков, элементами такой системы должны стать сетевая экспертно-аналитическая платформа и предметные цифровые платформы, деятельность которых может быть оптимизирована благодаря симбиотическому интеллекту.

В докладе «Экспертиза цивилизационного потенциала локальной территории российского региона: основания оценивания и проектирования» проф. **В.В. Козловский** (СИ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург) обосновал концептуальное положение о необходимости использования экспертного знания в области цивилизационного развития российского региона. На основе данных экспертного мониторинга сделан вывод о неравномерном развитии территорий и предложена структурная модель цивилизационного развития.

Последующие доклады представляли методологические и практико-ориентированные подходы. В них проявился повышенный спрос на качественно новые экспертные технологии и знание, полученное на их основе. Так, в докладе проф. **Н.Л. Антоновой** (УрФУ, Екатеринбург) приведены результаты анализа представлений экспертного сообщества о здоровом теле. **С.П. Какаулин** (МЭРИП ИО, ИГУ, Иркутск) в докладе об экспертном подходе в формировании концепции развития промышленного туризма на примере Иркутской области представил результаты работы экспертной группы по его развитию в области. Озвучены инициативы,

направленные на развитие промышленного потенциала и туризма, удержание населения и профориентацию молодежи.

С.Б. Абрамова (УрФУ, Екатеринбург) в своем докладе подчеркнула, что гражданский контроль должен быть обращен к общественному мнению и носить экспертный характер. Население ожидает, что его мнение будет учитываться при принятии управленческих решений. Основной посыл партисипаторности – включенность общественности на разных этапах принятия решений. Для этого важно формировать культуру соучастия в разных формах и разными способами.

В.В. Зырянов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) представил студенческую трудовую занятость как отражение противоречий современного высшего образования. Им отмечается, что причинами появления у студентов времени на трудовую занятость выступают несоответствие компетенций в обучении и трудовой деятельности, перегруженность преподавателей и др. Трудовая занятость студентов не способствует их вхождению в науку, между тем и наука не предлагает студентам возможностей раскрыть их исследовательский потенциал. Кроме того, студенческая занятость нередко становится причиной подрыва здоровья студента.

В докладе **А.О. Панфиловой** (ДВФУ, Владивосток) было отмечено, что ключевой проблемой дальневосточных территорий является депопуляция, поэтому главная задача сохранить в регионе молодое трудоспособное население.

На пленарном заседании также были представлены доклады: **В.Ю. Митусова** (Иркутск); **М.А. Самойловой** (Ростов-на-Дону); **И.В. Ивановой** (Иркутск); проф. **Е.В. Матвеевой** (Кузбасская ГСХА, Кемерово); проф. **В.Д. Курганской** (Казахстан); проф. **В.Ф. Пугач** (МИСИС, Москва); проф. **Я.А. Лещенко** (ВСИМЭИ, Ангарск); **Э.Р. Нуруллиной** (КГЭУ, Казань); чл.-корр. НАН Беларуси **А.Н. Данилова** (БГУ, Минск); проф. **Н.Л. Смакотиной** (МГУ, Москва); проф. **Л.И. Найденовой** (ПГУ, Пенза); проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, Иркутск); **Т.В. Андрияновой** (КГУ, Курск); проф. **А.А. Зеленина** (КемГУ, Кемерово); **О.А. Малакановой** (Самарский ун-т); проф. **А.Д. Карнышева** (ИГУ, Иркутск) и др.

Научный интерес участников конференции также был сфокусирован на экспертных платформах и их влиянии на общественное мнение в меняющемся мире, на роли высшего образования и науки как экспертных институтов в достижении социальной стабильности, на социологической экспертизе в XXI в. С докладами выступили: **В.В. Полякова** (УрФУ, Екатеринбург); **Е.В. Гольцова** (ИГУ, Иркутск); **В.Е. Муценек** (ИГУ, Иркутск) и др.

Резюмируя итоги конференции, отметим, экспертность сегодня стала необходимым условием развития обществ и государств. Опыт показал, что вклад экспертных сообществ в механизмы принятия решений и научный потенциал возможен только, если они опираются на широкую институциональную базу и включены в реализацию стратегических целей государства. Закономерно, что среди основных векторов обсуждений – этапы становления новых экспертных центров в России и мире, степень их автономии, уникальность функций экспертных сообществ, государственное и общественное значение экспертных платформ в условиях цифровых трансформаций, роль университетов как экспертных центров российских регионов.

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Н.А. САБЛИНА, В.В. ЗЫРЯНОВ

ГРАБЕЛЬНЫХ Татьяна Ивановна, д. социол. наук, проф. (tagr@bk.ru); САБЛИНА Наталья Александровна, к. социол. н. (nsablina@bk.ru). Обе – Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович, к. экон. н., доц., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vvzyryanov@gmail.com).

DEVELOPMENT OF EXPERT INSTITUTIONS IN A CHANGING WORLD

DOI: 10.31857/S013216250028317-1

Tatyana I. GRABELNYKH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (tagr@bk.ru); Natalya A. SABLINA, Cand. Sci. (Sociol.) (nsablina@bk.ru). Both – Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Vladimir V. ZYRYANOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vvzyryanov@gmail.com).

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

Л.Г. ТИТАРЕНКО

НА ПУТИ К СУВЕРЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by).

Аннотация. Раскрываются научная значимость, актуальность, теоретическая востребованность монографии «Российское общество: архитектоника цивилизационного развития» (2021). Монография еще более актуальна в условиях новой социально-политической реальности, подтверждающей, что у России нет иного пути развития, кроме суверенного. Последнее предполагает необходимость собственной концепции цивилизационного развития России, один из вариантов которой предлагают авторы монографии. Представленная авторская теоретическая интерпретация российской цивилизации учитывает предшествующие подходы, соединяя воедино социально-структурный, социокультурный, институциональный и субъектный аспекты. Повышает интерес к работе рассмотрение дискуссионных трактовок цивилизации и ее детерминант, а также аргументированная критика модернизационного пути. Авторы показывают, что данный путь предполагает зависимость от западных моделей, без учета национальной специфики культуры, идентичности, особенностей социально-экономического уклада России, и поэтому проигрывает цивилизационному, предлагающему модель суверенного развития.

Ключевые слова: российская цивилизация • цивилизационный подход • мультимодерны • модернизация • суверенное развитие

DOI: 10.31857/S013216250028319-3

Дискуссия о цивилизационном подходе к анализу общества, изменение содержания понятия и модальностей его применения началась давно и особенно активизировалась в конце XX в. в связи с концепциями модерна и мультимодернов. С тех пор ссылки на зарубежных авторов, вносивших вклад в концептуализацию этой области исследования, повторяются как ритуал (Й. Арнасон, С. Аржоманд, Б. Нельсон, Дж. Смит, Э. Тириакийян, Ш. Эйзенштадт, Н. Элиас).

Тема цивилизационного развития страны, региона, бесспорно, сейчас входит в число популярных и в российском обществоведении. Историки, социологи, философы, культурологи стараются внести свою лепту в понимание того, чем является цивилизация, что такое цивилизационная идентичность народа и отдельного гражданина, как она формируется, какие факторы влияют на ее жизнеспособность и т.п. Поэтому все больше статей и фундаментальных работ по цивилизационной тематике публикуются российскими учеными; среди них можно назвать прежде всего коллективы под руководством Н.И. Лапина [2015а, 2015б], О.И. Шкаратана [Шкаратан, 2010; Россия..., 2015], работы А.А. Аузана [2007], О.Э. Бессоновой [2008], И.Н. Ионина [2007], Д.Ю. Карасева [2021] и др. Авторы с разных позиций пытались определить, что такое цивилизация, осмыслить специфику российской цивилизации, связать ее с глобальными проблемами цивилизационного развития.

Рассматриваемая монография¹ относится к числу работ, посвященных весьма дискуссионной проблематике цивилизационного развития применительно к России. Она является результатом многолетних теоретических исследований коллектива ученых Социологического института РАН под руководством В.В. Козловского. Дан комплексный анализ научных представлений (как в глобальном научном сообществе, так и в России) о цивилизации, ее структуре, трансформациях. Анализируется приложимость концепций, разрабатываемых в других странах, к анализу российской цивилизации. Представлен пласт работ, написанных специалистами разных стран по данной тематике (главным образом второй половины XX в., хотя привлечены и более ранние работы – М. Вебер, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин, А. Тойнби). Среди имен нет неожиданных открытий, многие из них стали своего рода «классикой» цивилизационных исследований – М. Мосс, Н. Элиас, Ш.Н. Эйзенштадт, Й.П. Арнасон, однако комплексное и целостное изучение их работ не проводилось. Ранее авторами частично был дан анализ публикаций зарубежных авторов в статьях, однако в монографии это часть единой концептуальной позиции.

Структура монографии логична. Не пересказывая содержание, отметим, что во введении (В.В. Козловский) кратко и емко излагаются основные аспекты предлагаемой концепции цивилизационного развития, раскрываются основные определения. В первой главе (Р.Г. Браславский) дается детальный историко-социологический анализ проблематики в социологии и смежных науках, анализируются теоретико-методологические основы собственного подхода. Выделено четыре основные модели цивилизационного анализа – процессная, конфигурационная, интеракционная, реляционная, они рассматриваются как компоненты социологической цивилизационной парадигмы. По мнению автора, особый интерес представляют сегодня концепции Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона, где изложены теории множественности модернов и анализа разных цивилизаций в этих рамках. Вторая глава (М.В. Масловский, Е.В. Масловская) предлагает сравнительный анализ советской версии цивилизационного модерна с вариациями модерна, имеющими место в Европе и Латинской Америке. Ю.А. Прозорова рассматривает различные интерпретации множественного модерна. Этот анализ становится базой для репрезентации цивилизационного дискурса и соответствующих ему понятий в советской и постсоветской литературе. Н.И. Карбаинов, В.В. Галиндабаева реконструируют историю Татарстана с учетом представлений о тюркской, булгарской и золотоордынской «цивилизациях» в исторической памяти населения. Вопреки имеющемуся стереотипу о важности исторической памяти об этих «цивилизациях», авторы проводят сравнение мнений граждан республики с национальной идеологией разных периодов постсоветского Татарстана, показывая, что современные граждане Татарстана мало интересуются историческими мифами. В заключительной главе В.В. Козловский подробно анализирует проблемы трансформации и конституирования цивилизационной идентичности российского общества. На примере малых городов Северо-Западного региона рассматривается цивилизационный потенциал локальных российских территорий. Данный кейс преподносится как пример использования цивилизационного подхода на мезоуровне. В заключении (В.В. Козловский) изложены две альтернативы подхода к развитию России: основанный на признании необходимости заимствования базовых концепций из зарубежной социологии, и подход, предполагающий разработку собственной концепции российской цивилизации как не нуждающейся в заимствованиях. Выбор одной из альтернатив развития должен не только предложить российской социологии перспективу на будущее, но и дать целостное объяснение развития российского общества в прошлом и настоящем.

Разберем, как представлена в монографии цивилизация и что нового предлагает концепция цивилизационного развития. Центральным понятием анализа выступает цивилизационный порядок общества, который отражает «сложившийся устойчивый корпус

¹ Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с. Ссылки на монографию далее даны в круглых скобках.

форм социальной организации и регулирования культуры, хозяйства и власти» (с. 258). Архитектоника цивилизационного развития довольно сложная. Четырьмя основами этого цивилизационного устройства авторы называют традиционно сложившиеся в обществе иерархии, квазиколлективный солидарный тип социальной структуры, необходимый для поддержания населением общественного договора и консенсуса, соответствующий патриархальный уклад социальной структуры, а также «контингентность, simultанность и когерентность этих основ в условиях турбулентности» (с. 302). В тексте аргументируется неприемлемость любого типа одномерного детерминизма и редукционизма, поэтому ни структурный подход, ни социокультурный, ни институциональный, взятые отдельно, не могут считаться основополагающими в оценке цивилизационного развития. В монографии эти главные составляющие цивилизационного анализа представлены как равноценные, каждая имеет свою сферу приложения при анализе общества. Но все же главными в решении всех основных проблем называются: социоструктурный (доминирует в решении проблем снижения бедности, повышения роста уровня жизни населения) и социокультурный (обеспечение всем социальным группам равных шансов в образовании, доступ к культуре, отправлению религиозных обрядов и верований). В отношении институциональной составляющей отмечается ее общая консервативность, поскольку за институтами стоят интересы элитных групп. Консервативность институтов часто мешает инновационному развитию культурных факторов. Значительную роль также играет агентная основа, т.е. социальные группы, имеющие разные интересы, способны как на продвижение революционных перемен, так и на поддержание устаревших отношений и институтов. В целом, данное рассмотрение основ соответствует подходу к цивилизации Ш. Эйзенштадта, который проводит четкие различия между культурным, институциональным и социоструктурным аспектами социальной жизни [Eisenstadt, 2000: 1]. Авторы монографии в своих базовых конструкциях движутся в русле модели цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадта, которая также включает в себя контингентность и амбивалентность, противоречивость развития цивилизации, наличие разных вариантов и открытость к изменениям.

Уважительное отношение к классике цивилизационного подхода и ее творческое использование свидетельствуют, во-первых, о том, что коллектив скрупулезно проштудировал историю развития цивилизационных исследований в социологии и смежных дисциплинах, взяв оттуда самое главное для своей концепции, во-вторых, что создаваемая ими концепция российской цивилизации вписывается в мировые тенденции цивилизационного развития, при этом учитывая ее специфику, в-третьих, что имеется возможность сравнивать российскую и иные типы современных цивилизаций, пользуясь теоретико-методологическими наработками зарубежных представителей данного подхода, то есть проводить сравнение на единой теоретико-методологической основе, по единым критериям.

Монография является самостоятельным теоретическим вкладом в разработку концептуального подхода к цивилизационному развитию российского общества, поэтому ее анализ должен идти с учетом того, что было сделано российскими учеными к периоду появления этой работы. Можно выделить несколько аргументов в поддержку этого тезиса.

(1) В работе показано принципиальное различие между модернизационными концепциями, которые развивались в России на протяжении постсоветского периода и в той или иной мере ставили страну в позицию догоняющей, несамостоятельной, следующей западным образцам, т.е. в заведомо проигрышную, и концепциями цивилизационного развития, ориентированными на независимый самостоятельный путь. При всем уважении к тем, кто разрабатывал модернизационные теории для постсоветской России, настало время от них отказаться, что подтверждается новой социально-политической ситуацией.

(2) Цивилизационный подход, разрабатываемый авторами, они по праву считают суверенным, поскольку он связан с поиском «идентичности, суверенности для устойчивого уникального развития собственных множественных форм современности» России (с. 306). Основой этой модели цивилизационного процесса России становится самостоятельное решение основных проблем общества, включая уменьшение социального неравенства

и бедности, поиск социокультурного равновесия, устойчивости экономического роста, поддержания общественного консенсуса, оптимизации проводимых реформ и т.д. Особо важно, что предлагается динамическая, а не статичная модель развития страны.

(3) Новый цивилизационный подход предполагает необходимость конструирования «самостоятельных проектов, программ, стратегий самоопределения» на разных уровнях (от локальной территории до региона). Иначе говоря, он должен быть использован при построении теорий, позволяющих изучать общества на нижнем и среднем уровнях анализа. Подобные теории позволят раскрыть развитие российского общества с разных сторон, взаимно дополняя и одновременно конкурируя между собой, предлагая разные схемы анализа и объяснения сложности развития российского общества (с. 265). В монографии сделаны лишь первые попытки разработки таких теорий (главы 4 и 5), сколько их может быть в будущем, покажет практика.

(4) Разработанный авторами подход включает не только структурные, институциональные и культурные конфигурации, но и акторов (агентов) как действующих сил социальных перемен. Их подход определяет способ социального и культурного включения индивидов в ценностные структуры, сетевые отношения, функциональные и институциональные подсистемы общества, а также детерминирует индивидуальный доступ к позициям, статусам и ресурсам, необходимым для самореализации. Важно, что авторы предлагают рассматривать новые способы включения и исключения различных социальных групп в процессы решения ключевых задач общества, а также в процессы взаимодействия власти с социальными группами и индивидами как субъектами деятельности, поскольку от гармонизации этих взаимоотношений зависит поддержание цивилизационной стабильности и трансформация общества.

Хотелось бы выделить актуальный аспект монографии, который при ее выходе в свет, возможно, не был столь значимым и который не был нами отмечен в статье о перспективах российской социологии [Титаренко, 2022]. В отношении грядущих цивилизационных трансформаций авторы весьма точно указали, что «наблюдается очевидный цивилизационный ... перепад от, казалось бы, вполне устойчивой социокультурной матрицы сложившихся типов современного общества "риска", <...> к новым формам общественного порядка» (с. 259). Нынешняя глобальная социально-политическая ситуация полностью подтвердила сделанный прогнозный вывод: глобальный мир, включая российскую цивилизацию, переживает радикальную трансформацию, в результате которой российская цивилизация проходит проверку на прочность и способность к дальнейшему развитию. Авторы считают, что новая социокультурная карта мира будет включать результат «цивилизационного сдвига российского общества в направлении новых типов модерности с учетом собственной специфики» (с. 260). Однако ввиду неопределенности и контингентности развития цивилизации конкретизация этих новых конфигураций пока не представляется возможной.

Отмечая инновационный и глубоко фундированный подход к разработке проблематики российской цивилизации в рецензируемой монографии, укажем и ее некоторые дискуссионные стороны, стимулирующие необходимость дальнейшей работы в этом направлении. То, что в монографии дается базовая схема социологического анализа цивилизационного устройства и развития российского общества, безусловно, является ее плюсом. В тексте по этому вопросу сказано, что «логика цивилизационного анализа определяется взаимоотношением четырех базовых социологических категорий, включающих социальную структуру, институты, культуру, субъектность (или агентность)» (с. 301). Однако такой социетальный подход и логика соответствуют, скорее, социально-философскому уровню, который затруднительно перенести на более конкретные уровни анализа. Без конкретизации предложенный подход в практике социологических исследований трудно применим.

Проблематично, что авторы называют «модерностями» все формы и типы постоянно происходящих изменений современного общества. По их мнению, «поток индивидуально и социально выстроенных модерностей непрерывно расширяется» (с. 256) Общий категориальный аппарат цивилизационного анализа вряд ли приложим к подразумеваемым

локальностям. Они достойны собственных категорий, тем более, что эти изменения происходят в рамках неких локальностей (гендерные, трудовые, жилищные, территориальные и т.д.), порождая новые формы социального неравенства. Нужны иные категории для их анализа, иной понятийный аппарат. При этом авторы совершенно правы в том, что цивилизационный подход приложим не только к макроуровню, но и мезоуровню. Вполне возможно, он актуален и для микроуровня общества, так как социальная структурность, институты, культура и агентность проявляются и здесь. Однако общих моделей для анализа цивилизации на разных ее уровнях нет, да и вряд ли такие могут быть.

В ряде глав монографии преобладает глобальный уровень рассмотрения проблемы, хотя она посвящена российской цивилизации. Многие определения также представляются чрезмерно абстрактными (включая определение понятия модерности), что не всегда помогает пониманию специфики суверенной российской цивилизации, ее идентичности, культуры и т.д. Иногда следование цивилизационному подходу Ш. Эйзенштадта не совсем оправдано (например, применение понятия «осевая цивилизация» к России периода начала XXI в.). Понятно желание авторов встроить российскую цивилизацию в глобальную цивилизацию, но некоторые выводы, сделанные в этом русле, вызывают сомнения. Например: «Политический и экономический каркас национально ориентированной культуры трансформируется в направлении глобально-ориентированных цивилизационных оснований» (с. 260). Возможно, авторы тем самым хотели подчеркнуть противоречивость современного цивилизационного развития мира? Хотелось бы большей четкости в выводах, касающихся взаимодействия российской цивилизации и «мирового цивилизационного процесса» с учетом авторского признания существования «особого русского или евразийского варианта цивилизационного переустройства российского общества» (с. 263).

Указанные противоречивые моменты свидетельствуют о необходимости продолжить исследования в данном направлении. В целом, монография имеет важное теоретическое значение, а в новых геополитических условиях приобретает большой общественно-политический смысл. Дана теоретическая версия интегрального представления о российской цивилизации как определенной целостности, с присущими ей чертами и принципами развития, включенной в общий поток цивилизационного развития. Монографию отличает не только глубина и систематичность проработанного материала, но и смелость авторов, их желание разработать оригинальный подход к развитию российской цивилизации, который был уникальным в своей целостности и соединял разные детерминанты развития применительно к российскому обществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 54–60.
- Бессонова О.Э. Интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. № 2. С. 15–32.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007.
- Карасев Д.Ю. Реляционно-цивилизационный подход Й. Арнасона и глобальное измерение советского модерна // *Социологические исследования*. 2021. № 9. С. 151–156.
- Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // *Вопросы философии*. 2015а. № 4. С. 3–16.
- Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // *Вопросы философии*. 2015б. № 6. С. 3–17.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общ. ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Мир России, 2015.
- Титаренко Л.Г. Теоретическая социология в современной России: глобальная и национальная перспективы // *Социологические исследования*. 2022. № 4. С. 3–14.

Шкаратан О.И. Системы цивилизации и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. № 3. С. 23–45.

Eisenstadt S.N. (2000) *The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven*. Vol. 62. No. 1: 1–21.

ON THE WAY TO A SOVEREIGN RUSSIAN CIVILIZATION

TITARENKO L.G.

Belarusian State University, Belarus

Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus (larissa@bsu.by).

Abstract. The scientific significance, theoretical relevance of the monograph “Russian society: architectonics of civilizational development” are explored. Published two years ago, the monograph has become even more relevant in the new socio-political situation, which confirms that Russia has no other way of development than a sovereign one. The latter suggests the need for its own concept of civilizational development of Russia, one of the variants of which is proposed by the authors of the monograph. The presented author’s theoretical interpretation of Russian civilization takes into account previous approaches to civilization, bringing together the socio-structural, socio-cultural, institutional and subjective aspects. The interest to the monograph is increased by the consideration of debatable interpretations of civilization and its determinants, as well as well-reasoned criticisms of another approach to the path of Russian civilization development – modernization. The authors show that this path involves dependence on Western models, without taking into account the national specifics of culture, identity, and the peculiarities of the socio-economic structure of Russia, and therefore it loses to the civilizational one, which offers a model of sovereign development.

Keywords: Russian civilization, civilizational approach, multi-modernities, modernization, sovereign development.

REFERENCES

- Auzan A.A. (2007) The “track” of Russian modernization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 6: 54–60. (In Russ.)
- Bessonova O.E. (2008) Integral-Institutional Paradigm of Civilizational Development as a New Methodology of Cognition. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 2: 15–32. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N. (2000) *The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. Thesis Eleven*. Vol. 62. No. 1: 1–21.
- Ionov I.N. (2007) *Civilization consciousness and historical knowledge: problems of interaction*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Karasev D.Yu. (2021) J. Arnason’s relational-civilizational approach and the global dimension of Soviet modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 151–156. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015a) Fundamental values of civilizational choice in the 21st century. Part 1. Human civilization before choosing the configuration of fundamental values. *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 3–16. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015b) Fundamental values of civilizational choice in the 21st century. Part 2. Axiological prerequisites for the civilizational choice of Russia. *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 6: 3–17. (In Russ.)
- Merton R.K. (2006) *Social theory and social structure* / Transl. from Eng. by E.N. Egorova; scientif. ed. Z.V. Koganova. Moscow: AST, Khramitel. (In Russ.)
- Russia as a civilization: materials for reflection* (2015) / O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov (eds). Moscow: Mir Rossii. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2010) Systems of civilization and models of socio-economic development of Russia and other post-communist countries of Europe. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 3: 23–45. (In Russ.)
- Titarenko L.G. (2022) Theoretical sociology in modern Russia: global and national perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)

© 2023 г.

Vladimir Ze'ev Khanin. FROM RUSSIA TO ISRAEL – AND BACK? CONTEMPORARY TRANSNATIONAL RUSSIAN ISRAELI DIASPORA. Potsdam: De Gruyter Oldenbourg, 2022. 334 p.

В конце существования СССР и после его распада начались крупные миграционные процессы: волны этнических эмиграций (в принимающих странах нередко обозначаемых как «репатриация») бывших советских немцев, корейцев, греков, евреев и некоторых других групп, а также реэмиграция определенной части уехавших в страны исхода или вторичная эмиграция в другие государства. Еврейская эмиграция была одной из самых значительных, основная масса советских, а затем постсоветских евреев устремилась в Израиль, а также в Германию, США, Канаду и др. Изучению причин и характера этой волны эмиграции (в израильской традиции получившей название «большая алия»), идентичности и судеб уехавших посвящена обширная литература, в том числе на русском языке¹. Значительно меньше изучена реэмиграция бывших советских евреев и членов их семей в страны исхода и другие страны.

Недавно вышедшая книга известного израильского социолога, профессора университета Бар-Илан и руководителя Института евро-азиатских еврейских исследований в Герцелии Зеэва Ханина посвящена спектру важных и непростых для Израиля, и в определенной мере для России, проблем. Она охватывает период с конца 1980-х гг. (когда началась массовая эмиграция советских евреев) до 2021 г., которая привела к существенным изменениям в социодемографических характеристиках и культурной идентичности еврейского населения как в странах исхода, так и в Израиле. Книга информационно насыщена: использован широкий круг источников (данные многочисленных социологических опросов, проведенных автором в России, Украине и Беларуси, а также другими исследователями; результаты включенного наблюдения; тексты экспертных интервью; материалы СМИ и др.), что придает глубину и достоверность большинству сделанных автором выводов. Остановлюсь на наиболее важных и интересных для российской аудитории вопросах и проблемах.

3. Ханин подчеркивает, что современный период истории Израиля характеризуется кризисом идеологии «плавильного котла», усилением тенденций мультикультурализма и диверсификации израильской идентичности, что характерно не только для отношений между различными этноконфессиональными группами в стране, но для взаимоотношений внутри самой израильской еврейской общины. Обращаясь к проблемам русскоязычных иммигрантов в Израиле, автор отмечает, что они быстро сформировали свою субкультуру, социальные и бизнес-связи, образовательные и культурные учреждения и др., подчеркивая культурную преемственность, особо отмечая роль русского языка, ставшего важным фактором идентичности и систем культурных ценностей новопривывших.

Все это, включая разнообразные внутренние связи, характерно для многих диаспорных групп иммигрантов в разных странах (когда родной язык долго остается их структурообразующим элементом), в том числе в так называемых переселенческих обществах. Исследователь указывает, что приверженность русскому языку и русскоязычному

¹ См., напр.: Русское лицо Израиля: черты социального портрета / Сост. М. Кенигштейн. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2007; Еленевская М., Фиалкова Л. Евреи бывшего СССР за рубежом // Евреи / Отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 611–644.

информационному пространству характерна и для других новых еврейских диаспор в разных странах (США, Германии, Канаде), полагая, что это приводит к изоляции русскоязычных иммигрантов. Такое утверждение кажется излишне категоричным, но в целом верным. Подобной изоляции способствует также постоянная «подпитка» русскоязычной общины новыми волнами иммигрантов из бывшего СССР, особенно вызванных экономическими и/или политическими кризисами. Эти мигранты часто были глубоко аккультурированы в странах исхода и отличались от представителей волн репатриации в Израиль членов восточных общин (йеменских, иракских и др. евреев), имевших скорее характер эвакуации. Они не получали в Израиле подобной «подпитки», а их приверженность иудаизму способствовала быстрой интеграции в израильское общество, где иудаизм играет значительную роль во многих сферах жизни. Бывшие советские евреи, в массе своей нерелигиозные (лишь от 10 до 20% из них придерживаются иудаизма²), не имели этой значительнейшей опоры еврейской идентичности, ибо на протяжении веков именно иудаизм выполнял функцию мощного этноконсолидирующего фактора. Если же учесть, что нарратив о Земле Израиле как о Земле Обетованной сложился именно в рамках религиозной традиции, а позднее был в несколько иной форме воспринят в сионистской идеологии, неудивительно, что интеграция бывших советских евреев в Израиле происходит столь непросто. В то же время автор совершенно верно указывает на отсутствие своего рода русскоязычного гетто в Израиле (о котором писали некоторые авторы) и на формирование у новоприбывших в 2000-х гг. израильской национальной идентичности, хотя и говорит об их интеграции без аккультурации.

В этой связи З. Ханин обращается к проблемам израильской диаспоры в разных странах, подчеркивая, что многочисленные исследования показывают значительную привязанность израильских эмигрантов к Израилю, что, наряду с созданием израильской инфраструктуры в виде клубов, школ, газет и пр., а также иврита как языка общения, препятствует растворению «бывших» израильтян в местных еврейских общинах.

Идеологические, политические и социальные измерения эмиграции евреев из Израиля стали фокусом второй главы. Эта болезненная тема для Израиля воспринимается в зависимости от того, на какую систему ценностей ориентируется тот или иной политик или интеллектуал³. При этом в других диаспорах реэмиграция, по каким бы причинам она не совершалась, не воспринималась как угроза членами иммигрантского сообщества или как удар по статусу тех, кто оставил эту страну. В Израиле ситуация иная: в рамках сионистской парадигмы, заключающейся, в частности, в том, что евреи не могут жить в безопасности и обладать национальным суверенитетом вне своего государства, такая эмиграция воспринималась как девиация или своего рода социальная болезнь. Между тем более 40 лет назад эмиграция из страны стала очевидным фактом: более 7% еврейского населения Израиля постоянно жили за рубежом. Основная масса (60–70%) переехали в США, 15–25% – в страны Европы, остальные (в том числе бывшие советские граждане) – в другие страны. Опираясь на данные опросов, автор доказывает, что выходы из бывшего СССР не чаще, а во многих случаях реже реэмигрировали, и это свидетельствует о высокой степени их интеграции в израильское общество.

Говоря о факторах, способствовавших эмиграции русскоязычных евреев и членов их семей из Израиля (Глава 3), З. Ханин подчеркивает, что прагматические соображения (хорошо оплачиваемая работа, безопасность и др.) значительно влияли на принятие решения об эмиграции из страны (с. 58). Например, молодые люди с высшим образованием составляют наиболее значительную группу тех, кто готов эмигрировать. В то же время автор подчёркивает, что сионистские ценности (которые, по его мнению, очень

² См.: Gitelman Z. Jewish Identities in Post-Soviet Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2012; Носенко-Штейн Е.Э. «Передайте об этом детям вашим...» Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: МБА, 2013.

³ С. 226, Della Pergola S. Aliyah, Yerida and Other Demographic Problems // Is that Indeed Difficult to Be Israeli? / Ed. by A. Haeven. Jerusalem: Van-Leer Institute, 1983.

важны для связи новоприбывших с Израилем) играют значительную роль в принятии такого решения. И это отличает его позицию от точки зрения исследователей, стоящих на постсионистских позициях, которые рассматривают эмиграцию из Израиля как идеологическое диссидентство. В этом контексте понятна точка зрения автора, который считает преувеличением многократно высказывавшиеся суждения об экономическом характере большой алии из бывшего СССР, полагая, что желание жить в еврейском государстве и солидарность с Израилем играли большую роль в принятии решения об эмиграции (с. 62). С этим утверждением можно спорить, тем более что социологические опросы среди евреев, проживавших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР и затем в постсоветских странах и твердо намеревавшихся эмигрировать именно в Израиль, не проводились; поэтому все ссылки на результаты более поздних исследований выглядят определенной экстраполяцией.

В Россию русскоязычные иммигранты возвращались в основном по экономическим причинам (более благоприятные условия для ведения бизнеса). Некоторых не удовлетворял ориентализирующий стиль жизни в Израиле. Еще большие сложности с адаптацией в Израиле испытывали нееврейские члены семей новоприбывших, потомки смешанных браков (особенно так называемые патрилинейные евреи, т.е. имеющие еврейских предков по отцовской линии).

3. Ханин особо фокусируется на роли еврейской идентичности в процессе эмиграции из Израиля или нежелании покинуть страну. Он выделяет несколько категорий израильтян, проживавших в СССР и затем в постсоветских странах (с. 115), в дальнейшем неоднократно выявляя убедительную корреляцию различных факторов реэмиграции и адаптации на новом месте с этими категориями, подчеркивая гетерогенность русскоязычной израильской диаспоры, существовавшей на постсоветском пространстве до 2022 г.

Для меня как исследователя, долгие годы занимавшегося проблемами еврейской идентичности, особый интерес представляет Глава 5, в которой рассматриваются различные аспекты идентичности «бывших израильтян», проживавших на постсоветском пространстве. Хотя в большинстве стран евреи считаются конфессиональной или этноконфессиональной группой, в постсоветских странах их самоидентификация имеет по преимуществу этнический характер, т.е. основана на вере в общее происхождение, в то время как религия занимает в ней довольно скромное место. Автор сравнивает этнический состав израильтян, проживавших в некоторых постсоветских странах, полагая, что еврейская идентичность связана с долей этногенетического компонента реэмигрантов (с. 150–151). Вряд ли такое утверждение оправдано, ибо этничность является не генетически обусловленной данностью, а способом организации социальных и культурных различий, и автор сам подчеркивает сложный многоуровневый характер еврейской идентичности, проведя интересный компаративный анализ типов идентичности (точнее, самоидентификации) разных групп израильтян – выходцев из бывшего СССР (с. 160).

Он также подчеркивает важнейшую роль государства в еврейской самоидентификации, хотя в последние годы появляется все больше работ о кризисе израильтентизма и его причинах⁴. Специфические черты русскоязычных израильтян позволяют 3. Ханину считать их самостоятельной группой в рамках транснационального российско-израильского субэтнуса внутри еврейского народа (с. 179). Тут есть спорные утверждения, в том числе касающиеся характера и соотношения еврейской и израильской идентичностей и их корреляции с этнической гомогенностью, а также обращение к терминам, употребляемым в рамках теории этноса, которая давно подвергается критике (кроме того, евреи не подходят под определения этноса).

⁴ Карасова Т.А., Хлебникова Л.Р. Кризис идеи израильтентизма на современном этапе // Израиль в борьбе: грани противоречий в политике, экономике, обществе / Отв. ред. Д.А. Марьясис, С.Г. Мелконян, Л.Р. Хлебникова, Е.А. Якимова. М.: ИВ РАН, 2022. С. 122–150.

3. Ханин полагает, что жившие в Израиле респонденты чаще обращаются к религии как к опоре своей еврейской идентичности, хотя русскоязычные израильтяне менее религиозны и не всегда соблюдали предписания иудаизма (с. 198). На мой взгляд, даже частичное следование предписаниям иудаизма, играющего в еврейском государстве значительную роль во многих сферах жизни, можно считать инструментом сохранения не только еврейской, но и израильской самоидентификации.

Отчасти продолжая тему своеобразия русскоязычной израильской диаспоры (Глава 7), исследователь сосредоточивается на проблемах отношений израильских эмигрантов с принимающими обществами, где социальные сети играли роль инструмента своего рода исключения эмигрантов из местного окружения (с. 238–239). Сравнивая различные израильские диаспорные группы, 3. Ханин касается болезненной проблемы антисемитизма (важного фактора конструирования еврейской самоидентификации), указывая, что в отличие от многих стран Запада антисемитские настроения на постсоветском пространстве в целом в рассматриваемый им период снижались (с. 255). Отмечу, что пандемия и военные действия на Украине вновь стали их катализатором, а также поставили под сомнение существование аморфных сетей русскоязычных израильтян, базировавшихся на формальных и неформальных связях.

Подводя итоги своих исследований, 3. Ханин вновь обращается к проблеме транснационализма и новой транснациональной еврейской диаспоры. Об этом в последние десятилетия писали немало. Новый еврейский транснационализм, подчеркивает автор, опирается на новые этнические маркеры, включая язык, поведенческие нормы и приверженность некоторым культурным традициям, что обусловило возникновение новой диаспорной идентичности (с. 286–287). Небольшое, но важное уточнение: автор постоянно называет бывших советских евреев и членов их семей в Израиле и уехавших оттуда «русскими» (Russian) израильтянами. Видимо, все же корректнее было бы говорить о русскоязычных (Russian-speaking), поскольку у многих не просто отсутствует русский этнический компонент, но именно русский язык стал одним из мощных объединяющих их в транснациональное сообщество факторов (о чем сам исследователь неоднократно упоминает), а их самоидентификации, символы и ценности, которые для них важны, сформировались в Израиле.

Книга 3. Ханина вносит серьезный вклад в теорию и практическое изучение миграций, диаспор и транснационализма, и, хотя автор во время недавнего выступления на одной из научных конференций подчеркивал, что его книга теперь имеет скорее исторический характер, с этим можно спорить. Прикладные социологические работы быстро переходят в ранг «исторических», это не лишает многие из них научной ценности. Рецензируемая книга вызывает размышления и побуждает к дискуссии, которые являются неотъемлемой частью научного дискурса.

Е.Э. НОСЕНКО-ШТЕЙН

НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна, д.и.н., гл. научн. сотр., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (Elednos21@gmail.com).

Vladimir Ze'ev Khanin. FROM RUSSIA TO ISRAEL – AND BACK? CONTEMPORARY TRANSNATIONAL RUSSIAN ISRAELI DIASPORA. Potsdam: De Gruyter Oldenbourg, 2022. Reviewed by E.E. Nosenko-Stein

DOI: 10.31857/S013216250028320-5

Dr. Elena E. NOSENKO-STEIN, Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia (Elednos21@gmail.com).

© 2023 г.

Тукумцев Б.Г. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ: СБОРНИК СТАТЕЙ / Под ред. В.Ю.Бочарова. Самара: Самарский ун-т, 2023. 648 с.

Памяти Б.Г. Тукумцева

Б.Г. Тукумцев (1927–2021) – автор около 170 научных публикаций, среди которых нет второстепенных работ. Наиболее известны «Очерки истории первой Самарской социологической лаборатории» (2000), отмечается его работа в качестве редактора-составителя и автора многих статей «Теоретико-прикладного словаря “Социология труда”» (2006), а также ряд ярких публикаций, в том числе в журнале «Социологические исследования»¹.

В издательстве Самарского госуниверситета вышел сборник, в котором опубликованы наиболее значимые статьи и материалы, накопленные за долгие и плодотворные годы работы. Это значимый вклад в обогащение наследия российской социологической науки.

Составители сборника (В.Ю. Бочаров, Н.В. Авдошина, Ю.В. Васькина, С.Г. Климова) отобрали для публикации 37 научных статей. Это наиболее яркие тексты Б.Г. Тукумцева с опорой на критерии теоретической важности и практической значимости. Они систематизированы и сгруппированы в пять разделов, в соответствии с основными направлениями научного анализа Б.Г. Тукумцева, а именно: 1) статьи, посвященные трудовым отношениям как объекту социологического анализа, в том числе возможностям культурального подхода к их изучению; 2) мотивации и включенности наемных работников в деятельность своей организации; 3) социологическому анализу инновационной деятельности; 4) проблемам изучения уровня жизни наемных работников и измерения уровня трудовой бедности; 5) методологии, методам и практическим результатам самарского мониторинга социально-трудовой сферы.

В каждом из разделов содержатся не только теоретические подходы к анализу рассматриваемых явлений, но и конкретные оригинальные методики их измерения. Их разработкой Б.Г. Тукумцев начал заниматься еще в советское время, изучая показатели включенности в социалистическое соревнование, и продолжил в должности директора НИИ социальных технологий Самарского госуниверситета (например, разработана методика включенности в организацию), анализируя данные мониторинга социально-трудовой сферы предприятий Самарской области. В дальнейшем разработкой методики измерения инновационной деятельности Б.Г. Тукумцев занимался в качестве руководителя Центра исследований социально-трудовой сферы СИ РАН. Все эти материалы представлены в рассматриваемом сборнике.

Еще один (шестой) раздел сборника составлен из статей, написанных Б.Г. Тукумцевым в разное время и посвященных темам, интересовавшим ученого, но не ставшим центральными в его творчестве. Здесь представлены статьи, посвященные новой типологии постсоветского работника; социальному самочувствию женщин, занятых домашним хозяйством; проблеме гендерного неравенства; солидарности наемных работников; культуре трудовой деятельности как предмету социологического анализа. Кроме того, опубликованы статьи, в которых Будимир Гвидонович указывал на роль своего учителя и друга – Владимира Александровича Ядова в становлении самарской социологии (с. 566–575) и в целом в поддержке региональной социологии в России (с. 576–579).

Завершает сборник статья С.Г. Климовой, в которой концептуально осмысливается научное творчество Б.Г. Тукумцева, анализируется его роль в разработке методологии и практической работы в сфере производственной социологии и его вклад в формирование школы социологии труда в России (с. 580–588). Можно полностью согласиться с резюме, которое дала С.Г. Климова его деятельности: «Быть успешным во всех обозначенных ипостасях – невероятно сложная задача. Б.Г. Тукумцев – один из немногих, кому это удалось, благодаря обозначенному

¹ См., напр.: Тукумцев Б.Г. Показатели включенности в социалистическое соревнование // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 155–157; Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 42–50.

выше умению говорить с людьми, в той или иной роли вовлечёнными в социальные инновации: административным и партийным начальством; социологами – теоретиками, работниками предприятий, студентами» (с. 580–581).

В приложении к сборнику – с целью познакомить читателя с жизненным опытом и научными приоритетами Б.Г. Тукумцева – представлено два интервью, которые Будимир Гвидонович дал Н.В. Авдошиной (2004) и Б.З. Докторову (2009).

Сквозная мысль опубликованных работ – глубокое беспокойство автора в отношении реализации государственных интересов современной России, тревога за положение и успех «человека труда». Б.Г. Тукумцеву всегда было свойственно четкое обозначение своей гражданской позиции. В статьях он постоянно акцентирует необходимость защиты интересов трудящихся и критикует сложившееся положение вещей, при котором развитие рыночных отношений в стране сопровождалось формированием диктата новых собственников. Автор отмечает факты допущенной несправедливости в отношении трудящихся людей, особенно в контексте решения острой проблемы бедности.

Практически во всех опубликованных текстах Б.Г. Тукумцев снова и снова обращается к основной для него проблематике труда. В сборник вошли статьи, посвященные анализу условий труда и конкретных практик, реакций работников, обусловленных отсталостью и несовершенством промышленного производства в России (с. 30–42). Как оказалось сегодня, решение именно этой задачи является серьезным условием устойчивости и залогом будущего развития страны. Прежде всего, Б.Г. Тукумцев подчеркивает необходимость проведения широкой модернизации промышленности, которая создаст условия для формирования работника «нового типа» как активного субъекта труда (с. 439–440). Такой социологический анализ трудовых отношений проникает в самую суть и схватывает основания проблем труда в России, без решения которых невозможно достижение технологического суверенитета и экономической стабильности страны в столь непростое время.

Особо обращает на себя внимание обширный анализ характеристик современного работника, к которому социолог вместе со своими соавторами обращается в последних опубликованных работах, также вошедших в рецензируемый сборник. Среди наиболее современных качеств авторы называют фирменный патриотизм, чувство ответственности, инновативное поведение (с. 439), без которых любые технологии оказываются бесполезными, а предприятия лишаются возможности производить качественную продукцию и повышать конкурентоспособность: *«Стала очевидной жесткая зависимость успеха работы предприятий, фирм от человеческих качеств, от добросовестности и личной заинтересованности каждого из исполнителей в общем успехе»* (с. 440). Согласимся с указанной позицией, поскольку сегодня ни для кого уже не является секретом, что проблема работника должна получить новую, созвучную действительности оценку.

Социология Б.Г. Тукумцева ценна еще тем, что требует обновления теоретических подходов к анализу трудовых отношений в России. В частности, автор подчеркивает значимость деятельностно-активистского подхода как средства выхода из методологического тупика, в котором оказалась социология труда в постсоветское время. Б.Г. Тукумцев отмечает, что отсутствуют эффективные инструменты по раскрытию новых механизмов взаимодействий сторон на предприятиях, с одной стороны, находящихся в частной собственности, а с другой стороны, не воспринявших однозначно парадигму развития западных стран (с. 61–62).

Работа в данном направлении позволила автору громко заявить об исследовательской программе, основанной на акцентировании роли культуры в современном мире и культурной мотивации как основы социальных изменений и социологического осмысления жизни обществ. Выделив понятие «культуры трудовых отношений», включающее многоуровневую систему норм и правил, организационных и неформальных практик, автор связал его с характеристиками поведения трудящихся и факторами, которые препятствуют успешной деятельности предприятий и фирм (с. 61–62). Было бы интересно увидеть продолжение развития данной объяснительной модели в трудах его коллег и учеников.

Большое число эмпирических трудов, работа над решением методологических проблем и попытки теоретического анализа состояния и специфики трудовых отношений и мотивации субъектов труда в условиях общероссийской рыночной реальности привели Б.Г. Тукумцева к выдвижению тезисов относительно общих перспектив исследований в этой области (с. 55–60). Отмечая сложное положение российской социально-трудовой сферы на протяжении всего периода, которое сформировалось в силу отсутствия надлежащего контроля и регулирования этой сферы со стороны государства, он подчеркивает откат трудовых отношений от цивилизованного уровня и фактически уничтожение социальных завоеваний труда предыдущего времени в России. В своем роде аналогичный откат случился и в российской социологии труда, которая в позднесоветское время смогла достичь значительных успехов за счет усилий выдающихся советских и российских авторов, положивших начало славной истории и основательным научно-исследовательским традициям².

Абсолютно иная социальная ситуация в организациях и на предприятиях в постсоветский период, расклад сил (работодателей и работников), отсутствие адекватных времени концептов и инструментария для анализа новых трудовых отношений, общее снижение интереса социологов к исследованию этой области жизни – такое беспокойство ощущается при чтении сборника. Общая рекомендация, транслируемая автором, заключается в том, что исследование должно быть сосредоточено на проблематике культуры деятельности людей, а также на субъектах или акторах труда, выступающих ключевым ресурсом и двигателем общественного прогресса. «Культура деятельности» или «культура труда» – концепты, которые Б.Г. Тукумцев разрабатывал в последние годы жизни, – трактуются им как теоретические и методологические средства, позволяющие применять широкий инструментарий для анализа труда и трудовых взаимодействий, в том числе (по-моему, это должно приниматься во внимание в первую очередь) учитывать богатый накопленный опыт, ни в коем случае не пассивный, а выступающий в качестве «социального генератора», формирующего и регулирующего реальность (труда) (с. 58).

В заключение отметим, что во время презентации сборника статей Б.Г. Тукумцева весной 2023 г. поступили многочисленные отклики от ведущих российских социологов, лично его знавших и приветствовавших выход книги. Так, Ж.Т. Тощенко отметил следующее: «Поздравляю коллег с этой большой и благородной работой. Память о нашем коллеге, обладающем уникальным опытом и сделавшем много для социологии труда, будет ориентиром для нас, занимающихся этими проблемами, но особенно для молодежи, решившей стать на этот путь». А.Л. Темницкий отметил, что «среди нас нет никого, кто бы не знал Будимира Гвидоновича как великого сподвижника идеи развития трудовой сферы посредством социологии, кто не ссылаясь бы на его работы. Теперь, благодаря вашему благородному труду, это будет делать легче, память при обращении к его работам будет ярче». Хотелось бы присоединиться к этим оценкам и рекомендовать данную книгу к прочтению и использованию в социологической практике.

И.Л. СИЗОВА

СИЗОВА Ирина Леонидовна – доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (sizovai@mail.ru).

Tukumtsev B.G. SELECTED ARTICLES: COLLECTION OF ARTICLES. Ed. by V. Yu. Bocharov. Samara: Samarskii un-t, 2023. 648 p.

DOI: 10.31857/S013216250028321-6

Irina L. SIZOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (sizovai@mail.ru).

² Ядов В.А. «Социология труда начала умирать, потому что появился рынок...» / Интервью с В.В. Радаевым // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 5. С. 8–17.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 10

CONTENTS

XXV KHARCHEV READINGS

- 3 IGNATYEV V.I. The Perspective of Postsocial Transit: Metamorphosis of Actions and Structures
14 KATERNYI I.V. Development of the Theory of Crisis in Sociology: Evolving Ideas and Modernity

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 27 KUCHENKOVA A.V., TATAROVA G.G. Fuzzy Classifications in the Typological Analysis of Workers
by Employment Instability

DEMOGRAPHY. MIGRATION

- 41 LISITSYN P.P., STEPANOV A.M., ORLOVA N.A. Fulfilled and Unfulfilled Promises of Everett Lee:
Toward a Critique of Migration Theories
52 LOGINOVA L.V., SHCHEBLANOVA V.V. Migration of the Population in the Border Region:
Status and Trends (the Case of the Saratov Region)
65 BYURAEVA Yu.G. Demographic Potential of the Republic of Buryatia: Dynamics and Factors
of Reduction Under New Challenges

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 78 BELOPASHENTSEVA P.V. Official and Subjective Poverty in Russia:
the Impact of 2020–2021 Events
91 KOLENNIKOVA N.D. Images of “Russia of the Future” in the Representations of Its Citizens
104 LYALIKOVA S.V., NAZAROVA I.B., KARPOVA V.M. Features of Elderly People Perception
in Russian Society

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 116 BRASLAVSKIY R.G., KOZLOVSKIY V.V. Civilizational Turn in the Contemporary Sociology:
the Contribution of S.N. Eisenstadt
126 LEBEDINTSEVA L.A., DERIUGIN P.P., LIU JUAN. Professor S.M. Shirokogoroff:
Russian Origins of Chinese Sociology

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 137 KLIMENKO L.V., VERESHCHAGINA A.V. Women's Activity in the Public Sphere:
Dynamics of Ethnogender Attitudes in the South of Russia
146 BALAKINA G.F., KHARUNOVA M.M.-B. Todzha Tuvans in Contemporary Situation
151 TRUFANOV A.Yu., SAMSONOV A.I., LUBYANOV M.S. A Russian Region in the Conditions
of Crisis (on the example of the Nizhny Novgorod Region)

ACADEMIC EVENTS

- 157 BADARAEV D.D., BADMATSYRENOV T.B. Cross-Border Area of the East of Russia
in the Modernization Processes
160 GRABELNYKH T.I., SABLINA N.A., ZYRYANOV V.V. Development of Expert Institutions
in a Changing World

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

162 TITARENKO L.G. On the Way to a Sovereign Russian Civilization

168 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Vladimir Ze'ev Khanin. From Russia to Israel – and Back? Contemporary Transnational Russian Israeli Diaspora*. Potsdam: De Gruyter Oldenbourg, 2022. **Reviewed by E.E. Nosenko-Stein**; *Tukumtsev B.G. Selected works: Collection of Articles*. Ed. by V. Yu. Bocharov. Samara: Samarskii un-t, 2023. **Reviewed by I.L. Sizova**)

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)